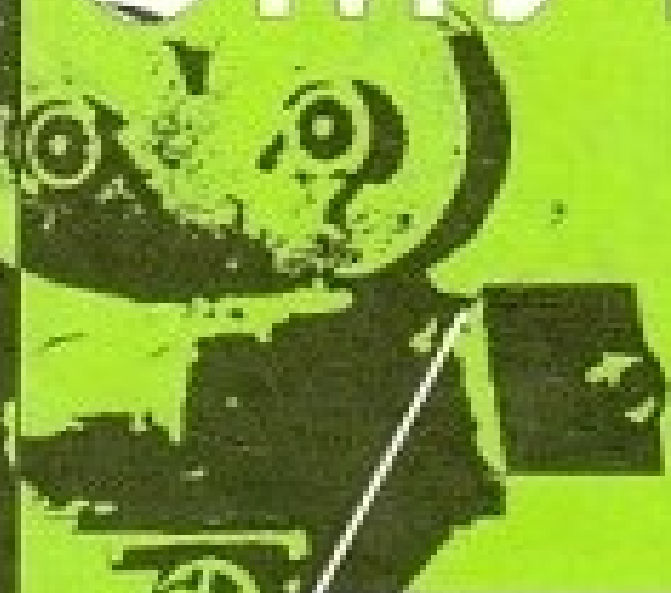

МИЛЬ БРАГИНСКИЙ
Альдар РЯЗАНОВ

ТМУМБ ОМУТЫ

Annotation

«... После фильма «Забытая мелодия для флейты» наши пути с Эмилем разошлись. Почти восемь лет мы не работали вместе. Причем разошлись мы не из-за какого-то конфликта или ссоры.

Разошлись мы, пожалуй, из-за того, что наши творческие интересы стали не совпадать.

Кстати, я предложил Эмилю принять участие в работе над «Небесами обетованными», но этот материал его не заинтересовал. Эмиль отказался. Он в свою очередь предлагал мне свои проекты, но они не заинтересовали меня.

Однако это никак не повлияло на наши личные отношения. А когда осенью 1997 года мне пришел в голову сюжет новой комедии о любви, то я сразу же подумал:

– Это нам надо сочинять вместе с Эмилем.

Эмиль принял мое предложение с радостью, и мы стали писать «Тихие омуты». Оба волновались, как пойдет наша работа после столь долгого перерыва. Но, казалось, разлуки не было, как будто мы лишь вчера кончили нашу последнюю вещь. Почти полгода трудились мы над сценарием, сделали несколько вариантов. В апреле 1998 года сценарий был готов. ...»

- [Эмиль Брагинский, Эльдар Рязанов](#)

- [Глава первая](#)
- [Глава вторая](#)
- [Глава третья](#)
- [Глава четвертая](#)
- [Глава пятая](#)
- [Глава шестая](#)
- [Глава седьмая](#)

- [Глава восьмая](#)
 - [Глава девятая](#)
 - [Глава десятая](#)
 - [Эпилог](#)
-

**Эмиль Брагинский, Эльдар
Рязанов
Тихие омуты**

Глава первая

Наша история началась в такое время года, когда лето уже кончилось, а осень еще не пришла. Деревья уже принялись желтеть и ронять на московский асфальт отдельные преждевременно постаревшие листья. Был не то конец августа, не то уже начало сентября. Теплынь стояла как бы летняя, но одновременно по-осеннему мягкая. Но вообще-то, время, когда затеялась наша история, не имело особенного значения...

И все-таки завязка нашего повествования началась в такое время суток, когда ночь еще не ушла, а утро еще не явилось. В общем, было или очень поздно или очень рано, в зависимости, откуда считать.

На перекрестке в центре Москвы на светофоре сменялись огни с красного на зеленый и обратно, но автомобили где-то еще спали, никто никуда не ехал, так что светофор работал вхолостую. Под пустым милицейским стаканом дежурил на всякий случай «форд» дорожно-патрульной службы. Внутри него кемарил молоденький инспектор. Вдруг из глубины Большой Никитской показалась мчащаяся «скорая помощь» – роскошный импортный микроавтобус с красным крестом, надписью «Реанимобиль» и тревожно мелькающей мигалкой на крыше. Машина на страшной скорости пронеслась через перекресток, мимо памятника Тимирязеву, мимо милицейского патруля, свернула, не замедляя хода, на красный свет в улицу с односторонним движением и поспешила дальше, проскочив между двумя замершими перед светофором автомобилями. Лейтенант выскочил из «форда» и проводил глазами «скорую помощь», несущуюся против движения, которого, по счастью, сейчас не было.

То, что медицинская машина попирала дорожные правила, не смутило инспектора – на то она и «скорая помощь», чтобы приехать к больному как можно быстрее. Но кое-что повергло его в недоумение: микроавтобус ехал какими-то странными зигзагами, напоминая слаломиста. То он бессмысленно наезжал на бордюр тротуара, то спрыгивал с него в сторону, чуть не задевая бульварную решетку на противоположной части улицы. Инспектор вскочил в свой «форд» и устремился в погоню за нарушителем.

Внезапно перед лихачом возникла преграда. На мостовой были выставлены помойные баки, и огромный мусоровоз опрокидывал в свое чрево содержимое контейнеров. Для проезда по мостовой оставалось слишком узкое и извилистое пространство. Но «скорая», не замедлив хода, стала на два колеса и на боку пронеслась мимо опасного места. Милиционер притормозил и медленно протиснул свой «форд» между баками, потеряв на этом маневре несколько минут. Тем временем медицинский автомобиль ворвался на Патриаршие пруды. Казалось, за рулем сидел первоклассный гонщик-каскадер. Он направил машину по узкому крутому откосу между водой и прогулочной пешеходной дорожкой. Микроавтобус рискованно накренился и двигался, лишь чудом не сваливаясь в воду. Зрелище было не для слабонервных. Лейтенант не рискнул повторить головокружительный трюк и поехал по прогулочной аллее наверху. Так они и ехали – один над другим. Инспектор нагнал «скорую помощь», но находились они как бы на разных уровнях или, вернее, на разных этажах. Наконец «реанимобиль» по откосу выехал на ту же дорогу, по которой мчался преследователь. Милицейский «форд» пошел на обгон, намереваясь преградить путь обезумевшему микроавтобусу, но тот вдруг вильнул к тротуару, затормозил и лихо припарковался около высокого

престижного нового дома, втиснутого между двумя старинными зданиями...

Если бы по нашей повести снимался фильм, то, конечно, на фоне автомобильных гонок показали бы вступительные титры картины, причем сопроводили бы их быстрой и веселой мелодией. А может быть, режиссер придумал бы что-нибудь другое. Впрочем, это его дело...

Из медицинской машины вывалился вовсе не гонщик-каскадер, а прилично подвыпивший мужчина. Тут же стремительно подкатил патрульный «форд». Молодой милиционер подскочил к водителю, который предусмотрительно держался за дверную ручку автомобиля, чтобы не упасть.

- Ваши права! - строго потребовал милиционер.

- Зачем? - невинно спросил водитель. - Мы же не сделали ничего плохого.

- Вы пьяны!

- Да, я выпимши! - не отпирался водитель.

- Ваши права! - повторил инспектор.

- Не дам! - уперся алкаш и крикнул пассажиру: - Ваня, выйди, если сможешь.

Ваня послушно вышел. На ногах он держался тоже не слишком твердо.

- Это мой заместитель... - начал было объяснять водитель, показывая на Ваню...

- Заместитель по пьянству? - инспектору была не чужда ирония.

- Нет, что вы! - воскликнул тот, кому не дали договорить.

Было ему уже за пятьдесят. На нем ладно сидел хороший костюм. Борода, усы и очки делали его чем-то похожим на Антона Павловича Чехова. Но не только внешность и высокий рост роднили «водителя» с классиком литературы. Как и Чехов, герой нашего повествования был доктором. Правда, в отличие от

писателя он не сочинял пьес и рассказов, а только оперировал. Но в области хирургии он занимал, пожалуй, не менее значительное место, нежели Чехов в литературе.

- Нет, что вы, - повторил хирург. - Ваня - потрясающий талант. Сегодня он сделал операцию на позвоночнике, какую не делал еще никто в мире!

- И мы гуляем! - во всю ширь улыбнулся Ваня. Был он моложе шефа лет на двадцать.

- У нас уважительная причина! - с душой произнес старший по возрасту и внезапно рухнул перед инспектором на колени. - Голубчик, не обессудь!

«Голубчик» растерялся, потому что никто еще не вставал перед ним на колени. А Ваня кинулся поднимать шефа. Милиционер же неожиданно сказал коленопреклоненному:

- Я вас по телевизору видел. Вы знаменитый доктор, профессор... простите, фамилию запамятовал.

- Надо бы помнить его фамилию! - укоризненно произнес вдрабадан пьяный Ваня, который вместе с милиционером дружно ставил доктора на ноги. - Антон Михайлович не только профессор, но и академик. Директор клиники. И лауреат.

- Вспомнил! Вы - Каштанов.

- Молодец! - одобрил Ваня. - Это действительно сам Каштанов.

- А вас как зовут? - поинтересовался академик и лауреат.

Инспектор представился по полной форме:

- лейтенант Николай Дементьев.

Женское лицо возникло в окне третьего этажа. Женщина внимательно посмотрела на то, что происходит внизу.

А внизу Каштанов раздухарился:

- Коля, пошли ко мне, продолжим! А тебе, Ваня, придется, уж прости, объявить выговор за незаконное и

нетрезвое использование машины в личных целях.

- А кто приказ подпишет? - ухмыльнулся Ваня, он же Иван Павлович Минаев. - Вы же с сегодняшнего дня в отпуске.

Антон Михайлович Каштанов нашел решение:

- Сам и подпишешь. Ты ведь остаешься вместо меня. Пошли!

Антон Михайлович возвращался домой в дивном настроении. Он пел:

- Миллион, миллион, миллион алых роз...

Жена Каштанова, та самая женщина, что выглядывала из окошка, спустилась в лифте на первый этаж. Жене было около сорока. Даже ночью она была одета элегантно и отлично выглядела. Но при этом ее трясла злоба и от злобы бил озноб.

- Полюшко-Поле, это я с друзьями! - Муж обрадовался тому, что жена его ждет. - Опустошай холодильник.

- Ты почему не позвонил? - прокурорски спросила жена.

- Прости меня, я забыл. Понимаешь, Ваня сделал уникальную операцию. И мы отмечали это событие! - начал оправдываться Антон Михайлович.

- Но как ты мог не позвонить, я тут с ума схожу! Я обзвонила всех и вся! - В голосе супруги звучал металл.

- Поля, прости, я виноват! Но у меня сегодня праздник! Ну, забыл, понимаешь?..

- Я стою на лестнице четыре часа. У меня опухли ноги.

- Сейчас поставим компресс! - сердобольно предложил Ваня.

- Пошли вон, пьянчуги! - заорала жена.

Ваня и милиционер, понурившись, поплелись вон из подъезда.

- Ты оскорбила моих друзей! - возмутился Антон Михайлович.

- А ты... как ты мог не позвонить! - не унималась Полина Сергеевна. - Ты - эгоист, ты - изверг, ты - не мужчина!

И жена начала заталкивать доктора в лифт.

От обиды Каштанов заплакал:

- Тогда кто же я, по-твоему?

В лифте супруги молчали: жена от переполнявшей ее ярости, а муж от унижения и в знак протеста.

Войдя к себе в кабинет, насмерть разобиженный Каштанов, не раздеваясь, повалился на тахту. Перед тем как заснуть, он со слезами на глазах повторял оскорбительные слова Полины Сергеевны и пришел к окончательному выводу, что завтра же разведется с нею.

«К чертовой матери! - думал знаменитый хирург, который всю жизнь слышал от всех в свой адрес только добрые и благодарные слова. - За что?.. Что я сделал?.. Это несправедливо... так обозвать... Нет, с ней жить попросту невозможно... Утро начну с того, что объявлю ей о разводе... Надо же, сказать мне такие страшные слова...»

Мысли его путались, и бедолага так и уснул в костюме и в очках под непогашенной настольной лампой...

На следующее утро завтрак проходил в грозном молчании. Полина Сергеевна привычно подавала овсяную кашу, кефир, кофе.

- Я хочу яичницу и бутерброд с копченой колбасой! - мрачно потребовал Антон Михайлович, понимая, что он завтракает с этой женщиной в последний раз. Вид у него после вчерашнего был, мягко говоря, не самый свежий, а самочувствие просто препоганое.

- Это тебе нельзя! - парировала жена.

- В моем возрасте еще можно все!

- Я лучше знаю, что тебе можно!

- А как ты меня вчера обозвала? - неожиданно спросил муж. - Эгоиста и изверга припоминаю. А что на третье? Самое мерзкое?

- Как следовало, так и обозвала! Уж я-то знаю, чего ты стоишь!

- Ты вела себя недопустимо - прогнала моих друзей. Жена поглядела с насмешкой:

- И давно этот мент тебе друг?

Муж поразился:

- Какой мент? Ты зачем придумываешь?

- Ты пришел с милиционером!

- Я не приходил с милиционером! Никогда! - Каштанов был абсолютно уверен в своей правоте.

- В твоём возрасте пить вредно! - вмазала Полина Сергеевна, на что Каштанов ответил философски:

- В моём возрасте и жить вредно!

После завтрака угрюмый Каштанов, недовольный тем, что напрочь забыл вчерашнее самое страшное оскорбление жены и из-за этого не мог начать разговор о разводе, проследовал к себе в кабинет. Он понимал, что слов «эгоист» и «изверг» недостаточно, чтобы объявить, как сказали бы нынче, импичмент Полине Сергеевне. А главное слово, как назло, вылетело из головы.

Если по нашей истории снимали бы игровую киноленту, то художник обставил бы кабинет Антона Михайловича с тщанием и артистично, ибо съёмочная группа относилась бы к нашему герою с нескрываемой симпатией. В кабинете доктора было много книг, причем на разных языках. На стенах висели картины, намекавшие на пристрастие хозяина к русскому авангарду и примитивизму. На тахте валялся взбудораженный плед, дававший понять, что доктор провел беспокойную ночь. На книжных полках красовались всяческие сувениры, привезенные из-за рубежа. На письменном столе - стопка медицинских

журналов, начатая рукопись. Пианино у стены, гитара на почетном месте, набор компакт-дисков и приличная музыкальная техника демонстрировали серьезный интерес к музыке. Среди фотографий обращали на себя внимание портрет старой женщины – матери Каштанова, сам доктор, снятый в оксфордской мантии и шапочке, и большая фотография красивой женщины средних лет – первой жены Антона Михайловича. Кабинет был обжитой и уютный. Посередине кабинета стоял чемодан, собранный в дорогу, на кресле висел пиджак доктора с лауреатской медалью.

Прежде чем приступить к утреннему макияжу, Полина Сергеевна заглянула в мужнин кабинет.

– Вещи я уложила, – строго сообщила она. – А на столе, вот, смотри: путевка, твой паспорт, санаторий называется «Волжский утес». Это билеты на поезд Москва-Самара. Вагон СВ. И, пожалуйста, выйди в Сызрани, это раньше чем Самара.

И жена аккуратно расправила плед на тахте.

– Не хочу в санаторий! – взмолился Антон Михайлович. – Там меня начнут лечить, а я этого не выношу!

– И это говорит врач! – Полина Сергеевна была неумолима. – Я лучше знаю, что ты хочешь! Ты хочешь ехать в санаторий! Это необходимо для твоего здоровья!

– Полюшко-Поле, пожалей меня! Я не хочу в санаторий... – жалобно повторил доктор.

– Значит так, – командирским тоном перебила жена. – Я даю тебе две тысячи рублей... – Она открыла ящик письменного стола и достала оттуда деньги.

– Что так щедро? – с сарказмом поинтересовался муж.

Полина Сергеевна иронии не уловила:

– Надо, чтобы у тебя были деньги, на кино, например, газету купить, мне позвонить... В поезде за

постель платить не надо, входит в стоимость билета. На вокзал приеду, привезу тебе чего-нибудь вкусненького...

- А все-таки, - настаивал Каштанов, - что было после эгоиста и изверга, на третье?

- А ты что, забыл? - поинтересовалась жена.

- Забыл! - признался Антон Михайлович.

- Что ты на этом зациклился? - отмахнулась она. - Да, в девять тридцать у тебя заседание фонда. Ты успеешь на нем показаться. Твой поезд в семь вечера.

Полина Сергеевна отправилась в спальню и приступила к сложному процессу, который можно было бы назвать портретной живописью. Разумеется, работала она над автопортретом.

- Не пойду! Я в отпуске! - крикнул ей вслед подкаблучник.

Полина Сергеевна не терпела возражений:

- Нет, пойдешь! Я лучше тебя знаю, что ты должен делать!

- Тогда ты и иди! - Каштанов появился в дверях спальни.

- Этот благотворительный фонд носит твое имя. Ты там президент, а не я! - Полина Сергеевна выдавливала из заграничных тюбиков кремы и накладывала их на лицо.

Доктор Каштанов поморщился:

- В моем фонде сидят жулики!

- Это ты их развел! - съязвила жена. - Ты мягкотелый!..

Жена наступила на больное место, и потому Антон Михайлович тотчас раздраженно отозвался:

- Я не гожусь для этого. В бухгалтерии ничего не смыслю... Прикрываясь моим именем, они воруют и воруют.

- Сейчас все воруют! - Полина Сергеевна преображалась на глазах. - Но страна большая и хватит

надолго.

- Ты не устала мной руководить? - понуро спросил Антон Михайлович.

- Вот ты от меня и отдохнешь ровно двадцать шесть дней! А я за это время сделаю евроремонт, поэтому нашу кредитную карту оставляю себе.

Полина Сергеевна любовалась на свое изображение в зеркале и осталась довольна проделанной работой. Из зеркала на нее смотрела холеная, красивая, современная особа, которая выглядела совсем не на сорок пять, как на самом деле, а, по крайней мере, на десять лет моложе. Она достала из сумочки толстую записную книжку, которая на современном, то есть полурусском языке называлась «органайзер», и направилась в кабинет мужа.

- Вот твое расписание до отъезда. Значит, после фонда в одиннадцать у тебя делегация медиков из штата Айова; в двенадцать придет Шелатуркин, он баллотируется в Думу, может пригодиться, если пройдет, а у него грыжа.

- Думаешь, грыжа ему помешает? - желчно спросил Каштанов.

- Не оstri! - отмахнулась Полина Сергеевна и продолжала командовать: - В тринадцать сорок пять открытие бутика фирмы кожаных изделий «Аманти».

- А я-то при чем?

- Высокопоставленным гостям будут раздавать подарки. Возьмешь для меня портфель, коричневый не бери, обязательно серый, это элегантней; в пятнадцать тридцать заскочи в бельгийское посольство, там прием по поводу отъезда культурного советника.

- На кой черт он мне сдался, если уезжает!

- Не будь циником! И, наконец, в семнадцать открытие птицефабрики!

- А там чем брать? Петухами или яйцами? - И Каштанов иронически пропел: - Ку-ка-реку!

Полине Сергеевне уже пора было на работу, и она торопливо и привычно чмокнула мужа в щеку.

- Ты невозможен. Да, пиджак висит на кресле, я его отгладила и прикрепила на лацкан лауреатскую медаль.

- Пожалуй, мне действительно пора совершить хоть какой-нибудь лауреатский поступок!.. - задумчиво протянул Каштанов. - Все-таки, как ты меня обозвала?

Доктора самого раздражало, что он так на этом заиклился, ибо в сущности дело было не только в этом. Но жена не слышала, она уже ушла.

Полина Сергеевна замечательно вписалась в эпоху перемен, сотрясавших страну. Она создала процветающую туристическую фирму, отправляющую людей отдыхать за рубеж. Это придавало Полине Сергеевне, женщине с характером майора, дополнительную властность и независимость. Каштанов посмотрел в окно, - шикарная жена уселась в новенькую «Фелицию» и отчалила от дома. Антон Михайлович задумался.

Конечно, если бы по нашему сюжету стали снимать так называемый художественный фильм, то режиссер здесь стал бы в тупик. Ибо как в кино передать рваные, наступающие друг на друга, лихорадочно сменяющиеся, разнообразные, не поддающиеся логике, обрывочные мысли? Наверное, внешне это выглядело бы так: герой походил бы по кабинету, приблизился к фотографии первой жены, посмотрел на нее. Потом он подошел бы к пианино, открыл крышку и стал играть нежную печальную мелодию Микаэла Таривердиева или Андрея Петрова. Кинокамера провела бы панораму с грустного, задумчивого лица Антона Михайловича по фотографиям, словно выхватывая сцены из прежней жизни доктора. Возможно, прозвучал бы внутренний монолог героя, который авторы написали бы, а исполнитель попытался передать наиболее достоверно.

Между тем думать Каштанову было о чем. Внешне его существование выглядело более чем успешным и счастливым. Хирург, известный всей России, директор Хирургического центра, член Академии медицинских наук, доктор медицины, профессор, лауреат Государственной премии, заслуженный деятель науки, член нескольких зарубежных академий, президент благотворительного фонда и, как говорится, прочая, прочая. Но в душе у нашего баловня судьбы был разлад и неразбериха. Большая часть дел, которыми он занимался, была ему неинтересна и, более того, неприятна. Он скучал на тусовках, считая их просто убийством времени. Он не любил вникать в финансовые бумаги и часто ставил свою подпись, не углубляясь в суть дела. Он ненавидел заседания, которые, как правило, оборачивались пустой говорильней. Он не выносил, когда к нему как к директору приставали с хозяйственными заботами, и старался отделаться.

Он любил только одно – оперировать. У него были поистине золотые, волшебные руки. Он понимал, что только здесь действительно живет и приносит пользу. А во всех остальных случаях только делает вид, что живет, ибо тут душа его мертва. Но пустые хлопоты, представительство, светская жизнь, которую обожала жена, всевозможные интервью, поездки, визиты, приемы, обязанности руководителя постепенно все больше и больше засасывали его и отнимали уйму сил. На главное дело жизни не оставалось времени, Антон Михайлович чувствовал, что его руки хирурга начинают слабеть. И в душе его день ото дня рос протест и соблазнительное желание – не послать ли все эти так называемые «сопутствующие товары» к чертовой матери и остаться просто хирургом. Ох, как нелегко было принять подобное решение: находясь на пике карьеры, отказаться от многого, что щекочет самолюбие, льстит тщеславию, дает всяческие

преимущества. У Антона Михайловича не было властных генов, он никогда не хотел никем руководить, не выносил приказного тона, не любил и не умел командовать. Директором Хирургического центра он стал благодаря случаю. Сделал операцию, действительно сложную, высокому чиновнику, а тот возьми да и стань премьер-министром. Так заведующий отделением экспериментальной хирургии сделал неслыханную административную карьеру. Но сейчас Антон Михайлович думал не об этих высоких материях. Перед уходом в отпуск он все-таки решился и подал заявление министру с просьбой об отставке. Теперь надо было где-то укрыться, переждать, остаться одному, а ссора с женой еще больше укрепила его в этом желании.

Наконец Каштанов вышел из прострации, схватился за телефонную трубку и набрал номер. Судя по количеству набранных цифр, звонил он куда-то далеко.

Авторы, конечно, смогли бы объяснить, кому был адресован звонок Каштанова, но в целях усиления интриги они решили пойти кинематографическим путем, то есть изложить все так, как принято в сценарии кинокартины...

Телефон трезвонил в пустом сельском доме, расположенном на берегу дивного озера. В большой комнате с высоким бревенчатым потолком стены были увешаны картинами. У двери стояли пустые рамы из багета. Вообще в комнате было множество ненужных предметов, которые говорили о том, что, скорее всего, это мастерская живописца. Одну стену почти целиком занимал большой базарный ковер с тремя китчевыми тиграми. Огромный ротвейлер, разлегшийся на полу, к телефону почему-то не подошел...

Глава вторая

Банк «Серебряный гром», как и положено мощному, солидному, короче говоря, крутому банку, располагался в многоэтажном стеклянно-зеркальном великолепии. В тот же день Каштанов вошел в здание банка и сразу был окружен тремя сытыми парнями с мощными загривками:

- Вы к кому?
- К Павлу Анатольевичу Судаковскому.
- Простите, ваша фамилия?
- Каштанов.
- Павел Анатольевич вас ожидает.

Охранники радушно заулыбались, все трое. Они умели не только стрелять из всего, что стреляет, но и быть приветливыми с теми, с кем указано быть приветливыми.

Каштанов прошел через арку безопасности, подобную тем, что в аэропортах. Ничего не зазвенело, поскольку ни взрывчатки, ни оружия у него не оказалось.

У лифта, на десятом этаже, Антона Михайловича встречал самолично Судаковский, президент «Серебряного грома». В двух шагах от президента маячил персональный охранник президента, который не отлипал от подопечного. В нашей стране каждый уважающий себя человек обязательно президент чего-нибудь. Как в Грузии каждый уважающий себя человек обязательно князь.

- Тоша, что у тебя случилось? - взволнованно спросил Павел Анатольевич. - Ты сто лет не появлялся...

- Ничего особенного... как тебе сказать... просто я ухожу во внутреннюю эмиграцию.

- Жена? - понимающе вздохнул банкир.

- Жена - это деталь, есть еще кое-что посерьезнее...

Ведя гостя через приемную, Павел Анатольевич на ходу отдал распоряжение секретарше:

- Ко мне никого не пускать и по телефону ни с кем не соединять!

Кабинет президента выглядел роскошно. Авторам не доводилось посещать подобные апартаменты, поэтому они не в силах их описать, но предполагают, что действительность превосходит скудную фантазию сочинителей.

- Какие еще причины? - продолжал расспрашивать Павел Анатольевич, когда оба уже утонули в глубоких креслах.

- Сегодня это Шелатуркин - кандидат в Думу с грыжей, делегация из Айовы, бельгийский культурный атташе, который уезжает, серый кожаный портфель, наверно, такой, как у тебя. - Каштанов кивнул на портфель хозяина кабинета.

Тот обеспокоенно перебил:

- Антон, а ты здоров?

- И еще птицефабрика! - добавил Антон Михайлович.

Павел Анатольевич хмыкнул не без издевки:

- Ты начал оперировать кур?

- Зато вчера, - азартно продолжал Каштанов, - была тусовка, на которой открывали казино в компании с пятьюдесятью полуголыми девицами. Почему-то я разрезал красную ленточку. От всего этого я уже погибаюсь!

Банкир через переговорник распорядился принести кофе.

- Понимаешь, Павлик, я все реже и реже оперирую. - Теперь голос доктора звучал горько. - Больше подписываю бумаги да убиваю время на банкетах. Чувствую, перестаю быть хирургом,

превращаюсь в администратора от медицины. Причем плохого.

- Ты всегда был о себе неважного мнения, - нежно улыбнулся старый друг. - Но другие его не разделяли.

- Я рожден для того, чтобы оперировать. Я только это и умею!

- Помню, как ты мне делал вскрытие, - благодарно сказал Павел.

- В общем, я ухожу со всех должностей: с поста директора клиники, президента благотворительного фонда...

Банкир даже присвистнул:

- Ну, ты даешь, Антон! Все делают карьеру, а ты наоборот...

- Я оставляю за собой должность заведующего отделением экспериментальной хирургии.

- Несовременный ты все-таки какой-то, - покачал головой Судаковский. - Впрочем, ты всегда был не от мира сего.

Секретарша внесла на серебряном подносе кофе в серебряном кофейнике. Чашки старинного фарфора, серебряные чайные ложки, заграничные печенье, цукаты, дорогие импортные конфеты - гостеприимство было поставлено на широкую ногу. В общем, как писала в свое время, правда, по другому поводу, «Комсомольская правда»: «Если делать, то побольшему».

- И куда ты повезешь свою внутреннюю эмиграцию? Хочешь, я отправлю тебя в Портофино, в Италию? Обалденное место! - сказал Павел Анатольевич, разливая кофе.

- Жена меня уже вывозила на Мальту и на Маврикий, а я хочу в свой народ!

- Ты кто, Лев Толстой?

- Толстой - это перебор. Я максимум Горький. Я ведь вижу реальную жизнь только в страдающих глазах моих

пациентов.

Олигарх задал привычный для него вопрос:

- Деньги тебе нужны?

- Мне тебя жаль, Павлик! Ты всех подозреваешь в том, что они желают вытащить из тебя кругленькую сумму.

- Так оно и есть, желают! - улыбнулся Павел Анатольевич.

- А у меня денег навалом, - гордо похвастал Каштанов перед президентом могучего банка, имея в кармане две тысячи рублей. - Меня жена снабдила. А пришел я к тебе, чтоб ты не волновался, потому что я на некоторое время исчезну!

Павел Анатольевич мгновенно сообразил:

- Ты намылился к Сашке? В заповедник?

- Там никто не берет трубку. Я пока что перекантуюсь в Москве пару деньков.

- Давай у меня. Дома или на даче - выбирай!

- У тебя Полина меня достанет. Вычислит, где я...

- Так ты что, все-таки от нее уходишь?

- От такой не уйдешь! - покорно сказал доктор.

Павел Анатольевич нажал на кнопку интеркома и сказал секретарше:

- Наташа, закажите номер в гостинице на имя Каштанова Антона Михайловича!

- Никогда еще в Москве не жил в гостинице, - улыбнулся доктор.

А президент торжественно заговорил:

- Тошка, мы с тобой дружим с первого класса. В этом году, в сентябре, исполнится сорок пять лет. Я приеду к вам с Сашкой, отметим нашу дружбу! Почти золотой юбилей!

- И надеремся, как когда-то! - мечтательно произнес академик медицины.

- Ты имеешь в виду первый класс школы? - озорно подмигнул банкир.

Часы на Казанском вокзале показывали без десяти минут семь. Полюшко-Поле неслась по перрону со свертком в руке. Она влетела в шестой вагон, но вскоре вновь в растерянности вернулась на платформу и принялась озираться по сторонам. Антон Михайлович не появлялся.

- Перепутал вагон, что ли! - в сердцах воскликнула Полина Сергеевна, обращаясь к проводнице. - Вот оболтус!

- Сколько лет оболтусу? - спросила проводница.

- Пятьдесят два! - сказала жена оболтуса.

Ровно в семь поезд дернулся и начал движение, покидая столицу.

Полина Сергеевна сердитой походкой зашагала обратно. На фоне уходящего состава она машинально развернула сверток и начала жевать что-то вкусненькое, припасенное для своего большого дитя.

Вернувшись домой, она обнаружила, что чемодан по-прежнему стоит в центре кабинета, пиджак с лауреатской медалью как висел на спинке стула, так и висит. А со стола исчезли лишь паспорт и деньги. Путевка и железнодорожный билет остались на месте. Рядом лежала записка:

«Полюшко-Поле! Не сердись, но я совершаю лауреатский поступок! Твой Каштан!»

Полина Сергеевна возмутилась:

- Это бунт!

В холле фешенебельной гостиницы, в мягких и удобных креслах, нагло, по-хозяйски расположилась пишущая и снимающая корреспондентская братия. Было их не меньше трех дюжин. Все они ждали выхода самой Клаудии Шиффер. Мимо журналистского табора к стойке портье проследовал Антон Михайлович.

- Извините, когда я въезжал, то забыл узнать, это мне друг заказывал гостиницу, а сколько стоит мой номер? - И рассеянный жилец протянул ключ.

Портье взглянул на бирку:

- Этот недорогой. Тысяча восемьдесят рублей в сутки, включая завтрак.

- В сутки? - ахнул Антон Михайлович.

Он достал кошелек, вынул из него свое состояние, пересчитал:

- Значит, за двое суток, я должен...

- Две тысячи сто шестьдесят! - подсказал портье.

- Господи! - вздохнул Каштанов. - Вот возьмите! -

Он вытряхнул из бумажника все наличные деньги, включая мелочь. - Ужинать мне сегодня уже не придется!

- Такой известный человек, как вы, Антон Михайлович, и без денег... - Портье позволил себе улыбнуться.

- Можно я от вас позвоню? Это междугородный звонок, но недалеко, в Тверскую область? - спросил Каштанов и, получив позволение, набрал номер.

И снова действие перенеслось в дом с тремя китчевыми тиграми на ковре. Телефон трезвонил, но в доме никого не было, даже ротвейлера. За окном сияло солнце, блики от воды бегали по прибрежным кустам, а рыбак в лодке резко подсек леску и вытащил из воды блестящую рыбину...

В холле отеля Каштанов разочарованно положил трубку.

Одна из журналисток, женщина лет, эдак, тридцати двух, в модной кожаной куртке, с накрашенными губами и ногтями, подбежала к портье:

- А вы уверены, что она все еще в апартаментах?

Портье ответил едко:

- Чтобы избавиться от встречи со всеми вами, мадам вполне могла спуститься по пожарной лестнице!

Репортерша усмехнулась:

- Я бы это знала. Наш человек там дежурит!

- Кого вы ждете? - проявил интерес Каштанов.

- Клаудию Шиффер! - бросила через плечо журналистка, даже не взглянув на собеседника.

- А она кто такая? - простодушно спросил Антон Михайлович.

Журналистка скорбно вздохнула:

- Какой у нас безграмотный народ!

В этот момент в стеклянном лифте отеля показались ножки, самые знаменитые в мире ножки. Лифт спускался. Со всеми репортерами - их называют «папарацци» - начало твориться что-то несусветное. Стадо повскакало с мест и ринулось навстречу великой топ-модели.

Корреспондентка в кожаной куртке, боясь отбиться от стада, тоже рванула с места.

Каштанов вежливо уступил ей дорогу, сделав шаг влево. Оказалось, что журналистке нужно в ту же сторону, и она буквально наткнулась на Каштанова.

Тогда он сделал шаг вправо. Журналистка, пытаясь его обойти, тоже сделала шаг вправо и опять уткнулась в Антона Михайловича.

Он продолжал быть галантным и отступил налево. Журналистка, в свою очередь, попыталась обойти его с другой стороны и в третий раз уперлась в этого проклятого мужчину.

- До чего же вы мне обрыдли, - зло выдохнула она и с силой пихнула препятствие, которое отлетело куда-то вбок и приземлилось на журнальный столик.

Зацепившись ногой за поверженную жертву, корреспондентка сама больно ударилась коленом и, ругнувшись, помчалась к прославленной топ-модели.

С трудом сползая со столика, Каштанов потирал ушибленную поясницу.

- Какая мерзкая особа! - выпалил он.

Портье согласился с оценкой Антона Михайловича:

- Эта дамочка в их банде - самая известная! - Он подскочил к знаменитому врачу и помог ему усесться в кресло. - Где на свете беда - она со своим микрофоном там. Пожар, война, наводнение, террористы - эта дрянь тут как тут!

- А я телевизор почти не смотрю! - Доктор с усилием покинул кресло. - Ну, что ж, поплетусь на паперть!

Прошло двое суток с момента исчезновения Каштанова. Это не помешало Полине Сергеевне вовсю развернуть ремонт, которым она сладострастно верховодила. Сейчас в квартире находился «надежда и опора» Каштанова, его заместитель Ваня. От огорчения он не находил себе места.

- Не понимаю, куда он мог подеваться!

- Ума не приложу! - сокрушенно поддакнула Полина Сергеевна.

- Я звонил в «Волжский утес», он туда не приехал!

- Я вам сто раз говорила, - крикнула мастеру Полина Сергеевна, - чтоб мебель прикрывать не газетами, а целлофаном! - Она снова повернулась к Ивану Павловичу. - Я две ночи не спала! Обзвонила больницы, «Скорую помощь», звонила даже в милицию, ну, эти, как всегда, ничего не знают! Он исчез!

- Министр хочет с ним встретиться, - сказал Иван Павлович. - Наверное, чтобы попросить забрать заявление об отставке, а он как в воду канул.

- По-моему, он просто поехал умом. - Жена была озадачена и раздражена. - Покажите мне нормального человека, который отказывается быть руководителем Хирургического центра.

Иван Павлович вздохнул.

- Вдобавок у нас чудовищная неприятность - кто-то воспользовался тем, что Антона Михайловича нет, и из благотворительного фонда его имени похитили два

миллиона долларов! Что теперь будет со строительством нового корпуса клиники! Просто жуть какая-то!

- Ничего себе! - охнула Полина Сергеевна. - Два миллиона!

- Да, дело противное... И тут присутствие Антона Михайловича не помешало бы...

- Я чувствую себя виноватой, - покаялась вдруг Каштанова. - Тогда при вас ночью я на него накричала, он обиделся... Неужели он из-за этого... - Она не закончила фразы.

Иван Павлович деликатно промолчал.

- Пусть он на меня обижен, но ведь вам он тоже не звонил. - И тут же без перехода Полина Сергеевна прикрикнула на рабочих из Белоруссии: - Сервант осторожно двигайте, прошу вас!.. Да, учудил наш Антон Михайлович на старости лет...

В телевизионной студии Джекки Тобольская, так звали популярную журналистку, которая мимоходом опрокинула Каштанова в гостинице, атаковала редактора:

- Как ты мог не дать в эфир такой материал! Мы с Владиком единственные из всех сняли, как Клавка Шиффер, возвращаясь в гостиницу, карабкается по пожарной лестнице.

- А ее охранник за эту съемку засветил мне по лбу! - И телеоператор Владик продемонстрировал синяк.

- И правильно сделал! - сказал редактор. - Ваш материал не сенсация, а дешевка!

В аппаратной диктор заканчивала программу новостей. Как вдруг на электронной шпаргалке возникло новое сообщение. Диктор быстро глянула на него, и ее милое лицо посерьезнело.

- Только что мы получили тревожное сообщение... - начала она и тотчас на телеэкране возник портрет Каштанова.

- Исчез выдающийся ученый, - взволнованно продолжала диктор, - действительный член Академии медицинских наук, человек, возвративший здоровье тысячам наших сограждан, Антон Михайлович Каштанов. Он вышел из дому четыре дня тому назад, и с тех пор о нем нет никаких известий. В пресс-центре МВД нам сообщили, что для розыска ученого создана специальная оперативная группа.

В студии Джекки просто подпрыгнула на месте:

- Черт возьми, я же этого самого типа... когда это?.. да, позавчера, что ли, с ног сбила!

И Джекки потребовала у редактора:

- Слушай, блюстителю высокого искусства, я хочу вести журналистское расследование об исчезновении этого хирурга!

Пришла пора сказать несколько слов о героине нашей истории, о беспардонной папараццихе Джекки Тобольской. Вообще-то ее звали Женей, но Джекки звучало как-то современной. Джекки была не замужем уже второй раз. Она имела чересчур самостоятельный нрав, чтобы оставаться замужем постоянно. Телевидение, быть может, самый сильный наркотик века, оказался непреодолимым соперником для двух предыдущих мужей. Сейчас Джекки находилась в любовной связи только со своей профессией.

Высокая, спортивная, красивая, нахальная, она считала, что «телевидение должно везде входить первым и всегда с парадного входа». Джекки занималась у-шу, прыгала с парашютом, бойко лопотала по-английски. Она была азартной и храброй до отчаянности. Когда чеченские боевики согласились уйти из Ворошиловска, где они нахрапом взяли больницу, полевые командиры, безопасности ради, потребовали, чтобы в каждом автобусе находились заложники. Джекки добровольно предложила себя. Вместе со своим оператором Владиком она села в

автобус с отступающими чеченцами. Их репортажные съемки были номинированы на телевизионную премию ТЭФИ. Правда, награду дали другим. Джекки вела репортаж с лесного пожара (а нет, пожалуй, ничего более страшного); она брала интервью у бойцов во время сражения, рискуя жизнью; иногда она добивалась того, что с ней беседовали крупные, известные личности. Она еще, может быть, не стала телевизионной звездой, но ее уже знала публика, а среди коллег она пользовалась репутацией сорвиголовы.

Следователь, Варвара Петровна Муромова, маленькая, но задиристая женщина, была настроена агрессивно.

- Слушай, ты, нахалюга, забирай свою камеру и выкатывайся отсюда! - приказала она оператору Владуку. Он вопросительно глянул на Джекки, та пожала плечами, и оператор покорно выкатился из кабинета. Журналистка мигом достала из сумочки диктофон и положила его на письменный стол.

- Терпеть не могу журналистскую шушеру! - заявила милиционерша, сплевывая виноградную косточку и метко попадая ею в пепельницу.

- А кто нас любит? - мирно согласилась Джекки. Она сидела на стуле, будто на допросе, как раз напротив хозяйки. - Милиция вкалывает, а мы только пенки снимаем.

Варвара Петровна опять сплюнула косточку, и опять метко.

- Лучше не скажешь, ты девка умная. Про дело Каштанова здесь ни хрена не узнаешь и потому ступай домой!

Муромова попыталась смахнуть со стола диктофон. Джекки телом прикрыла аппаратуру.

- Слушайте, вы, милицейская шушера, вы мне не хамите, я сама умею хамить!

- Слышу, что умеешь! - спокойно кивнула следователь. - За оскорбление работника правопорядка при исполнении служебных обязанностей ты сейчас загремишь в обезьянник!

Варвара Петровна схватила наручники.

- Сиживала я в вашем обезьяннике, - азартно сказала Джекки, вскочила со стула и подняла вверх руки. - Тетя, достань воробушка.

Низкорослая милиционерша не растерялась и мигом забралась на стол, чтобы надеть наручники на строптивую журналистку. Но тут Джекки совершила неожиданный маневр - она крепко обняла следовательницу за талию и стала буквально душить ее в объятьях.

- Варвара Петровна, дорогая, у вас наверняка уже есть какие-нибудь материалы, сведения, предположения...

Варвара Петровна задыхалась:

- Отпусти! Отпусти немедленно!

- Я от полноты чувств, - объяснила Джекки свой порыв.

- У тебя не руки, а клещи, - прохрипела милиционерша, слезая со стола.

Тобольская вынула из дамской сумки флакон дорогих духов и прыснула на себя из пульверизатора.

- Что ж, придется мне самой вести журналистское расследование...

Варвара Петровна, хотя и была милиционером, оставалась женщиной. Она активно принялась к запаху духов журналистки.

- Нравится? - вкрадчиво спросила Джекки.

Варвара Петровна кивнула. Тогда Джекки как бы между прочим придвинула флакон к Муромовой, намекая, что это, мол, маленький сувенир от

телевидения. Правоохранительные органы не прельстились подарком и отодвинули флакон обратно к представителю средств массовой информации. Но телевидение настойчиво переадресовало духи представителю закона. Тогда Варвара Петровна достала из ящика стола огромный флакон еще более дорогих духов, чем у Джекки, и прыснула на себя.

- Брось свои дешевые штучки и топай отсюда.

Уязвленная Джекки не могла допустить, чтобы последнее слово оставалось не за ней, и нанесла сокрушительный удар:

- Все равно на тебе написано, что с тобой никто не спит!

Пауза была недолгой. Варвара Петровна оказалась достойной соперницей:

- А на тебе написано, что ты спишь с кем попало!

И тут случилось неожиданное. Женщины оценили друг друга. Сперва хихикнула Джекки. Потом хохотнула Муромова. Тобольская рассмеялась, Варвара Петровна тоже веселилась от души. Потом они одновременно показали большой палец, отдавая должное противнику. И, покатываясь от смеха, хлопнули ладонью о ладонь в знак полного взаимного уважения.

И тут Муромова сказала:

- А теперь вали отсюда.

Тобольская прервала смех и направилась к двери. На пороге она остановилась:

- Даже не знаю, что лучше: спать с кем попало или же не спать ни с кем. Буду думать!

Бездомный, хромой, после того как его сшибла Джекки, Каштанов открыл входную дверь и прислушался. В квартире стучали молотки, слышались мужские голоса, а прихожая была заставлена стройматериалами - вагонкой, оконными рамами. Каштанов миновал прихожую. В гостиной мебель была

заботливо укрыта целлофаном и старыми простынями. Антон Михайлович проследовал в кабинет. Там вовсю шли ремонтные работы.

- Вы хозяин, что ли? - спросил один из мастеров.

- В некотором роде да. Вы извините, я вам не помешал? - При этом Антон Михайлович тщетно пытался открыть ящик своего письменного стола, из которого Полина Сергеевна доставала деньги для его отдыха в санатории.

Мастер усмехнулся:

- Вы не сомневайтесь, хозяйка от нас все заперла!

- Не только от вас! - невесело пошутил Антон Михайлович. - На кухню можно пройти? Не помешаю?

На кухне он открыл холодильник и, не садясь, начал торопливо есть. - Ребята, не желаете со мной перекусить?

- Спасибо, нет! - отклонил приглашение один из маляров. - Хорошо хоть холодильник не запирается!

Когда Каштанов уже покидал дом, один из работяг показал на большую фотографию, висящую на стене, в углу кабинета:

- А на фото кто такая красивая?

Антон Михайлович приостановился, посмотрел на портрет женщины средних лет и сказал без выражения:

- Моя первая жена. Она умерла двенадцать лет назад.

После чего, прихрамывая, двинулся к выходу. Но мастер успел тихо спросить:

- Хозяйке-то доложить, что вы приходили?

Каштанов, не оборачиваясь, махнул рукой:

- Пожалуй, не стоит!

- Понял! - заговорщицки кивнул мастер.

Каштанов вышел из подъезда своего дома, который фасадом выходил на Патриаршие пруды, и уселся в сквере на скамейке. В советские времена пруды назывались Пионерскими, ибо все религиозное

истреблялось под корень, включая и названия. Однако исконные москвичи называли этот особый уголок в центре города любовно и фамильярно – «Патрики».

Вопрос работяги о первой жене разбередил сердце профессора. Он вспомнил Надю, которую, впрочем, никогда и не забывал. Она жила где-то в глубине души, оставаясь счастливой и горькой тенью, сопровождавшей его все время. Знакомство с Надей завязалось достаточно необычно, можно даже сказать, экстравагантно. Чем-то оно напоминало ситуацию из фильма «Ирония судьбы, или С легким паром». И больше того, произошло в то же самое время, когда комедию в первый раз демонстрировали по телевидению...

Павел Судаковский – ныне банкир, олигарх, богач – работал тогда в Ленинграде и занимал в облисполкоме весьма высокий пост. Незадолго до наступления нового, 1976 года он пригласил своих закадычных друзей, доктора Антона Каштанова и эколога Александра Савельева приехать к нему в Питер, познакомиться с женой Надей и вместе встретить Новый год. Однако Саша из-за рождения первенца не смог покинуть город Крушин, куда попал по распределению после окончания лесотехнической академии, и Каштанов полетел один. Он единственный из «трех мушкетеров» – так называли неразлучную троицу в школе, – оставался холостяком и жил с мамой Анастасией Петровной. В отличие от героя «Иронии судьбы» Каштанов был совершенно трезв. Он прилетел 31-го вечером, часов эдак в девять. В аэропорту Пулково поймал левака и уговорил его отправиться к черту на рога, на окраину, где Павел получил квартиру. В этом микрорайоне еще не везде уложили асфальт, не было уличного освещения, туда пока не провели телефон, там не открылся еще ни один магазин и все дома были похожи один на другой, так как строились по единому проекту.

А дальше вмешался бесцеремонный перст судьбы. В темноте Каштанов перепутал корпус. Номер дома он разглядел, но не знал, что под одной цифрой числилось несколько корпусов: «а», «б», «в» и «г». Буквы навесить на здания еще не успели. Короче, доктор, нагруженный подарками – флакон дорогих французских духов для Нади, большая коробка гаванских сигар для друга и авангардистская картина для дома, куда он приезжал впервые, – позвонил в квартиру. Дверь ему отворила очаровательная молодая женщина. Он сразу же порадовался за Павла, которому досталась такая прелесть.

– Здравствуйте, Надя! С наступающим! – Антон Михайлович широко улыбнулся.

А надо сказать, улыбка у него была обаятельная.

– А где Павел?

– Должен вот-вот прийти! – с легким недоумением сказала Надя, увидев незнакомца.

Надо же было случиться тому, что совпали не только номер квартиры, но и имена хозяйки и ее суженого!

Замерзший Каштанов снимал дубленку и вешал ее на крючок. Поэтому он не обратил внимания на интонацию Нади.

– Принимайте подарки! – И доктор вручил привезенные из Москвы презенты. – Духи вам, сигары Павлу, а картину на новоселье.

В комнате, еще не совсем обставленной мебелью, красовался празднично накрытый стол.

– Но Павел не курит! – развела руками женщина.

– Бросил? Вот молодец! Я давно ему это советовал. Надя! Поздравляю вас! Мы с Павлом дружим с первого класса, и, смею вас заверить, он – парень высший сорт! Так что вам повезло! А ему, по-моему, повезло еще больше...

- Павел говорил, что должны заглянуть друзья... - неуверенно произнесла Надя, снимая фартук.

- К сожалению, Сашка не смог прилететь, у него сын родился. Кстати, чего и вам желаю... Так что я прибыл один. Пока этого разгильдяя нет, показывайте квартиру. Вы по профессии кто?

- Преподаю музыку, - ответила Надя. - В музыкальной школе.

Ей приглянулся друг ее жениха Павла, которого она ждала с минуты на минуту.

В этом человеке чувствовались надежность, добротность. И держался он так непринужденно и естественно.

- Где же, черт возьми, Павел? - недоумевал Каштанов, не подозревая, что ошибся адресом. Как выяснится потом, эта ошибка переменяла его жизнь и сделала счастливым.

- Я начинаю беспокоиться! - сказала Надя.

Тревога из-за отсутствия Павла вытеснила из ее сознания некоторые легкие несуразности, то и дело возникавшие в разговоре с неожиданным гостем.

Чтобы успокоить встревоженную Надю, Каштанов рассказал обворожительной хозяйке о себе: хирург, недавно перешел в Хирургический центр, у него потрясающий шеф, сам он холост, живет с мамой. Кроме того, он поведал Наде несколько забавных историй, случившихся с Павлом в школьные годы, о которых Надя, по понятным причинам, даже не подозревала.

Новый год неумолимо наступал, а Павел все не объявлялся. Надя не находила себе места. Телефона в квартире, чтобы позвонить, разузнать, не было. Не существовало его и поблизости, в микрорайоне. Каштанов успокаивал женщину, но сам терялся в догадках, не понимая, что могло заставить друга

задержаться в такой вечер. Тем более, пунктуальность Павла была частенько поводом для насмешек.

Короче говоря, Надя и Антон (тогда его еще мало кто называл по отчеству) встретили Новый год вдвоем. Это было невеселое застолье.

Оба тревожились: она – за жениха, он – за друга. Что могло приключиться с Павлом?

Кстати, примета, что с кем встретишь новогодний праздник, с тем и проведешь весь год, в данном случае оправдалась.

Наконец в первом часу послышался звук открывающегося замка. Оба – Надя и Антон, одновременно взволнованные и обрадованные, выбежали в прихожую. Антон обнял хозяйку и приготовил ехидную шутку, чтобы достойно встретить кореша.

Открылась дверь. Это пришел другой Павел! Пауза была жуткой. А дальше началось нечто невообразимое. Увидев незнакомого мужчину, обнимающего его невесту, Павел закатил скандал. Но какой! Он оказался невероятным ревнивцем. Никаким объяснениям, оправданиям Нади он не верил. В разгар ссоры выяснилось, что у него сломалась машина. Он пытался ее починить, потом махнул рукой и решил добраться на такси или на леваке. Но в новогоднюю ночь ему это не удалось. Пришлось идти на своих двоих. Сначала он бежал, надеясь успеть до двенадцати, но расстояние до Ебуркиного хутора, где жила невеста, оказалось слишком велико. Когда он понял, что опоздал, то сперва перешел на рысь, потом на шаг, а потом побрел из последних сил. Приперся взмыленный, усталый и несчастный. А увидев, как он полагал, счастливого соперника, просто-напросто взбесился. Ругательства сыпались из него градом, одно за другим. Попытки Антона снять несуществующую вину с Нади и переложить ее на себя еще более распалили

подозрения обезумевшего Отелло. В конце концов жених хлопнул дверью и с проклятиями удалился. На доктора обрушились попреки, нарекания за то, что сломал Надину жизнь. Каштанов оправдывался. Он не мог бросить женщину в беде и остался ее утешать. А под утро привел Надю в дом Павла. И остался в Ленинграде на несколько дней. Кончилось все это тем, что через год у Нади и Антона родился сын, которого назвали Никитой. Анастасия Петровна, уже давно мечтавшая о внуке, была счастлива и жила с невесткой душа в душу. Обе наперегонки баловали Никиту, который, естественно, был гениальным ребенком.

А комедия «Ирония судьбы, или С легким паром» стала любимым фильмом каштановской семьи...

С сыном Каштанова, Никитой, Джекки беседовала на дачной застекленной веранде. Никита оказался обаятельно-разнузданным балагуром. И, кроме того, гостеприимным хозяином, которому явно приглянулась привлекательная интервьюерша. Накрывая на стол – фрукты, сладости и разные напитки, – он трещал без остановки:

– Отец в этой халупе давно не появлялся. Да он здесь практически не жил. Я его вытурил отсюда давным-давно...

Джекки держала микрофон перед лицом Никиты, а Владик исправно снимал все происходящее на пленку.

Задавать Каштанову-младшему наводящие вопросы не требовалось, парень буквально не закрывал рта.

– А неделю тому назад он перевел этот сарай на мое имя.

Джекки осторожно встряла:

– Чем вы это можете объяснить?

– Чтобы в случае чего не было конфликта между мной и мачехой. Ей – квартира, мне – дача. Она женила его на себе, – тут Никита усмехнулся, – потому что

знала, что ему надо. – Никита бросил взгляд в сторону камеры, к которой прилип оператор: – Этот толстый тип нас снимает?

Джекки кивнула.

А Никита обрадовался:

– Прекрасно! Наш народ увидит меня и наконец-то получит кайф от телевидения...

Не выдержав, Джекки улыбнулась:

– Вы по профессии кто?

– Пожалуй, это единственный вопрос, на который я не могу ответить. Знаете выражение «природа отдыхает на детях»? Так вот, природа отдыхает на мне, а я отдыхаю на ней!

– То есть на природе! – с иронией уточнила Джекки и показала на снимок, висевший на стене: – А это кто?

– Мама и бабушка. Бабушка воспитывала меня после того, как мамы не стало.

Джекки переменяла тему:

– Что вы думаете об исчезновении...

Никита не дал договорить, он все схватывал с полуслова:

– Денег? Этих двух миллионов?

Джекки насторожилась. Она не понимала, о чем идет речь.

– Каких еще двух миллионов?

– Вы не знаете?

– Нет.

– Из папиного благотворительного фонда умыкнули ни много ни мало два миллиона баксов!

– Не может быть!

Владик присвистнул от удивления.

– В наши дни еще как может! – безапелляционно заявил Никита.

На участке около соседского забора садовник поливал из лейки цветы.

Под курткой его на ремне можно было заметить портативный магнитофон. А уши были прикрыты двумя наушниками. Услышав сенсационное сообщение, сделанное на террасе Никитой Каштановым, садовник насторожился и прекратил поливать цветы. Конечно же то была переодетая в мужской костюм следователь Варвара Петровна.

А Никита продолжал, не подозревая, что топит родителя:

- Представьте себе. Безмятежное утро. Прекрасное, как вы, солнышко светит в окно. Члены президиума благотворительного фонда имени моего папы ждут папу. Папа почему-то на заседание не явился. И доллары тоже не явились! - При этом Никита состроил хитрую физиономию.

- Так вы что, подозреваете собственного отца? - оторопела Джекки.

- Мадам, - пропел Никита, пытаясь взять руку Джекки в свою, вы скверно знаете жизнь. Все так просто и так естественно. В этом фонде крали все кому не лень. Кроме отца. Ему, я полагаю, это надоело. И тут в его однообразном бытии возникает прелестница...

- Вы это точно знаете? - быстро спросила Джекки, отдернув руку.

- О чем вы говорите! Конечно, нет, но... надеюсь, что это так. Иначе ему нет оправдания. - Никита уже не мог остановиться и принялся описывать женщину, сидевшую напротив: - Стройенькая, очаровательная, вкусенькая, на ней короткая кожаная курточка, вельветовые брючки...

И младший Каштанов попробовал приобнять журналистку за плечи.

Джекки только усмехнулась, она привыкла к бездумным комплиментам и давно уже не обращала на них внимания. Но тем не менее высвободилась из объятий Никиты, а тот не унимался:

- А у папы седина в бороду и бес в ребро!

Эта тирада уже потрясла Джекки:

- Ну... вы замечательный сын!

- Да, - искренне произнес Никита, - обожаю моего старика не меньше, чем он меня, а если он оторвался с шикарной телкой, то обожаю вдвойне! - Тут Никита посерьезнел и закончил совсем по-иному: - Но если честно, денег никаких он не брал, вот это я знаю абсолютно точно!

Джекки и Владик возвращались в город. Машину вела Джекки.

- Не верю, что академик грабанул свой собственный фонд! - задумчиво произнес Владик.

- А нам с тобой выгодно, чтобы грабанул именно он! - сказала Джекки. - Тогда это уже будет не дешевка, а сенсация. В нашем репортаже появится смак!

Позже в квартире Каштанова Джекки беседовала с Полиной Сергеевной, одетой, как всегда, модно. В квартире ремонтники делали свое дело, Джекки - свое, а Полина Сергеевна - свое.

- Этот цвет мне не нравится, я бы подобрала более теплый!

- Но вы только что просили подобрать более холодный! - напомнил дизайнер, по эскизам которого выполнялся европейский ремонт.

- Делайте, что вам говорят! - И Полина Сергеевна обернулась к Джекки.

Та заговорила, а Владик нажал на кнопку кинокамеры.

- Дело в том, что я веду самостоятельное журналистское расследование. Помогите мне! Ему или вам никто не угрожал?

- Конечно нет. Все его так любят.

- Звонков или писем с требованием выкупа не было?
- Какой еще выкуп? Мы люди небогатые. Да и за что? Вы что, подозреваете похищение?..

Джекки рискнула усилить нажим:

- Извините, я прикоснусь к самому щепетильному...
Слышали ли вы, что в фонде имени вашего мужа украдены миллионы долларов?

Полина Сергеевна сразу вспыхнула:

- Это не моя проблема! Меня волнует только одно: что исчез Антон Михайлович!

- Но ведь два миллиона, - деликатно вставила Джекки, - исчезли вместе с ним!

Полина Сергеевна готова была растерзать наглуую журналистку.

- Как вы смеете! Он - святой до идиотизма! Он всю жизнь лечит людей бесплатно, операции делает бесплатно, подарков не берет! - Все это звучало не панегириком, а скорее упреком или даже обвинением в адрес мужа.

- А может, он где-то... с... другой женщиной?

Полина Сергеевна гордо выпрямилась и сказала жестко:

- От таких женщин, как я, не уходят! Вон из моего дома!

Когда Джекки с Владиком покинули квартиру, жена академика, оставшись одна, неожиданно сказала:

- От таких женщин, как я, просто убегают.

Джекки, как известно, органически не выносила, когда последнее слово оставалось не за ней. Поэтому, уходя, она громко и четко сказала, так, чтобы слышали все рабочие, ремонтирующие квартиру:

- Муж пропал, а она ремонт делает!..

Спускаясь по лестнице, Джекки спросила:

- Владик, ты все это снял?

- Обижаешь! - И тут вдруг Владик остановился. - Почему ты не сказала ей, что видела его в гостинице?

Какая бы она ни была, это негуманно.

- Да, дорогой гуманист, - парировала Джекки, - я, если вдуматься, сука!

Владик возмутился:

- Не наговаривай на себя!

- Просто ты ко мне равнодушен! Быть сукой входит в мою профессию.

Телевизионщики прошли мимо старой консьержки, которая сидела за стеклом и что-то вязала. Консьержка сидела в наушниках. Она хитро посмотрела вслед журналистам. Конечно же это была следователь Варвара Петровна, которая мотала не только на ус, но и на магнитофонную ленту...

...Голодный академик, слегка хромая, брел по улице. Это была какая-то особая улица, ибо буквально на каждом шагу здесь торговали чем-то съедобным: пирожками, фруктами, бутербродами, мороженым, кондитерскими изделиями, молочными продуктами, орехами и всякой прочей снедью.

Каштанов шел, останавливаясь около каждого лотка, и глотал слюну. Он очень хотел есть, но денег не было ни копейки.

Все съестное выглядело аппетитно, и это еще больше усиливало голодные муки профессора и лауреата.

Антон Михайлович остановился около дверей закуской, которая называлась просто: «ЕДА». Из дверей пахло чем-то очень вкусным. Каштанов понюхал и решительно вошел внутрь. Его бедственное материальное положение объяснялось просто: с одной стороны, у него был принцип - никогда не одалживать денег, а с другой стороны, доктор ставил своеобразный эксперимент - сможет ли он прожить в своей стране, не имея ни гроша в кармане.

Было бы несправедливым, если бы наши герои, то есть Антон Михайлович и Джекки, больше никогда не встретились. Но судьба была к ним благосклонна или, наоборот, неблагосклонна, это зависит от точки зрения. Настырная судьба в лице авторов распорядилась так, что оголодавший Каштанов забрел в то самое кафе, где уже перекусывали Джекки и ее оператор Владик.

Антон Михайлович держался независимо. Он взял пластмассовый поднос, поставил на него пустую тарелку и зашел за перегородку. Там на витрине были расставлены разнообразные кушанья. Народу в кафе было предостаточно, но поскольку Каштанов вроде бы никак не мог выбрать себе блюдо по вкусу, он всех пропускал к кассе.

Джекки, которая смачно уплетала за обе щеки, поначалу не обратила никакого внимания на «предмет» своих поисков. А потом вдруг сделала стойку, ибо поняла, что забредший в закусочную посетитель – Каштанов. Надо заметить, что Тобольская была не только лихой журналисткой, но и везучей. Известно, что зверь всегда бежит на ловца. В данном случае зверем был хирург, а ловцом – папарацциха. Конечно, встретить в многомиллионном городе именно того, за кем охотишься, особая удача, однако, признаемся честно, если бы не усилия авторов, может, этой встречи и не случилось бы.

В этот исторический момент Каштанов как бы невзначай взял маленькую кругленькую булочку и тотчас целиком запихнул ее в рот. Никто не обратил на это внимания.

Кроме Джекки. Ее опытный репортерский глаз засек кражу.

А в это время Каштанов, дожевывая первую булочку, так же небрежно прихватил вторую.

Джекки толкнула локтем Владика и прошептала:

- Быстро сними вон того дядю! Скрытой камерой!

Владик нагнулся, схватил камеру и мигом сообразил, что лучшая позиция для скрытой съемки – это находиться под столом. Он плюхнулся на пол и начал снимать «того дядю».

А «тот дядя» взял третью булочку, и этот воровской акт был уже запечатлен на видеопленку.

Владик был хроникером экстра-класса. Его камера всегда находилась в боевой готовности, и поэтому он успевал зафиксировать то, что многие его коллеги упускали, ибо долго раскачивались.

Естественно, в визир телекамеры оператор видел происходящее не в цвете, а черно-белым. Режиссер, в случае если по нашей повести снималась бы цветная кинокартина, наверняка показал бы кадр, где академик трескал краденое, именно в черно-белом изображении. Это монохромное вкрапление придало бы цветной ленте дополнительную элегантность, если хотите, своеобразный визуальный шарм. А впрочем, возможно, постановщик фильма до такого изыска и не дотумкал бы, но это его дело...

Джекки приблизилась к пожирателю булочек и поздоровалась с нарочитой приветливостью:

- Добрый день, Антон Михайлович!

Вор понял, что его разоблачили, и тотчас подавился похищенным.

- Разрешите! – сказала Джекки и, не дожидаясь ответа, хорошенько постучала горемыку по спине.

Тот проглотил застрявший кусок и поблагодарил:

- Спасибо большое! Вы у меня лечились? – Антон Михайлович пристально взгляделся в лицо молодой женщины. – Я вас где-то видел.

- Это у вас такое хобби – воровать булочки? – Джекки пыталась разобраться в ситуации.

Ответ был предельно искренним:

- Денег нет, а есть хочется.

- У вас нету даже на булочку? - поначалу не поверила Джекки. - У знаменитого хирурга?

Каштанов виновато развел руками:

- Все деньги ушли на гостиницу.

- Вам не у кого одолжить, у вас нет друзей?

- Ни при каких обстоятельствах я денег не одалживаю, это мое правило!

- Но заначка у вас должна быть.

- Заначка? - пожал плечами доктор. - У меня ее никогда не было.

- Но ведь вы женаты?

- Конечно.

- Муж без заначки - это не мужчина. - Джекки невольно повторила формулировку жены.

- Ой, вспомнил! - воскликнул вдруг Антон Михайлович. - Так вот как она меня обозвала. - И грустно закончил как бы про себя: - Правильно я на нее обиделся...

- Давайте я вас покормлю обедом! - предложила журналистка. - Выбирайте что хотите!

- Но я в долг не беру! - сопротивлялся Каштанов.

- Ну хорошо, а подарки вы принимаете?

- Тоже нет.

- А милостыню?

- Подайте академику... - пропел Антон Михайлович. - Хорошенькое дело!

- Я тоже ни разу не подавала академику! - И Джекки решительно стала уставлять поднос тарелками с едой. - Накормить нищего - это святое!

Голод отбросил прочь моральные постулаты, и Антон Михайлович с жадностью набросился на пищу.

Покидали кафе вместе. Каштанов все еще слегка прихрамывал.

- Кстати, мое имя Женя, но друзья предпочитают называть меня Джекки, - представилась журналистка и поинтересовалась:

- Вы всегда прихрамываете?

- Последние четыре дня. После того как в гостинице одна психованная идиотка сшибла меня с ног.

- Так это были вы? - неискренне изобразила удивление репортерша.

- А идиотка, значит, вы? - догадался пострадавший. - Вот где я вас видел...

На улице около машины, принадлежащей Джекки, они начали прощаться. Автомобиль - в прошлом белый жигуленок - заслуживает специального описания: это была ржавая-прержавая машина невероятно почтенного возраста. Оставалось загадкой, почему она ездит. Под ветровым стеклом красовалась надпись: «В ремонт», чтобы не придиралась милиция. Владик укладывал аппаратуру на заднее сиденье.

- Вот моя визитная карточка. - Джекки протянула визитку. - Если это не тайна, сейчас вы куда?

- Вообще-то, тайна. - Каштанов прочитал визитку. - Спасибо, будет куда отослать деньги за сегодняшнее угощение. Для начала побегу на Ленинградский вокзал, попробую махнуть в городок Крушин, есть такое прелестное место, вряд ли вы о нем слышали.

- У вас небось на метро денег нету?

- Нету.

- Тогда предлагаю - побежим на вокзал на машине! - Джекки кивнула в сторону поджидавшего автомобиля.

- Это ваша? - любопытствовал Антон Михайлович, кивнув в сторону рухляди.

- Угу, - горделиво ответила Джекки.

- Роскошная колымага! - одобрил Каштанов.

- Я рада, что вам понравился мой лимузин. Так едем!

- Вы, оказывается, добрая!

- Вот так меня еще никто не обзывал! - воскликнула Джекки.

Около Ленинградского вокзала Антон Михайлович покинул машину. Джекки выскочила вслед за ним.

- Как вы поедете в свой Крушин?

- Зайцем, наверное.

- Но вас же оштрафуют!

- Это бессмысленно, что с меня возьмешь?

- Тогда вас снимут с поезда. В последний раз предлагаю вам займы.

- В последний раз повторяю - займы не беру!

- Ну как вам угодно - Джекки направилась обратно к машине. До свидания. - Потом обернулась: - Может, мне самой отвезти вас в этот Крушин?

Каштанов насторожился:

- Двести километров туда, столько же обратно - ваша доброта не имеет границ!

Джекки поняла, что в своем усердии переборщила.

- Я не подозревала, что это так далеко. Значит, еще раз до свидания!

Она уселась за руль и, выглянув в окошко, посоветовала:

- Продайте что-нибудь!

- Что? - растерялся Каштанов. - У меня ничего такого нет.

- Скажем, часы, авторучку...

- Моим часам двадцать с лишним лет, кто их возьмет?

- Я.

Антон Михайлович нахмурился.

- Тут что-то не так. Объясните, пожалуйста, что вам от меня нужно?

Джекки принялась выкручиваться, твердо памятуя, что атака лучшее средство защиты.

- Как вам не стыдно! Вы - немолодой, известный, можно сказать, популярный человек, попали в беду. Мне искренне хочется вам помочь. Неужели вы думаете, что я на вас глаз положила?

- Нет, - огорченно вздохнул доктор, - на меня уже давно никто ничего не кладет.

- Тогда не валяйте дурака! - Джекки вновь выбралась из машины. - Снимайте ваши антикварные часы!

Каштанов послушно снял часы и передал Джекки. Та рассмотрела их и объявила тоном знатока:

- Силь «советское ретро». Сколько стоит ваш железнодорожный билет?

- Понятия не имею.

- Вот вам сто рублей. Хватит туда и обратно.

- Обратно мне не надо! - Доктор взял деньги и побрел, заметив на ходу: - Вообще-то вы переплатили.

И он направился к железнодорожным кассам.

Владик ни черта не понимал:

- Теперь объясни, кто это? Зачем ты возишься с этим бомжом?

- Пойди и сними - сел этот бомж в поезд или нет! - распорядилась Джекки.

Развалюха-жигуленок мчался по автомагистрали.

- Подумай, я его не узнал. Значит, он хапнул два миллиона зеленых, а ты платила за его жратву! - возмущенно пробурчал Владик.

- Нам привалила такая везуха, такой подарок судьбы! - Джекки вела машину с устрашающей скоростью.

Владик, обладавший мгновенной профессиональной реакцией, в жизни был тугодумом. И порой он бывал простодушен и наивен до глупости.

- Какой еще подарок? - тупо переспросил он.

- Великий ученый ворует два миллиона, и только мы напали на его след! Мы монополисты, мы сделаем фантастический репортаж!

- Так, значит, мы мчимся за ним вдогонку? - сообразил наконец Владик.

- Да, ты тоже подарок судьбы! - съязвила Джекки.

- А для меня подарок, - с воодушевлением произнес Владик, - что я с тобой работаю.

Джекки улыбнулась:

- Ты славный, но еще зеленый!

- Ты меня недооцениваешь, - возразил Владик. - Я не зеленый, я уже созрел.

Это была странная погоня. Преследуемый Каштанов смотрел в окно поезда и не догадывался, что по его следу идут охотники за сенсацией.

С охотниками, конечно же, как и положено по сюжету, происходили досадные недоразумения. То их останавливали за превышение скорости, то надо было менять колесо, то возникал объезд, то приходилось врать, что непотребная машина едет в ремонт и покраску. Тут помогало телевизионное удостоверение, а иной инспектор узнавал Джекки в лицо и отпускал.

Иногда машина и поезд ехали рядом, когда шоссе и железная дорога пролегали близко друг от друга. В кино такой кадр, конечно, сняли бы с вертолета.

Особенно посмеялась над телевизионщиками судьба, когда жигуленок застрял у шлагбаума, потому что пропускали пассажирский состав с Антоном Михайловичем.

Пока поезд вез Каштанова из столицы в Крушин, доктор думал о Полине Сергеевне, с которой прожил почти восемь лет. Он вспоминал о том, как же так вышло, что они оказались вместе.

После скоропостижной смерти Нади ему казалось, что личная его жизнь кончилась. Но пока была жива Анастасия Петровна, взявшая на себя и сына, и внука, доктор держался молодцом. А вот когда не стало матери и Антон Михайлович остался один с десятилетним сорванцом на руках, ему сделалось

невмоготу. Хотя на работе все ладилось. Он стал заведующим отделением экспериментальной хирургии, много и рискованно оперировал, росла его известность. Совершенно не стремясь к этому, он поднимался по ступенькам карьерно-административной лестницы. Дома хозяйство как-то наладилось – была славная, пожилая, очень добрая домработница, и доктор ходил в отглаженном костюме и начищенных ботинках. За обедом всегда подавалась закуска, суп, второе и третье. Но Никита, конечно, рос, как чертополох в огороде. И очень чувствовалась пустота, когда Каштанов вечером возвращался домой, – зимой в квартиру, летом на дачу...

Существует житейское наблюдение: если мужчина был в браке счастлив, то став вдовцом, он женится повторно очень быстро. Как же так?!

Это повергает многих в ужас. А память о прошлой любви? А верность ушедшей? А горе? У некоторых даже закрадывается сомнение, а так ли уж он был счастлив? Не лицемерие ли то было? Однако психологи объясняют подобное просто: если мужчина имел прекрасный опыт совместной жизни, то он убежден, часто не логически, а в подсознании, что так же замечательно будет и в следующий раз. И наоборот, если у мужика брак был горький, многострадальный, злосчастный, то такого парня после смерти жены вторично в ЗАГС уже не затащишь. Ему будет мерещиться, что ад совместной жизни обязательно повторится. И он, освободившись от брачных уз, как правило, остается холостяком.

Каштанов оказался живым подтверждением этого житейского вывода...

Жены друзей и приятелей доктора всполошились. Такой роскошный жених: сорок пять лет, выдающийся хирург, владелец дачи, квартиры, машины... Кандидат в директора Хирургического центра и без пяти минут академик, к тому же привлекательный, симпатичный – и

не пристроен! Каштанов даже не подозревал, какую бурную деятельность развило его близкое и не очень близкое женское окружение, стремясь организовать счастье своих одиноких подружек. Но сложностей у добровольных свах хватало. И главная из них – как организовать встречу, естественную, органичную, выгодную для кандидатки. Хирург не посещал тусовок, в гостях бывал только в трех-четыре семьях. А среди претенденток числились и известная певица, и обозревательница престижной газеты, и активная политическая дама, и даже иностранка: вице-президент «Берлинер-банка». Дело кончилось очень просто. Поскольку свахи оказались нерасторопны и неизобретательны, Каштанов, разумеется не подозревающий о кипучих хлопотах, решил эту проблему сам. Во всяком случае, ему так казалось. Как-то к нему на поликлинический прием заявила шикарная пациентка лет тридцати пяти. Авторы не знают точно, была ли она подослана кем-то из благожелательниц доктора, или же на самом деле здесь все произошло само собой. Во всяком случае, Полина Сергеевна Хрусталева, которая жаловалась на боль в плечевом суставе, просьбу врача раздеться выполнила основательно, обнажив себя до пояса. Она знала, что это оружие – а у нее оно было безупречно – действует на мужчин без промаха. Даже Каштанов, для которого человеческое тело, пусть и женское, было в первую очередь материалом для исследования, вздрогнул и, что называется, рухнул. Это не прошло мимо внимания цепкой Полины Сергеевны. Плечо, как и все остальное, оказалось, слава Богу, в порядке. Через неделю, так уж вышло, Полюшко-Поле сумела затащить застенчивого доктора в койку. Но это было только полдела. Вторая половина – женить на себе – оказалась куда более трудной. Однако умелая, опытная, неотразимая Полина Сергеевна успешно решила и эту

часть задачи. Не успел Антон Михайлович очухаться, как он стоял во дворце бракосочетания и надевал на палец Полины Сергеевны обручальное кольцо. Но он не жалел о своем поступке. Новой жене удавалось хорошо вести дом, управлять мужем, самой работать, и успешно. Ее энергии хватало на все. Единственное, что огорчало доктора, – отношения между женой и сыном совершенно не сложились. Это мучило Каштанова, вносило дискомфорт в его удобное, налаженное существование. И еще одно. Уже после свадьбы он узнал, что у Полины Сергеевны, оказывается, есть дочь от первого брака. При разводе родителей она почему-то предпочла жить не с матерью, а с отцом...

Тем временем поезд замедлил ход. Вскоре он прибыл на пассажирскую станцию города Крушина, на две минуты раньше автомобиля с телевизионщиками. Поезд в этой погоне победил машину.

На здании вокзала висел плакат «Крушину – 500 лет».

Антон Михайлович уже стоял на привокзальной площади в ожидании рейсового автобуса и вдруг услышал, как завизжали тормоза. Каштанов обернулся и увидел, как из знакомого жигуленка выскочили Владик с камерой в руках и Джекки с микрофоном. Оба помчались на платформу, где еще стоял состав.

Каштанов понял, что они приехали сюда из-за него, это ему не понравилось, и он спрятался за угол дома. Но тут подошел автобус. Доктор решительно и быстро забрался внутрь. Стоя у заднего окна, он увидел, как на площадь возвращались обескураженные телевизионщики. Автобус тронулся, Каштанов отвернулся, чтобы его не заметили...

А потом он плыл на маленьком парходике по озеру. В центре озера на острове высился старинный монастырь. Остров был соединен с берегом понтонным мостом. С колокольни донесся переливчатый звон.

Пароходик причалил к пирсу. Каштанов и еще несколько пассажиров сошли на берег около монастыря. Дальше Антон Михайлович двинулся пешком...

Деревня, до которой вскоре добрал доктор, называлась поэтически – Тихие Омуты. Вообще в этом крае были приняты названия подобного рода: Колесные Горки, Долгие Бороды, Острые Клетки, Старая Ситенка. На деревенской околице Антон Михайлович остановился у самого крайнего дома. Среди пожилых изб этот дом горделиво выделялся, – он был самый старый, самый крупный и самый крепкий. Причудливые архитектурные излишества придавали ему неповторимый вид. Сразу становилось ясно, что построен он давно, и строил его мощный, сильный хозяин. Наверное, вот таких-то и считала несчастная голытьба кулаками. Дом хорошо был поставлен, на пригорке, откуда виднелось озеро с островами. Возникало ощущение, что ты находишься где-то за тридевять земель от Москвы. По деревенской улице медленно тащилось с поля стадо коров, которым предстояла вечерняя дойка. Ватага ребятишек на велосипедах промчалась к озеру – купаться.

В соседнем огороде, недалеко от живописного пугала, ковырялись старик и старуха. Где-то горланил петух и лаяли собаки. Каштанов поднялся на крыльцо дома и позвонил в дверь. Один раз, второй. Затем постучал. Не помогло. Из дома никто не отозвался. Напротив, у колодца, пожилая соседка набирала воду.

– Вы не утруждайтесь! – посочувствовала она. – Хозяин в заповедник уехал.

– Надолго?

– А кто его знает... Озер да лесов много.

– А где же дочь, внуки, гости всякие?..

– Учебный год начинается. Марина с детьми в Москву укатила.

Потом Антон Михайлович звонил в Москву. Обшарпанная телефонная будка торчала на краю деревни, совсем недалеко от берега озера. На двери будки было наклеено какое-то объявление.

- И все-таки, где ты находишься? - Голос жены звучал повелительно. - Я сейчас за тобой приеду! - Она жестом приказала секретарше выйти, ибо разговаривала из своего офиса.

- Я нахожусь на свободе! - гордо провозгласил муж, на что Полина Сергеевна отреагировала чисто по-женски:

- Кто она, твоя свобода? Она, конечно, носит юбку? Этого Каштанов не ожидал:

- Поля, что ты несешь?! И вообще, я устал от твоей диктатуры! Я жив, здоров, прекрасно себя чувствую, не беспокойся!

В кабинете вновь появилась секретарша:

- Извините, пришел Костырев, вы ему назначали!

- Пусть подождет! - бросила Полина Сергеевна и возмущенно заговорила в трубку: - Путевка сгорела, вернули лишь пятьдесят процентов, билеты на поезд пропали. Ты на старости лет сбрендил!

- Наконец-то сбрендил, - удовлетворенно произнес академик.

- Подумай, что ты натворил, - нервно продолжала Полина Сергеевна. - Что это за история с заявлением об отставке... Ты совсем рехнулся...

- Я как-нибудь тебе позвоню! Здесь очередь! - Каштанов повесил трубку и вышел из будки, рядом с которой, разумеется, никого не было. И тут Антон Михайлович обратил внимание на объявление, прилепленное к двери телефона-автомата. Оно гласило: «Турбазе «Вечерние зори» требуется лодочник».

В кабинет следователя Варвары Петровны вошел сотрудник, сидящий на подслушке телефонных разговоров:

- Объект звонил жене.
- Откуда?
- Деревня Тихие Омуты. Тверская область. Запись разговора я вам занесу.

Глава третья

На колокольне звонарь с окладистой бородой ударил в колокола. Недалеко от звонницы возвышались реставрированные купола храма, облицованные светлой, с матовым блеском жемчужью, а далее за собором простиралось водное пространство, покрытое утренней туманной дымкой. Колокольная мелодия, чудом сохранившаяся из древности, пронеслась над озером. Месяц еще не исчез с неба, а солнце только начинало вставать из-за леса...

Из фанерного вагончика вышел бородатый человек – босой, в ватнике, с подвернутыми до колен брюками.

На наружной стене вагончика висел ручной насос, под которым стояло ведро. Человек умылся и направился к берегу. У деревянных мостков плескались привязанные к пирсу металлическими цепочками несколько лодок и три водных велосипеда. К бородачу приблизился рыбак с удочками. Лодочник принес два весла, отдал рыболову, отомкнул замок на цепочке, попридержал лодку, пока любитель ранней рыбалки не уселся на банку, и оттолкнул суденышко от берега. Потом лодочник подошел к перевернутой вверх дном шлюпке, лежащей на козлах, и принялся красить днище голубой краской. Конечно, это был Антон Михайлович, который два дня назад нанялся лодочником и сторожем за кормежку и какие-то жалкие гроши на турбазу «Вечерние зори». Обитало на турбазе всего человек сорок, так что работа была не утомительная: раздавать весла, отпихивать лодки с отдыхающими от берега, получать за прокат деньги, выписывать квитанции и на ночь замыкать водные велосипеды и лодки на цепи. Предыдущий сторож, который внезапно угодил в больницу, по ночам ставил сети, что было в

заповеднике запрещено. Обитатели турбазы приставали к новому лодочнику с просьбами продать рыбу, думая не без оснований, что каждый лодочник – браконьер, и обижались, что Антон Михайлович отказывал.

После обеда подул прохладный ветерок, и желающих кататься по озеру не стало. Каштанов, подстелив ватник, улегся в высокую траву.

В синеве небес, лениво перегоняя друг друга, плыли курчавые облака, напоминающие волшебные замки.

Каштанов перевел взгляд с небес на землю.

Рядом на легком ветру покачивались сиреневые цветы.

Как они называются, Антон Михайлович, разумеется, не знал. Впрочем, как и авторы. По стеблю травинки ползла божья коровка. Доктор подумал, что, пожалуй, в последний раз он видел божью коровку лет эдак сорок назад. Потом он вспомнил, как его ребенком вывозили в деревню, где дядя Федя брал его с собой в лес и приохотил к сбору грибов. Постепенно вялая истома охватила Каштанова, и он блаженно задремал под легкий плеск озерных волн...

В это время к крохотному причалу турбазы подкатил пресловутый бело-ржавый «жигуленок». Владик и Джекки выползли из машины.

Владик переживал.

– Господи, как не везет. Два дня гоняем без толку. Обшарили весь городишко, все окрестности. Как в воду канул!

– Моя ошибка! – сокрушалась Джекки. – Нужно было настоять и самим везти его в Крушин.

– Давай хоть искупаемся на прощанье. – Владик огляделся. – Смотри – вокруг никого!

– Куда он провалился, проклятый! – с огорчением произнесла Джекки, думая о Каштанове. – Окунуться бы хорошо, но я, дура, не взяла с собой купальник.

- Купайся так, я отвернусь! - по-джентльменски предложил Владик и повернулся спиной к водоему.

- Ты неподражаем! - Джекки оценила рыцарство влюбленного оператора, быстро скинула одежду и по высокой траве побежала к воде. Как вдруг споткнулась о спящего в траве мужчину и отчаянно завизжала.

Естественно, что споткнулась она об Антона Михайловича.

Тот поднял голову и, обнаружив перед собой голую Джекки, буквально остолбенел.

Джекки тоже узнала Каштанова и в ужасе шлепнулась в озеро. Вода обожгла ее.

- Вечно я на вас натыкаюсь! - возмущенно закричала она из воды. - Это вы нарочно здесь залегли!

- Да, у меня вошло в привычку путаться у вас под ногами! - мрачно отозвался Каштанов, поднимаясь с земли.

Находиться в воде было невыносимо.

- Антон Михайлович, умоляю, уйдите, вода ледяная! - запричитала Джекки.

- Зачем вы сюда прибыли, ну-ка? - И доктор приблизился к берегу.

- Вы сами сказали, что это дивное место. Мы приехали отдохнуть, - сочиняла Джекки. - Ой, я коченею! - Это она не сочинила.

- Коченейте на здоровье! - отмахнулся Каштанов. - Это полезно.

- Вы не доктор, вы садист!

- Ледяная ванна отучит вас врать! - продолжал Антон Михайлович. - Выкладывайте, зачем приехали?

- Умереть от простуды! - Джекки уже стучала зубами. - Караул! Владик! - закричала она. - На помощь!

Владик бросился на выручку:

- А ну, вали отсюда, старый распутник!

Владик попытался скрутить доктора и потащить прочь, но получилось наоборот. Каштанов заломил молодому парню руку за спину и победоносно заявил:

- Хирурги - народ крепкий!

После чего крикнул Джекки:

- Продолжайте закаляться!

- Ах так! - крикнула в ответ Джекки. - Мне на вас чихать! - И действительно чихнула. Затем выпрямилась в полный рост и зашагала к берегу.

Теперь уже Каштанов деликатно отвернулся, зато Владик смотрел на обнаженную Джекки, как зачарованный...

Вагончик лодочника представлял из себя весьма экзотическое тесное помещение. Стены его были оклеены дешевой клеенкой в цветочек. Половину площади занимал небольшой топчан, покрытый ветхим одеялом. Под крошечным окном, в которое смотрелся восхитительный пейзаж, был вмонтирован махонький столик. На нем находились закопченный чайник, несколько копеечных разномастных тарелок, граненые стаканы, две алюминиевых ложки и одна вилка. Один из стаканов был наполовину заполнен крупной сероватой солью. Под столом валялись спасательные жилеты. На стене висели красные спасательные круги, потрескавшиеся от старости. Над столом был прибит незастекленный шкафчик, в котором под вбитыми в ряд гвоздями выделялись выкрашенные белой краской загадочные цифры. На гвоздях на грязных засаленных веревочках висели ключи. Цифры под гвоздями обозначали номера лодок, которые запирались замками на ночь...

Наша компания с трудом вместились в обиталище сторожа. Каштанов, вспомнив, что он врач, набросил на плечи Джекки, которую бил колотун, казенный ватник и приказал Владиду:

- Бегите на турбазу в буфет и возьмите водки! Я не хочу, чтобы она умерла от воспаления легких! Но хочу, чтоб вы оба исчезли отсюда навсегда, чтоб я вас больше никогда не видел!

Оператор исчез.

Джекки и Антон Михайлович остались вдвоем.

- Итак, - начал Каштанов, - чем обязан вашему назойливому вниманию?

- Вы находитесь во всероссийском розыске, Антон Михайлович. По телевидению уже объявили, что исчез выдающийся ученый. И тут я натыкаюсь на вас, когда вы воруете булочки. Как вы думаете, что бы на моем месте сделала любая хорошая журналистка?

- Логично, но противно. Сейчас я понял, какая вы на самом деле добрая! Кормили обедом, везли на вокзал, часы купили...

Вернулся Владик с двумя бутылками спиртного и какой-то закусью.

Антон Михайлович налил Джекки полный стакан:

- Выпейте до дна!

- Столько я не могу!

- Я доктор и лучше знаю, сколько вы можете!

- Вы не доктор, а изувер! Вы морозили меня в ледяной воде!

- Джекки, не ломайся! - поддержал лодочника Владик. - А то на самом деле схватишь воспаление легких.

Джекки залпом маханула стакан...

Через полчаса расстановка сил была такова: пьяная Джекки, хорошо подвыпивший Владик и абсолютно трезвый Каштанов.

Владик недоумевал:

- Слушайте, доктор, имея столько долларов, чего вы ошиваетесь тут, а не в каком-нибудь Париже?

Каштанов, который принимал весла от отдыхающего, не обратил внимания на слова про какие-

то доллары и объяснил:

- У них здесь заболел лодочник, а, кроме меня, его подменить некому!

- В Париже тоже можно подменять лодочника, - вмешалась в беседу Джекки, - они там тоже болеют.

- Откуда вы это знаете? - спросил Каштанов.

- У меня высшее образование! - похвасталась Джекки.

- В институте вы изучали лодочников? - допытывался Антон Михайлович. - Да, кстати, какие у меня доллары?

- У вас два миллиона, - выдал информацию Владик.

- О... - со смешком произнес доктор, не подозревавший ни о чем. - Раз я такой богач, давайте поделим мои два миллиона на троих!

- Я - за! - спьяну брякнул Владик.

- А я против! - возразила принципиальная Джекки. - Я не умею делить два на три. И вообще... я такая несчастная... - Ее совсем развезло. - Вечно мотаюсь. Дочку забросила, маму больную забросила... Какая я скотина!.. Личной жизни нету. Никто меня не любит.

- Как никто? А я? - воскликнул оператор.

- Ты не считаешься. Ты - коллега, товарищ. - Джекки попыталась встать, пошатнулась. - Домой хочу! К дочке! Поехали!

Владик забеспокоился и усадил ее.

- Ты не можешь вести машину, ты пьяная. А я не умею.

Джекки вдруг трезво посмотрела на Каштанова:

- Антон Михайлович, вы что, действительно не знаете, что из вашего фонда похитили два миллиона?

- Как? Кто сказал?

- Я точно знаю.

Каштанов пытался сообразить, в чем дело...

Джекки так покачала головой, что доктор понял - это правда.

- Теперь я понял ваши гнусные намеки про Париж. А я-то при чем?

Тобольская встала и выпрямилась в полный рост.

- Деньги почему-то исчезли вместе с вами!

- Как вы смеете подозревать меня! - мгновенно взбесился Каштанов.

- Не мое дело заниматься подозрениями, - хладнокровно ответствовала Джекки, - я веду журналистское расследование.

- Я был бы вам весьма признателен, если бы вы пошли вон отсюда! - сквозь зубы процедил Антон Михайлович...

Жигуленок Тобольской ехал, если можно так выразиться, не совсем по прямой, а слегка виляя.

Джекки вцепилась в руль обеими руками, чтобы машина хоть как-то ее слушалась.

Но машине, видно, надоел хмельной водитель, она помчалась под гору и ткнулась носом в ни в чем не повинную сосну.

- Приехали! - констатировала Джекки.

- Ура! - обрадовался Владик, которого алкоголь разбирал чем дальше, тем больше.

- Владик, уйди в тень! - послала его Джекки.

- Зачем мне куда-то идти, когда в лесу кругом тень? - с пьяной простодушной искренностью возразил Владик...

В это же ночное время Антон Михайлович добрался до деревенской телефонной будки. Ждать до утра он не желал и потому безжалостно разбудил своего заместителя:

- Ваня, это правда?

Иван Павлович даже спросонья узнал голос шефа:

- Антон Михайлович, вы где?

- В деревне.

- Вы в порядке?
- Как я могу быть в порядке, когда только-только узнал, что из нашего фонда украли дикие деньги!
- К сожалению, шеф, это правда!
- Я сейчас же еду в Москву! - принял решение Каштанов.

Иван Павлович искренне поразился:

- Зачем?
- Как это зачем! Я должен принять меры, я должен быть там, я должен...
- Вы знаете, кто украл?
- Какая чушь - конечно нет!
- Можете найти преступника?
- Что я тебе, сыщик? - возмутился Антон Михайлович. - Опять несешь ерунду!
- Тогда зачем вам приезжать? Отдыхайте. Я буду вас информировать о ходе следствия. Вам куда звонить?
- У меня нет телефона. Я тебе буду звонить сам...

Глава четвертая

Собор монастыря смотрелся в зеркальную поверхность озера. Первые лучи встающего солнца коснулись куполов храма. Со звонницы доносились мелодичные звуки колоколов. Начался новый день...

Когда утром Антон Михайлович вышел на свежий воздух, то сразу же рядом со своим жильем обнаружил ржавые «Жигули», слегка помятые после поцелуя с деревом.

Из капота машины торчала небольшая сосна, совсем как вишневое дерево из головы оленя в романе о Мюнхгаузене.

Из машины выползла Джекки. Вид у нее был далеко не выигрышный, чтобы не сказать помятый.

- Доброе утро! - пробормотала она.

- Какое, к черту, доброе, если вы здесь! - устало сказал Каштанов.

- Для преступника, который объявлен во всероссийский розыск, вы ведете себя беспардонно! - парировала Джекки.

Владик незаметно для Антона Михайловича снимал его из окна автомобиля.

- Ну и паршивка же вы, извините за выражение! - припечатал Каштанов.

- А вы лицемер! - не осталась в долгу Джекки.

- А вы хоть бы умылись после вчерашнего! Выглядите урод уродом!

- А вы вредный, гнусный старикан! - не сдавалась Джекки.

Владик, выйдя из автомобиля, с упоением снимал перепалку.

Антон Михайлович заметил это и двинулся на оператора с угрожающим видом.

- Прекратите снимать! - При этом Каштанов сделал попытку отнять видеокамеру.

Владик завопил:

- Меня можете убить, но камеру не трогайте! Она слишком дорого стоит.

Было уже известно, что хирург сильнее оператора, и Джекки бросилась на защиту аппаратуры. Она вступила с Каштановым в сражение... В битве она применяла приемы у-шу и вообще усердно колошматила доктора. А профессиональный оператор не мог упустить такую роскошную возможность заснять драку.

Обычно, во всяком случае в кино, подобные сцены кончаются объятиями драчунов, но сейчас этого не произошло. Антон Михайлович вырвался из рук разъяренной Джекки и сказал брезгливо:

- Я женщин никогда не бил! И не буду!

- Да вам с ними и не справиться! - Джекки была в своем репертуаре.

Если бы состоялся фильм, то эту сцену, наверное, тоже показали бы в черно-белом варианте...

Вскоре все трое завтракали в турбазовской столовой, только Каштанов в одном углу, а телевизионщики в противоположном. Летняя столовая представляла собой большой тент, под которым на берегу озера были расставлены столики и стулья.

Между столиками врагов расположилась семья отдыхающих в традиционном составе - муж, жена и ребенок.

- Наш новый лодочный сторож кого-то напоминает! - Жена, крупногабаритная тетка, не сводила глаз с мрачного Антона Михайловича.

Тощий муж тоже на него поглядел и высказался конкретно:

- Грязный, неопрятный, несимпатичный.

Справедливый Владик заступился за Каштанова:

- Это преувеличение - не такой уж он неопрятный.

- Но несимпатичный - это точно, очень несимпатичный! - высказалась Джекки.

- Я уже знаю, на кого смахивает этот тип! - громко провозгласила тетка. - На того профессора, который украл пять миллионов долларов!

Каштанов не выносил гипербол:

- А я слышал, что не пять, а только два!

Тетка зашла от возмущения:

- Вот у меня газета с портретом, и тут напечатано, что он слямзил пять!

- Нам бы такие деньги! - мечтательно произнес муж.

- Будьте добры, дайте, пожалуйста, посмотреть газету! - оторопев, попросил Антон Михайлович.

Он взял газету и увидел свой портрет. Под ним крупным шрифтом было напечатано:

«Исчез Каштанов - выдающийся хирург», а пониже, тоже крупно, но помельче: «Из фонда академика Каштанова похитили два миллиона долларов!»

- Но тут же написано два миллиона, - укоризненно сказал Антон Михайлович, на что у тетки нашелся убедительный аргумент:

- Где два, там и пять!

Джекки поднялась из-за стола и направилась к стойке, где высился здоровенный чайник, а рядом вереницей выстроились подстаканники со вставленными в них стаканами. Джекки налила себе чаю, а возвращаясь, уже с подстаканником в руке, приблизилась к доктору.

- Позвольте и мне взглянуть! - елейно-мерзким тоном пропела журналистка и протянула руку к газете. Но...

- Это не моя газета! - строптиво заявил Каштанов и вернул ее владелице.

Однако Джекки не успокоилась и обратилась к хозяйке:

- Вы разрешите, буквально на секунду! - Сейчас она была воплощенная вежливость.

Тетка вручила ей газету, заметив при этом:

- Ведь правда похож?!

Джекки поизучала фотографию, затем перевела взгляд на Антона Михайловича и вынесла приговор:

- Нет, не похож! Наш лодочник много старше!

- Большое спасибо! - с усмешкой поблагодарил лодочник.

- А я убеждена, - упорствовала тетка, - очень даже похож на ворюгу, который обчистил детский фонд.

- Это не детский фонд! - ляпнул правдолюбец.

Тем временем семья, расправившись с завтраком, поднялась из-за стола. А муж бдительной тетки сунул в руку лодочника монету.

- Приготовь лодку, ту, синюю с белым!

Каштанов попытался вернуть деньги, но...

- Вам надо менять внешность! - с иронией посоветовала Тобольская.

- А вам-то какое дело! - взъерепенился Антон Михайлович, забыв про монету.

- Я буду это снимать!

- Что - это?

- Как вы будете краситься, или надевать парик, или бриться наголо! - Джекки гордо проследовала на свое место.

Вскоре уже Каштанов с подстаканником в руке не поленился сделать крюк, чтоб задержаться у вражеского столика.

- Покуда я жив - вы меня снимать не будете! - И ушел.

Джекки снова зашагала за чаем, и снова с подстаканником в руке, естественно, не миновала неприятеля.

- Можете не менять внешность, но вас поймают и посадят в тюрьму! Разумеется, мы и это запечатлеем на пленку.

Антон Михайлович тоже повторил прежний маневр. Когда он приблизился к столику, за которым сидела Джекки, та вскочила.

Теперь они стояли с подстаканниками в руках, словно с пистолетами. Они действительно были вооружены, потому что чай был горячий. Противники испепеляли друг друга гневными взглядами, но до новой потасовки не дошло - Владик втиснулся между враждующими.

- Успокойтесь, а то чай остынет!

Собираясь звонить в Москву, Каштанов снова поспешил к той же самой деревенской телефонной будке.

Он вошел в нее, опустил в прорезь монеты, набрал номер.

На том конце провода Никита взволнованно закричал:

- Па, это ты?! - Лицо его озарилось. - Ты где? Как себя чувствуешь? Почему ты уехал без меня?

- Я в Тихих Омутах.

- У дяди Саши?

- Да, - неуверенно ответил отец.

- С тобой все в порядке? - спросил Каштанов-младший.

Второй этаж каштановской дачи под Москвой был превращен Никитой Антоновичем в музыкальную студию. Рояль, синтезатор, отдельные музыкальные инструменты, разбросанные повсюду ноты, а также магнитофоны, микрофоны, звукозаписывающая аппаратура, опутанная проводами, говорили о том, что младший Каштанов не такой уж бездельник, каким он пытался себя показать перед Джекки.

- Ты видел эту газету с гадким намеком? - спросил расстроенный отец.

- Телевидение тоже отличилось, - сказал сын.

- А что эти набрехали?

Никита помялся:

- Вроде бы ничего особенного. Но знаешь, это как бы по Чехову - не то тебя обокрали, не то ты сам украл. Да ты не волнуйся, завтра кого-нибудь убьют или случится землетрясение, и наша любимая пресса забудет и про твой фонд, и про тебя самого. Как ты себя чувствуешь?

- Как я могу себя чувствовать, когда такое... - убито проговорил Каштанов.

Никита не дал договорить:

- Па, повторяю, не принимай близко к сердцу. Сейчас время - жуть. Каждый день - новая пакость!

- И к тому же, - пожаловался отец, - меня все время преследует одна дрянь. Она с телевидения.

Никита сразу догадался, о ком идет речь:

- Ее зовут Джекки?

- Она у тебя была? - поразился Каштанов.

- Была. Убойная дамочка. И очень даже ничего. Па, что я могу для тебя сделать? Хочешь, я приеду?

- Ну, если тебе нечего делать...

- Мне всегда нечего делать.

- Я по тебе соскучился, - признался старший.

- И мне тебя очень не хватает, - сознался младший.

Когда Каштанов покинул телефонную будку, то сразу же обнаружил, что на него нацелена телевизионная камера. А Джекки, оказывается, влезла на крышу телефона-автомата и свисала оттуда, как обезьяна, держа в руке микрофон. Так что весь разговор Антона Михайловича с сыном был снят и записан звук.

- Спасибо за дрянь с телевидения, - сказала Джекки, спрыгнув на землю.

- Сколько это будет продолжаться?! - возмутился Антон Михайлович.

- А что вам не нравится? - ёрнически ответила Джекки. - Мы молодые, симпатичные и очень привязаны к вам.

- Я тоже симпатичный? - удивился Владик. - Ты мне этого никогда не говорила.

- Повода не было, - сымпровизировала Джекки.

- То, что вы ко мне привязаны, я чувствую! - Антон Михайлович в сердцах сплюнул и пошагал прочь.

Телевизионщики припустились за ним, и Джекки начала декламировать, вспомнив к месту пушкинские строки:

Нет, поминутно видеть вас...
Повсюду следовать за вами,
Улыбку уст, движенье глаз
Ловить влюбленными глазами...

- Ребята, вы зря теряете время, - не оборачиваясь, на ходу сказал Каштанов. - Я ведь денег не крал!

- Конечно не крали! - согласилась Джекки. - Но какое это имеет значение!

Навстречу двигалось стадо коров. Джекки воскликнула:

- Я дико коров боюсь!

И тем не менее, чтобы не упустить Каштанова, смело втиснулась между четвероногими.

Полузакрыв глаза, она двигалась внутри стада и продолжала поучать Антона Михайловича:

- Как вы не понимаете сегодняшней ситуации - в стране бардак, законы не работают. Предположим, поймут какого-то никому не известного жулика, который хапнул эти миллионы, ну и что? Кому от этого радость? А если юристы повесят это дело на вас? Сразу

сенсация, звонкий процесс, пресса, телевидение, шумиха. Вы, Антон Михайлович, для юристов и прессы лакомый кусочек!

Монолог Джекки произвел на хирурга сильное впечатление.

- Неужели вам все равно - виновен человек или нет?

- Мне - нет. Это нашему правосудию все равно!

- Откуда вы всё это знаете? - Слова доктора заглушило мычание, и он вынужден был их повторить.

Джекки объяснила вразумительно:

- Просто вы живете в операционной, а я в гуще жизни.

- Довольно-таки грязная у вас гуща!

- Не у вас, а у нас! - поправила Джекки. - Это наша общая гуща!

- Кстати, - с насмешкой спросил Каштанов, - почему ваш парень меня не снимает? Роскошный кадр - я в стаде коров!

- Снять? - быстро отреагировал Владик.

- Не надо, - столь же быстро отреагировала Джекки и пояснила: - Мы снимаем только узловые моменты. Например, уважаемый академик, как вы крадете булочки!

- Надеюсь, вы подарите мне этот незабвенный кадр? - с усмешкой осведомился академик.

- Когда выйдете из тюрьмы - обязательно! - пообещала нахалка, но тотчас вскрикнула от боли и упала. Коровы в испуге шарахнулись в сторону.

Владик бросился к Джекки.

- Что с тобой?

- На меня наступила корова.

Каштанов стал защищать парнокопытное:

- Корова не может наступить на человека.

Джекки попыталась встать, застонала и вновь опустилась на землю.

- Ну, что там у вас? - грубовато спросил Антон Михайлович, возвращаясь к упавшей. Хирург взял над ним верх.

- Зверски болит, дотронуться не могу.

- Где именно?

- Вот здесь! - показала Джекки.

Доктор нагнулся и пощупал ногу. Джекки снова вскрикнула. Тогда Каштанов распорядился:

- Владик, помогите мне!

Мужчины осторожно приподняли Джекки и перенесли на траву.

- Надо снять ваши брюки! - сказал Каштанов.

Джекки не позволила:

- Вы считаете, что все журналистки - шлюхи!

- Вам виднее! - ехидно ответил Каштанов. - Тогда придется порвать брючину.

- Да рвите же, мямля! - Джекки было очень больно.

Каштанов разорвал штанину и стал осматривать ногу.

- Наружного кровотечения нет, но нужно сделать рентген. Владик, быстро за льдом! К месту ушиба следует приложить холодное.

- Где я возьму лед, сейчас лето! - растерялся Владик.

- В деревне в каждом дворе есть ледник! - сердито объяснил хирург.

Владик поспешил за льдом.

- А я за машиной! - сказал Антон Михайлович. - Где она?

- Тут неподалеку, вон за той избой, - показала Джекки и отдала ключи от автомобиля.

Доктор вернулся первым.

- Только вы, Антон Михайлович, не вздумайте ехать со мной в больницу! - обеспокоенно сказала Джекки.

- Это еще почему?

- Вас там опознают и схватят! - вдруг проявила она заботу.

- Весьма тронут, но ваша нога важнее! - ответил Каштанов.

Джекки продолжала спорить:

- Местный врач сделает все, что нужно!

- А вдруг осколочный перелом? Операция? А я прооперирую лучше многих, - скромно констатировал Антон Михайлович.

Появился наконец и Владик с большим куском льда, завернутым в полотенце.

- Что вы так долго копались! - выразил недовольство Каштанов и приложил лед к ноге Джекки.

- Зачем я только с вами связалась?! - простонала репортерша.

По больничному коридору Джекки передвигалась, прыгая на одной ноге, обняв за плечи Владика и Антона Михайловича.

Подбежавшему врачу Каштанов сказал:

- Рентген, и немедленно!

Врач ошеломленно смотрел на столичное светило:

- Как скажете... Вы профессор Каштанов?

Антон Михайлович кивнул.

- Вас всюду ищут! - шепотом проговорил врач.

Каштанов поморщился:

- Это неважно. Где рентген? Куда идти?

В рентгеновском кабинете женщина-рентгенолог тоже понизила голос до шепота:

- Антон Михайлович, вас ищут, а отделение милиции в соседнем доме.

- Кто ищет, тот всегда найдет! - Хирург долго разглядывал снимок и наконец облегченно вздохнул: - Гематома большая, но перелома нет. А вы как полагаете, коллега?

- Что я могу полагать, когда диагноз поставил сам Каштанов! - И оба врача улыбнулись.

В перевязочной, бинтуя Джекки ногу, медсестра конфиденциально проговорила:

- Профессор, около больницы висит ваш портрет, ну, разыскивается и так далее...

- Спасибо! - поблагодарил Антон Михайлович. - Уходя, я оставлю на нем автограф.

Из больницы академик нес Джекки на руках. На крыльце толпа в белых халатах провожала кумира. Каштанов покивал им на прощанье, помахать не мог, руки были заняты, а Джекки он сказал:

- Обидно, что не множественный перелом со смещениями. Тогда бы я вам показал, что я из себя представляю!

Джекки подхватила ироническую интонацию:

- Доктор, а вы, оказывается, гуманист!

Владик семенил рядом и ныл:

- Антон Михайлович, разрешите, я ее понесу! Вам тяжело, а я молодой и сильный.

Джекки надоело ныть:

- Владик, уйди в тень!

Владик огляделся и обескураженно произнес:

- Но тут нет тени!

После короткой паузы Джекки сказала, не скрывая своего удивления:

- Антон Михайлович, вас все в больнице узнали, но никто и не подумал выдать!

- Мы врачи, а это солидарность! - гордо заявил доктор. - Мы не юристы или журналисты какие-нибудь!

- Среди журналистов тоже попадаются приличные люди! - проговорила Джекки, все еще лежа на руках у Антона Михайловича.

- Надеюсь, вы не о присутствующих?!

Они были уже у выхода с больничной территории. На стенке красовался портрет Каштанова с надписью.

- Обнимите-ка меня за шею, и покрепче! - попросил Каштанов. - Я обещал оставить автограф.

- У меня безвыходное положение, - вздохнула Джекки и крепко обняла Антона Михайловича.

Текст под портретом гласил:

«25 августа вышел из дому и исчез знаменитый хирург академик Каштанов Антон Михайлович. Был одет в светло-серый пиджак и темно-серые брюки. На ногах черные туфли. Всех, кто видел Каштанова или что-нибудь знает о месте его пребывания, просят звонить...»

Хирург достал из внутреннего кармана ручку и размашисто расписался поперек собственной физиономии.

Около машины он сдал поклажу, то есть Джекки, как говорится, с рук на руки:

- Примите ценный груз!

Владик принял ношу:

- Что мне с ней делать?

- Холить и лелеять! - вставила Джекки.

- Отвезите ее в Москву! - отдал распоряжение Каштанов. - В Москву направо! - И зашагал прочь.

- Минуточку! - в ужасе вскричал Владик. - Вы забыли, я же не умею водить машину!

Доктор посоветовал, не оборачиваясь:

- Учитесь!

- Но учиться надо два месяца, сдавать экзамены... - причитал несчастный Владик.

В ответ прозвучало безжалостное:

- Это ваши проблемы!

- Антон Михайлович, - взмолилась Джекки, - вы же врач, вы давали клятву Гиппократу, вы не имеете права бросить раненую посреди дороги!

Каштанов вернулся, открыл заднюю дверцу:

- Владик, засуньте ее в машину, только не заденьте травмированную ногу! - Садясь за руль, он добавил: - Рядом с монастырем есть дом отдыха. Я вас туда отвезу.

Машина подъехала к зданию, напоминающему русскую усадьбу девятнадцатого века. В наши дни такой архитектурный стиль носит название «ампир во время чумы», ибо этот «псевдеж» строился в сталинские времена.

- Доктором я у вас работал, шофером тоже, а администратором устраивать вас в дом отдыха - пусть потрудится ваш оператор.

И Каштанов ушел.

Глава пятая

Монастырь шестнадцатого века отражался в зеркальной озерной глади. С колокольни доносился мерный печальный звон. Начался еще один день отпуска академика Каштанова.

Отпуск! Если вникнуть, какое это чудесное слово! А если не вникать, то оно еще более прекрасно. Человек создан для отдыха, как птица для полета, как рыба для воды, как волк для овечьей отары. Не правы те, кто утверждает, будто труд облагораживает человека. Ерунда! Человека возвышает, украшает и улучшает благородная лень, упоительное безделье, целеустремленное ничегонеделанье. Люди ожидают, что в отпуске может случиться что-то неизведанное, чудесное, необыкновенное – счастливая встреча или еще более желанное расставание, невероятная любовь или долгожданный развод. Даже если не повезет с погодой, то все равно лучше отдыхать в плохую погоду, нежели работать в хорошую. Так называемые трудоголики, которых в нашем отечестве, к счастью, не так уж много по сравнению с бездельниками, – несчастные люди. Они не умеют отдыхать, тяготятся отпуском и – о ужас! – скучают!

С Антоном Михайловичем в эти дни творилось что-то неладное. Он стал отличать ольху от осины, березу от ивы, сосну от елки. Он подолгу и с умилением следил, как мать-утка плывет во главе выводка утят, следующих гуськом. (Извините за нечаянный каламбур: утки и гуськом?!) Каштанов поймал себя на ощущении, что нет ничего приятнее, чем побродить босиком по утренней росистой траве. И вообще размышления, что он обеднил свою жизнь, сделал ее однобокой и в чем-то убогой, все чаще и чаще посещали его свободную от

забот голову. Несомненно, с ним происходил удивительный процесс перерождения. Из трудоголика, субъекта, которому работа заменяла наркотик, он превращался постепенно в нормального человека. И стихийное чувство, что надо жить не только для людей, но и для себя любимого закрадывалось порой в его бескорыстное сердце. Это происходило с Антоном Михайловичем впервые, и он даже поймал себя на том, что иногда с удовольствием посматривает на складно сложенных молоденьких отдыхающих женского пола. Это тоже было для него ново и, как ни странно, приятно...

По берегу с букетом роз двигался Владик. Он направлялся к причалу турбазы, где Антон Михайлович в потрепанной робе, как обычно, дежурил – раздавал весла, принимал лодки, вычерпывал из них воду. Приблизившись к лодочнику, Владик торжественно произнес:

– Джекки послала меня к вам вот с этим букетом!

– Я подарков не принимаю! – сухо ответил Каштанов.

– Это не подарок, – возразил Владик, – это цветы.

– Вы их что, в поле собрали?

– Розы в поле не растут!

– Значит, купили. Следовательно, это подарок.

– Какой вы, извините, зануда! – вырвалось у Владика, он огорченно повернулся, чтобы уйти, но спохватился: – Чуть не забыл, Джекки очень просила вас зайти.

– Зачем еще?

– Посмотреть ногу. Она сказала, что вы врач, – сообщил новость Владик. – Но я в этом не уверен.

Антон Михайлович вышагивал по территории дома отдыха в сопровождении Владика, который нес отвергнутый букет.

Их путь пролегал через бильярдную.

- В какие часы открыто? - спросил у маркера Каштанов.

- Открыто только для отдыхающих! - поставил маркер лодочника на место.

- Михалыч! - окликнул Каштанова молодой супермен, который развлекался сейчас на бильярде. - Посмотри, как я уложу пятнадцатого в угол!

Каштанов поглядел:

- Ошибаетесь, господин Ёжиков, - такой шар забить невозможно!

Ёжиков, парень лет двадцати пяти с массивной золотой цепью на шее, приехал на отдых капитально: привез с собой не только охранника, что является атрибутом любого нувориша, но и прихватил небольшой гарем, состоящий из трех профурсеток. Для занятий группенсексом он нанял в доме отдыха целый коттедж - два люкса с саунами, холодильниками, каминами, телевизорами и прочими удобствами. Эти коттеджи предназначались для особо знатных или чрезмерно богатых гостей. Ёжиков попадал под вторую категорию. Охранник - сверстник хозяина - всегда ходил за ним и таскал кейс, набитый сотенными. А чтобы с чемоданчиком чего-либо не стряслось, охранник прикрепил себя к кейсу наручниками. Ёжиков приехал сюда в открытом кабриолете «мерседес», лихо катал барышень, не соблюдая никаких правил уличного движения. Барышни кудахтали вокруг него, ублажали, льстили и интриговали друг против друга.

- Такой шар не идет, - повторил Антон Михайлович.

- Это у тебя не идет, Михалыч! - ухмыльнулся Ёжиков, прицелился и ловко положил шар в лузу.

- Чемпионский удар! - искренне восхитился доктор. Профурсетки восторженно защебетали, а одна из них умильно поднесла снайперу на подносе бокал с прозрачной жидкостью.

Когда Владик и Каштанов покидали бильярдную, оператор спросил:

- Вы играете на бильярде?

- Так, чуть-чуть, - сказал Каштанов.

Номер у Тобольской был одноместный, но с балконом и с видом на озеро.

Джекки лежала в постели и смотрела телевизор.

Вошли мужчины. Владик поставил розы в вазу с водой:

- Доктор букет не принял.

- Доктор у нас принципиальный, - разочарованно протянула Джекки. - Вы зачем пришли, Антон Михайлович?

- Но вы же сами меня звали посмотреть ногу!

- Тогда любуйтесь! - И Джекки высвободила ногу из-под одеяла.

- Какая восхитительная нога! - пришел в восторг Владик.

- Владик, уйди в тень! - устало приказала Джекки.

- Понял, - оператор направился к двери.

- И там, в тени, - на полном серьезе добавил Антон Михайлович, - я имею в виду поликлинику дома отдыха, постарайтесь раздобыть костыль, чтобы ваша хромая начальница смогла передвигаться.

- Понял. - И Владик исчез.

Каштанов осмотрел ногу, притронулся к ушибу.

Джекки поморщилась от боли.

Хирург удовлетворенно кивнул:

- Лучше, чем я ожидал. Хорошо, что мы приложили лед. Пару дней поболит, но, как говорят, до свадьбы заживет.

Джекки невесело усмехнулась:

- Замуж не собираюсь. Два раза обожглась, с меня достаточно.

- Значит, опыт имеется? - подковырнул врач.

- А у вас? - сделала выпад Джекки.

- Что у меня? - не понял Каштанов.
- Опыт! - разъяснила Тобольская.
- Опыта у меня навалом! - соврал Антон Михайлович.

Оба помолчали. Потом Каштанов почему-то сказал:

- А у меня первая жена умерла.

Каждый задумался о своем. Затем Джекки посмотрела на доктора с упреком:

- Антон Михайлович, почему вы не взяли букет? Мне обидно. Я вам так признательна!

- Извините, но я не могу нарушить свои принципы.

- Какой вы, доктор, все-таки зануда! - ласково сказала пациентка.

- Это есть, - согласился Каштанов.

- Ради меня можно нарушить принципы? - неожиданно спросила Джекки. - Сделать исключение?

Каштанов долго смотрел на нее, прежде чем ответить.

- Знаете, как вас назвал мой сын?

- Как он меня назвал? - поинтересовалась Джекки.

- Убойная дамочка.

- Значит, можно нарушить! - пришла к выводу Джекки и улыбнулась.

- Значит, ради вас, пожалуй, можно, - улыбнулся Антон Михайлович.

Он вынул букет из вазы.

- Спасибо, - сердечно сказала Джекки.

- Это вам спасибо, - тоже сердечно сказал доктор.

На телеэкране, где прежде шел концерт, начали передавать новости. Послышался голос диктора:

- По сведениям, полученным от Интерфакса, органам внутренних дел удалось установить, что знаменитый хирург Антон Михайлович Каштанов жив и здоров. Его местонахождение известно. В интересах следствия оно не разглашается.

Антон Михайлович все это выслушал и печально поглядел на Джекки:

- Вот так, значит? Ты стукнула в Москву! - Он даже перешел на ты. - Это низость!

Он резко встал, сунул букет обратно в вазу и заторопился к выходу.

Джекки с трудом вскочила с постели и, припадая на больную ногу, догнала Каштанова в коридоре, схватила за рукав.

- Как вы смели подумать про меня такое!

- Как же они узнали, что я нахожусь здесь? - Антон Михайлович издевательски скрестил руки на груди. - Кроме тебя это никому не известно.

- Прекратите говорить мне «ты»! - взмолилась Джекки.

- Мне противно на тебя смотреть! - горестно сказал Каштанов.

- На кого сейчас противно смотреть, так это на вас! - тоскливо молвила Джекки.

- А ты мне омерзительна! - грустно ляпнул доктор.

- А вы мне... - всхлипнув, буркнула больная.

- А ты мне... - И вообще, - печально заявил хирург, - тебе нельзя вставать с постели!

- А мне на постель наплевать! - чуть не плача, срывающимся голосом проговорила Джекки.

Оба одновременно развернулись и зашагали в противоположные стороны. Она, прихрамывая, назад в комнату, а он - вон из дома отдыха. Оба были невероятно огорчены случившейся ссорой...

Хмурый Каштанов возвращался пешком по берегу озера. Для удобства отпускников и туристов в нескольких местах были поставлены печки-плиты с вьюшками, рядом поленницы дров. А под навесами вкопаны в землю столы из толстых струганых досок и скамьи. Предполагалось, что здесь самим можно сварить уху, зажарить рыбу, посушить грибы,

приготовить шашлык. Чуть в стороне в мусорных баках валялось немыслимое количество порожних бутылок от всевозможного спиртного. В одном из таких райских мест самообслуживания гулял Ёжиков со своим гаремом. Девки что-то парили, жарили, стол ломился от выпивки, а сам падишах ритмично отплясывал под музыку, которая неслась из магнитофона.

- Михалыч! - крикнул Ёжиков. - Выпить хочешь?

- Нет, отец, - серьезно сказал Каштанов. - Я же на работе.

- Молодец, сынок, - подхватив иронию, одобрил Ёжиков. - Значит, так: подготовить четырехвесельную шлюпку, это раз... и два - вот тебе ключи, там, на пригорке, кабриолет, вынь из багажника ящик пива, отнеси в лодку.

Закончив делать заказ, Ёжиков порылся в карманах, достал измятую зеленую купюру и сунул в руку доктору Каштанову.

- Премного благодарен! - сказал тот и восхищенно подумал: «Так я еще никогда не жил».

В город Крушин въезжала милицейская машина. В ней восседала капитан милиции Варвара Петровна. Одета она была для конспирации не в форму, а в обычное женское платье.

На причале турбазы опять возник Владик.

- Что еще вам от меня надо? - недовольно спросил лодочник.

- Джекки требует, чтоб вы извинились.

- И не подумаю!

- И напрасно. Я, в отличие от вас, всегда думаю, прежде чем принять решение.

- То, что вы думаете, очень заметно! - саркастически сказал Каштанов и скрылся в вагончике, а Владик поплелся обратно не солоно хлебавши.

Вскоре Антон Михайлович очутился в деревне, на околице, возле того самого дома, возле которого он уже появлялся сразу после приезда. Как и тогда, позвонил в дверь, постучал – как и тогда, безо всякого успеха.

К колодцу, тоже как в первый раз, пришла за водой крестьянка. Каштанов поздоровался с ней и спросил:

– Хозяин не объявлялся?

– Да нет еще. Хозяйство-то большое. А вы в дирекцию заповедника звонили?

Каштанов кивнул:

– Ждут его со дня на день.

Перед уходом он вложил в дверь записку.

Мимо дома проезжал открытый «мерседес» Ёжикова, в котором на заднем сиденье полулежала Джекки, вытянув больную ногу. Она подрядила бизнесмена помочь ей разыскать строптивного врача. Увидев Каштанова, закрывавшего калитку, попросила:

– Леша, пойдите, пожалуйста, погуляйте, мне надо побеседовать вон с тем типом.

– Так это Михалыч, лодочник с турбазы. – Ёжиков послушно подал машину назад, остановил, вышел, присел неподалеку на бревна и закурил. В тот день откуда-то налетела тьма комаров, и Ёжиков все время размахивал руками, отгоняя кровожадные полчища.

Джекки окликнула доктора:

– Антон Михайлович, я жду извинений!

– Не дождетесь! – В руках Каштанова была сломанная ветка, которой он разгонял насекомых.

– Вы можете меня ненавидеть, но думать, что я вас заложила...

– Почему вас интересует, что я про вас думаю?

Джекки на секунду замешкалась:

– Не интересует. Но я никому не позволю меня унижать! – И она прилепнула у себя на лбу комара.

Каштанов усмехнулся, кивнув в сторону Ёжикова:

- Нашли себе молодого, богатого... - И яростно расчесал комариный укус на шее.

- А зачем мне старый и нищий? - Джекки хитро поглядела на Каштанова. - Уж не ревнуете ли вы?

- С какой стати? К тому же я не старый... И вовсе не нищий. У меня, как вы уверены, карманы набиты долларами.

- А я совсем не вас имела в виду! - Джекки произнесла это торжествующе. - И нет у вас никаких миллионов, иначе бы вы околачивались не здесь, а где-нибудь в Испании, Англии...

- Я патриот! - Доктор неожиданно влепил пощечину журналистке. - Комар, - пояснил он.

- Немедленно извиняйтесь! - повысила голос Джекки. - Я торчу здесь, а завтра у меня день рождения, мне домой пора, меня ждут мама и дочка.

- Но я-то при чем?

- Но я же из-за вас сюда приехала!

- Я вас не приглашал!

- Это неважно - просите прощения!

Весь этот диалог происходил во время отчаянной обороны собеседников от полчищ озверелых комаров. Джекки и Антон Михайлович махали руками, чесались... Но главным было не сражение с насекомыми, а поединок между женщиной и женщиной.

- Не хочу просить прощения! Понимаете, не желаю!

Джекки пришла в отчаянье и попыталась самостоятельно выкарабкаться из автомобиля, опираясь на костыль.

- Вы невозможный человек, Антон Михайлович, да, невозможный! Подайте мне руку, пожалуйста!

- Пожалуйста, - столь же сердито сказал Каштанов и помог пациентке выбраться наружу. Однако та не удержалась на ногах и буквально упала в объятия доктора.

- Зарубите себе на носу, - продолжала бушевать Джекки, - я от вас не отстану, не отлипну, не отцеплюсь, пока вы не попросите прощения! - И с этими словами ударила Каштанова по щеке. - Комар, - пояснила она.

- Я от вас очень устал! - Каштанов аккуратно поставил Джекки, чтобы не упала, отвернулся и зашагал прочь...

Глава шестая

По озеру шустро мчался катер, ведя на поводке разноцветный парашют, паривший в воздухе на довольно приличной высоте. А к парашюту был привязан доброволец, любитель острых ощущений.

На пляже – в шезлонгах и на лежаках – оживленно наблюдали за полетом. Владик трудился и на пляже. Он снимал, как парашют проносится над озером, над купающимися, над пляжным кафе, построенным в виде самовара с декоративным чайником на макушке. Кстати, переодевалки рядом с «самоваром» были сооружены в виде двух гигантских «чашек». Фантазии, если вдуматься, предела нет, но иногда лучше не вдумываться.

Внутри кафе любвеобильный Ёжиков угождал Джекки и явно ухаживал. Гарем сидел неподалеку за отдельным столиком и бешено ревновал. Джекки азартно следила за полетом смельчака, реявшего за окном.

– С самолета на парашюте я прыгала, а вот на такой штуковине летать не доводилось, – завистливо сказала журналистка.

– Хочется? – спросил Ёжиков.

Джекки кивнула.

– Организуем, – безапелляционно произнес молодой богач, ощущающий себя хозяином жизни.

Тем временем милицейский автомобиль въехал на территорию пляжа дома отдыха и остановился там, где и требовалось по сюжету, то есть у «самовара». Из машины вылезла переодетая в гражданское платье капитан милиции В. П. Муромова и наметанным взглядом сыщика окинула отдыхающих, надеясь найти Каштанова.

Джекки увидела милицейскую ищейку, насторожилась, но, мгновенно приняв решение, поднялась со стула, оперлась на костыль.

- Извините, Лёша, - сказала она Ёжикову, и, напустив на себя небрежный вид, неторопливо захромала из кафе навстречу представительнице закона.

Варвара Петровна заметила бесцеремонную журналистку и отвернулась, сделав вид, что не помнит ее.

Джекки усекла маневр противницы и притворилась, что тоже ее не видит. Она хромала в сторону милиционерши и как бы случайно наткнулась на нее. Тут Джекки принялась усиленно изображать, что нюхает воздух вокруг, и состроила радостную мину.

- Я узнала вас по запаху! - радушно воскликнула Джекки. - Вас, кажется, зовут... м-м... Варвара Петровна!.. Рада вас видеть...

Муромова немедленно включилась в игру. Она тоже пошмыгала носом и ликующе произнесла:

- И я вас тоже... опознала - по аромату. А я-то как счастлива встрече!

Обе всячески изображали радость, и ясно почему. Каждой хотелось выведать у соперницы что-нибудь новенькое об их общем клиенте.

- Приехали отдохнуть? - любезно осведомилась Джекки.

- Выбрала пару часиков, чтобы подышать кислородом!

- Советую искупаться. Здесь чудное дно, песчаное.

- Когда я на оперативной работе, то не имею права раздеваться! - строго ответствовала капитан.

- Обидно! - сочувственно вздохнула Джекки. - Многим мужчинам это доставило бы удовольствие.

- Лично я предпочитаю доставлять удовольствие одному мужчине, а именно - мужу, - парировала

Варвара Петровна. – А вы?

– Вы не поверите, но я еще ни одному мужчине не доставила удовольствия! – Джекки потупила глаза.

– Верю! У вас такое добродетельное лицо! – отвесила комплимент следователь.

Джекки хихикнула. Варвара Петровна тоже хохотнула. Потом засмеялись обе. Некоторое время женщины дружно хохотали.

– Поскольку мы разговариваем о мужчинах, скажите, вы ненароком не встречали здесь того самого, которым мы обе интересуемся? – сквозь смех спросила милиционерша.

– Ненароком? Нет! – все еще смеясь, соврала Джекки.

– Как странно, – с ехидством произнесла следователь. – Он звонил отсюда сыну, жене, министру здравоохранения. Вчера опять звонил в клинику.

– Значит, Каштанов здесь? – Джекки разыграла изумление. – Спасибо. Наконец-то вы мне помогли. Я вам так признательна. Пойду, обрадую оператора.

И Джекки быстро заковыляла к Владикку.

Варвара Петровна посмотрела ей вдогонку с презрением.

– Вот оторва!

А Джекки шептала Владикку:

– Беги на турбазу, снимешь, как эта стерва будет арестовывать Антона Михайловича!

Владик тотчас сорвался с места. Он бежал не очень-то быстро. Развить скорость мешала тяжелая видеокамера.

Джекки подскочила к своему автомобилю, открыла багажник, выгнула оттуда микрофон и кофр с запасными кассетами, затем, опираясь на костыль, потащила за Владиком. Вести машину на полтора ногах было практически невозможно.

Варвара Петровна, глядя на вяло бегущую парочку, вооруженную телевизионной аппаратурой, почувствовала неладное и задумалась. Думала она обстоятельно, потом ее озарило и она, забыв, что у нее есть автомобиль, помчалась за беглецами, не превосходя их в скорости, поскольку была уже в возрасте.

Вышколенный милицейский шофер немедленно развернул машину и поехал следом. Он мог запросто догнать начальницу, но команды догонять не было. А раз начальство бежит трусцой, значит, так надо.

«Погоня! Какой детективный сюжет обходится без нее!» Позволим себе процитировать свое же собственное сочинение, написанное тридцать пять лет назад.

По лесу с камерой в руках трюхал Владик. Было жарко, и он изрядно вспотел. Поотстав от оператора, опираясь на костыль, припрыгивала Джекки. Третьей, прячась за деревьями, стараясь остаться незамеченной, следовала милиционерша. А уже совсем сзади по лесной дороге тащился за Муромовой милицейский автомобиль.

Кавалькада проволочилась по деревне и выползла за околицу.

Потом погоня проползла мимо монастырских стен, мимо причала, к которому пришвартовывался кораблик...

Издали казалось, что шло соревнование под девизом «Кто бежит медленнее!»

Владик приблизился к берегу. Вагончик лодочника маячил на другой стороне залива. Надо было или обегать, или выбрать самый короткий путь – по прямой. Может быть, важную роль в выборе сыграла жаркая погода. Владик отправился вплавь. Он высоко поднял камеру левой рукой, а правой загребал воду.

Примеру Владика последовала пылкая Джекки. Деревянный костыль она использовала как поплавок и подставку для кофра с кассетами.

За телевизионщиками увязалась и милиционерша. Во время погони разум тоже порой убегает.

Шофер не мог бросить свою начальницу на произвол в водной пучине и направил милицейскую «Волгу» прямо в озеро. И машина, к удивлению немногих свидетелей этого невероятного зрелища, поплыла. Да, не зря работники органов внутренних дел изучали фильмы про Джеймса Бонда. Кое-чему они все-таки научились у этого любимого героя наших недрогов.

Первыми у вагончика финишировали телевизионщики. На деревянной лавке валялась спецодежда лодочника, а самого лодочника не было и в помине.

- Он смылся! - воскликнул Владик.

- Кто смылся? - слышался строгий голос с воды. Это подплывала Варвара Петровна.

- Лодочник, - спокойно ответила Джекки. - Мы хотели взять напрокат лодку, чтобы покататься.

- При чем тут лодочник? - напрягла мозговые извилины Варвара Петровна.

Со всех троих текло, одежда прилипла к телу, и вид, прямо скажем, был у троицы весьма жалкий.

- Потому что только он может выдать лодку! - в своем простодушии Владик был великолепен.

Терпение следователя истощилось:

- Не придуривайтесь! Где доктор Каштанов?

- Честное слово, не знаю! - искренне призналась Джекки, явно расстроенная тем, что случилось.

- Джекки, пойдем! - напомнил Владик. - А то ужин пропадет.

Милиционерша в гневе уселась в вылезшую из озера машину и резко хлопнула дверцей.

Во время ужина в столовой дома отдыха от столика к столику торжественно переходили трое в ослепительно белых халатах. Директор, представительный и симпатичный, наклонился к диетсестре и прошептал ей на ухо:

- Этот отдыхающий у нас уже гостит две недели. Его усатый сосед - дней десять. А вот тот, молодой, пухлый, который с приятной дамой, - эти приехали только вчера.

Под «пухлым» имелся в виду Владик, под «приятной» подразумевалась Джекки, а под халатом диетсестры скрывалось тело капитана милиции, которая надеялась обнаружить среди отдыхающих разыскиваемый Объект. Компания в белых халатах приблизилась к столику, за которым ужинала телевизионная бригада.

- Добрый вечер! - Директор был супервежлив. - Есть ли претензии?

- Есть! - Джекки в упор глядела на мента в белом халате. - Директора мы знаем, врача тоже, а вы, простите, кто будете?

- Я - диетсестра! - бодро рапортовала Варвара Петровна.

Джекки обрадовалась:

- Господин директор, гоните ее в шею! Она нас тут просто травит!

Комиссия остолбенела - все трое. То же самое произошло и с соседкой по столу. И Владик тоже замер с туго набитым ртом.

Через столовую в цивильном костюме шел Антон Михайлович. И вдруг заметил Джекки и Владика. В его планы не входило с ними пересекаться. Каштанов повернулся к ним спиной и дальнейшее передвижение совершал боком. Ему повезло - Джекки целиком была поглощена предстоящей битвой с конкуренткой, так что

доктор вполне мог не передвигаться боком, а идти нормально.

- В салате овощи плохо промыты. - Джекки начала атаку милым, мирным голосом. - На зубах скрипит песок. Макароны переварены и потому слиплись, соус к ним прокис, а компот кто-то уже пил до нас. Что же касается котлет, то они, уверена, из мяса английских бешеных коров.

Владик, который как раз держал котлету во рту, подавился.

- По-моему, вы преувеличиваете! - пролепетал директор, схватившись за сердце.

- О Господи, - выдохнула соседка по столу.

- Это клевета! - Псевдодиетсестра ринулась в ответный бой. - Я докажу! - Она вырвала у Джекки вилку, нацепила на нее котлету, разумеется, с тарелки Джекки и бесстрашно запихнула в рот.

- Котлета - объединение, - проговорила она, дожевывая мясо. - Попробуйте, Борис Иванович! - И отобрав у Джекки вторую котлету, сунула в рот директору. - И вы, доктор, тоже! - С этими словами самозванка отняла последнюю котлету у Владика и угостила ею врача.

Члены комиссии дружно жевали.

Котлетами хулиганка не ограничилась. Она выпила оба компота, что предназначались телевизионщикам, и цапнула пирожное.

- На пирожное мы не жаловались! - торопливо сказала Джекки, поняв, что проиграла сражение.

- Возьмите обратно, я его только надкусила! - Варвара Петровна милостиво возвратила жалобщице недоеденное пирожное.

- Мы учтем ваши замечания, - растерянно пробормотал директор, и комиссия степенно побрела дальше.

Соседка по столу укоризненно поглядела на Джекки:

- Зачем вы над ними куражились? Здесь замечательно кормят.

Джекки вынуждена была объяснить:

- Эта тетка - никакая не диетсестра.

- А кто она? - в испуге соседка перешла на шепот.

- Переодетый милиционер!

- А так похожа на женщину! - вздохнула соседка.

- Что ты наделала? Где мы теперь будем ужинать? -

В глазах Владика сквозила боль.

Джекки и на этот раз продемонстрировала находчивость:

- Мы, как и положено, свой ужин отдали врагу!

Глава седьмая

И снова на монастырской колокольне звонарь будил окрестности мелодичным перезвоном. Из-за горизонта навстречу новому дню вставало красное дружелюбное солнце.

После завтрака стало ясно, что погода будет отменная, по качеству не уступающая котлетам в столовой дома отдыха. Отдыхающие разбежались кто куда: одни направились на пляж, другие – в лес, за брусничкой и опятами, третьи, схватив удочки и спиннинги, попрыгали в лодки и отгребали в зарыбленные уголки, а любители спокойного, так называемого неактивного отдыха, расположились на открытой террасе, ступенями спускавшейся от корпуса к озеру. Здесь нежились в шезлонгах, играли в пинг-понг и в шахматы огромной величины, пили прохладительные напитки, а некоторые даже читали книги.

Джекки и Владик тоже расположились в креслах, но не предавались беззаботному бездумью, а продолжали свою кипучую деятельность. Владик протянул видеокамеру и предложил Джекки посмотреть в визир.

– Кое-что снял вчера поздно вечером, – сказал оператор. – Ухватил нашего подопечного.

Джекки увидела крошечное черно-белое изображение. Кадр напоминал сцену из унылого фильма про шпионов. Две фигуры в полумраке стояли на деревенской улице около дома. Один из мужчин был явно Каштанов, а рядом стоял какой-то мужик в брезентовом плаще и сапогах. Попробуем описать это далее, как говорится, по-киношному...

Мужчина что-то передал Каштанову, и тот спрятал это в карман. Они о чем-то переговаривались и часто озирались. На какое-то мгновение мужчина в плаще перекрыл Каштанова, и, кажется, в этот момент доктор тоже что-то вручил своему собеседнику.

- А чего так плохо видно? - слышался голос Джекки.

- Далеко было, да и поздно. К тому же дождь моросил, - объяснил голос Владика.

- Что они там делают? - спросил голос Джекки за кадром.

- Это я тебя хотел спросить. Думаю, делят доллары. - Фантазия Владика была нацеленной и конкретной.

- А что это за тип?

- А я почему знаю! - отвечал Владик.

Тем временем Каштанов и незнакомец похлопали друг друга по плечу, уселись в газик, стоявший у дома, и медленно поехали по деревенской улице.

- Покажи еще раз! - попросил голос Джекки.

- Сейчас перемотаю. - Владик взял камеру и начал отматывать пленку.

В это время около террасы шикарно тормознул экипаж. Он представлял собой обыкновенную деревенскую телегу. Лошадью управлял кучер лет двенадцати, может, тринадцати. С телеги с роскошным букетом хризантем на длинных стеблях прыгнул Антон Михайлович.

Джекки и Владик поначалу оцепенели от удивления, а затем Джекки восхищенно спросила:

- Где вы раздобыли это ландо?

- Проголосовал на шоссе! - небрежно бросил Каштанов и добавил: - Я всю ночь думал и решил, что извинюсь перед вами, но только при одном условии...

- При каком?

- Что вы уберетесь отсюда навсегда!

Тобольская оценила предложение положительно:

- Если б вы знали, дорогой профессор и академик, как вы-то мне осточертели! Принимаю ваше предложение с удовольствием.

- Тогда попрошу принять мои извинения, я был не прав, вы не доносчица!

У Владика были свои интересы:

- Как зовут лошадь, ее можно погладить?

- Графиня де Монсоро, - как о чем-то само собой разумеющемся ответил кучер. - Она сахар любит.

- А почему вы с букетом? - поинтересовалась у Каштанова Джекки.

Доктор торжественно заявил:

- Джекки, поздравляю с днем рождения!

Джекки обрадовалась, но характер взял свое:

- Антон Михайлович, вы случайно не перегрелись?

Доктору показалось, что он ослышался:

- Что это значит?

Владик популярно объяснил:

- Это народное выражение. Ну, вроде того: «Вы что, белены объелись?»

Антон Михайлович иронически покивал:

- Понял. Если я себя так веду, я действительно перегрелся и объелся белены.

- Когда человек объелся белены, у него изо рта идет пена, - сказал Владик. - А у вас пены нет.

- Я собирался преподнести эти цветы вам, но после вашего хамства подарю букет другой даме. - И обиженный Каштанов поднес хризантемы к морде лошади.

- Ваше сиятельство, графиня, пожалуйста откусать!

Графиня не побрезговала и с удовольствием слопала букет.

Джекки обозлилась сама на себя:

- Какой у меня несносный характер! Не сердитесь, Антон Михайлович, я понимаю, что вы принесли цветы с

самыми добрыми намерениями, но я... ну, не могу не укунить!

- Это я вижу, - улыбнулся Каштанов. - Но у вас еще не все потеряно. Я купил еще кое-что, лошадь этого не ест.

Доктор вынул из телеги целлофановый пакет.

- Здесь купальник, чтоб вам было в чем купаться, и махровое полотенце, чтобы было чем вытираться...

- Начали тратить награбленное? - иронически спросила Джекки, опять не справившись с собственным нравом.

- Да, я кучу, транжирю деньги, швыряю их на ветер, то есть на вас.

Владик, взирая на происходящее, задумчиво констатировал:

- У него уже не два миллиона, а меньше!

А «богач» в это время предстал перед Джекки уже с другим пакетом, больше прежнего.

- Здесь шампанское, виноград, крабовый салат, киви, ветчина, ананас, конфеты, шоколад и еще... а, да - сыр из Франции! Поехали кутить!

Тут встрял мальчишка-кучер:

- А моя лошадь шоколад любит!

- На то она и графиня! - Каштанов взял шоколад, содрал обертку, поделил плитку пополам, половину отдал пацану, а половину предложил кобыле. Опытным путем было подтверждено, что лошадь шоколад ест.

Джекки улыбнулась:

- Вы, похоже, за мной ухаживаете?

- Не обольщайтесь, я ухаживаю за лошадью!

- Спасибо большое за все! - от души произнесла Джекки.

Телега, куда набилась вся компания, резво ехала по лесной просеке.

Из кустов выполз милицейский автомобиль и замер. Варвара Петровна отдала водителю приказание:

- Мы едем за ними, едем бесшумно и незаметно, смотри не отставай!

Телега въехала в деревню, вежливо уступила дорогу стаду коров, затем продолжила движение и остановилась на околице, у самого крайнего, знакомого нам дома. Каштанов по-молодому соскочил на землю и шикарным жестом пригласил:

- Прошу в дом!

- Что за дом? - спросила Джекки.

- Я мог бы вам солгать, что это - дом моего товарища, - небрежно заявил доктор, - но от друзей у меня секретов нет - я его вчера купил!

Владик вылез с бестактным вопросом:

- Интересно бы знать - почему?

- Вообще-то это коммерческая тайна, - ёрничал доктор, - но для друзей... На удивление недорого - всего за сто тысяч баксов.

Джекки возмутилась:

- Зачем этот спектакль? Для чего вы на себя наговариваете?

- Но булочки я же стащил! Может, воровать - это мое истинное призвание!

- Булочки - это ваш потолок!

- Я пускаю пыль в глаза, просто распустил хвост, как павлин! - Каштанов отпер дверь дома и пропустил Джекки вперед.

- Передо мной?

- А тут больше не перед кем.

- Все-таки вы занятный тип, - улыбнулась Джекки.

- Вы тоже любопытная штучка! - не остался в долгу Антон Михайлович.

- Мне кажется, мы перешли к обмену любезностями.

- Мне тоже кажется, что мы действительно что-то перешли.

Как только все трое скрылись внутри строения, подъехала милицейская машина.

Варвара Петровна, опять в гражданской одежде, встала у калитки, оперлась о штакетник и принялась разглядывать дом.

А там внутри Антон Михайлович демонстрировал приобретенные хоромы.

А продемонстрировать было что. Вековой крестьянский дом с коровником, с конюшней, птичником был переделан под современное жилье. Но так, что весь прежний дух сохранился. Темные бревенчатые потолки, стены, сложенные из могучих бревен, лестники, переходы – все это дышало стариной. Казалось, души прежних, давно умерших владельцев не ушли отсюда, где-то прячутся, а по ночам ведут свою особую странную жизнь.

– Вот этой печке около ста лет, – с гордостью сказал Антон Михайлович.

Печь в центре огромной кухни напоминала по своей основательности капитальный памятник архитектуры, а вернее, она им и являлась. Все помещения внутри дома размещались на нескольких уровнях. Лестники, отдельные ступеньки, коридорчики вели в палаты, спальни, горницы, светелки. На всех стенах, где только было возможно, висели картины, рисунки, наброски, эскизы. Среди них было больше всего пейзажей Крушинского озера, но попадались и портреты крестьян, современные жанровые сельские сцены. Наконец Каштанов привел гостей в просторный зал с высоченным наклонным бревенчатым потолком, громадными окнами и базарным ковром с тремя китчевыми тиграми. В этом зале, увешанном полотнами, явно была мастерская живописца.

– Вы купили этот дом у художника? – спросила Джекки.

- Нет, он принадлежит, вернее, принадлежал директору Крушинского заповедника. Эти картины написал его сын, который трагически погиб три года назад.

- Поэтому он и продал?

- Может быть, - уклончиво ответил Антон Михайлович.

- А жена?

- Жена не выдержала смерти сына и вскоре тоже умерла. - Каштанов решительно сменил тему: - Пошли разгружать экипаж.

И все трое вышли через хозяйственную часть дома во двор.

Под навесом, аккуратно выстроенные в ряды, стояли около сорока пар обуви - шикарный натюрморт - старые тапочки, детские кеды, взрослые кроссовки, кирзовые и резиновые сапоги, башмаки, босоножки, дамские боты, пляжные тапки, чуни и огромные специальные галоши. Тут же лежала надувная резиновая лодка, был подвешен на стойке лодочный мотор, стояли в углу удочки.

- Хозяин не торопится выезжать, - заметила Джекки.

- У него дочь с мужем, невестка, внуки. Мы только вчера все оформили. Конечно, на эвакуацию понадобится время.

Внезапно Джекки схватила Антона Михайловича за руку:

- Видите, вон там, у калитки... эта тетка - следователь. Она ведет ваше дело и приехала за вами.

- Как же мне поступить?

- У вас имеется два выхода - или сдать властям, или бежать огородами. Мы снимем то, что вы выберете.

Владик взялся за камеру и взвалил ее на плечо.

- Я нашел третий выход, - сказал Каштанов, - положить голову в пасть тигрице!

- Разве здесь водятся хищники? - Владик задал вопрос совершенно серьезно.

Доктор двинулся к калитке. Джекки шла следом. Владик начал снимать.

На улице Антон Михайлович принялся вынимать из телеги пакеты и нагружать ими Джекки.

И тут раздался посторонний женский голос:

- Чей это очаровательный дом?

Выражение лица у следователя было умильным. Она подошла поближе, чтоб было удобнее пристально рассматривать Каштанова. Естественно, следователь убедилась, что это тот самый Объект, ради которого она сюда приперлась.

Объект беззаботно отозвался:

- Вам нравится?

- Очень.

- Мне это приятно слышать. Я его совсем недавно приобрел. Сегодня, - продолжал откровенничать Объект, - мы отмечаем день рождения моей невесты. Познакомьтесь, ее зовут Джекки.

При слове «невеста» Джекки вздрогнула.

- Мы уже знакомы! - мрачно изрекла Варвара Петровна.

- Извините, - ненатуральным голосом включилась Джекки, - без белого халата я вас не сразу узнала. Дорогой, это диетическая сестра из дома отдыха. Мы познакомились в столовой. Она нас с Владиком дивно накормила!

Антон Михайлович переводил недоуменный взгляд с одной женщины на другую.

- Вы меня вчера за это уже благодарили, - не без ехидства улыбнулась капитан Муромова.

Джекки метнула в сторону «жениха» нежный взгляд:

- Варвара Петровна, ваше присутствие вдохновило его: он тянул, тянул и наконец-то назвал меня невестой.

- Поздравляю вас! - приторно улыбнулась следователь.

Жених бросил на невесту ответный и тоже подчеркнуто нежный взгляд:

- Джекки, родная моя! Так пригласи диетическую сестру на наше торжество! - И обернулся к Варваре Петровне: - А почему вы ездите на милицейской машине?

Варваре Петровне нельзя было отказать в быстроте реакции:

- Видите ли, в нашем районе совсем нет преступности. Личный состав милиции болтается без дела. А они ведь на самоокупаемости. Вот дом отдыха и арендует машину вместе с водителем.

- Я счастлив, что приобрел дом в районе, где нет преступности! - воскликнул Каштанов.

- Теперь она есть, - недвусмысленно сказала милиционерша.

В доме вся компания расселась за праздничным столом. Каштанов разливал шампанское. Варвара Петровна отодвинула свой бокал:

- В доме подозреваемого я не пью!

- Минуточку, а в чем меня подозревает диетсестра? - развлекался подозреваемый. - Я еще никого не отравил.

- Диетсестра - это «крыша», - призналась Варвара Петровна. - На самом деле я следователь.

- А я академик, но это тоже крыша, - продолжал веселиться распоясавшийся доктор. - На самом деле я черт знает кто. Поднимаю бокал за именинницу, она-то, надеюсь, вне подозрений?

- Тогда я пригублю. - Варвара Петровна была не чужда логики.

- Джекки, - проникновенно начал Антон Михайлович, - я счастлив, что встретил вас, то есть

тебя! Ты удивительная, ты красивая, у тебя бесподобные ноги, я это заметил, когда на тебя наступила корова!

- Итак, за ту корову! - внесла уточнение Джекки.

- И за лошадь, - добавил Владик, - не говоря уже о тиграх!

Трое с чувством выпили, а Варвара Петровна пригубила.

- Закусывайте, гражданин следователь! - радушно угощал хозяин.

- В доме подозреваемого я не ем! - отрезала Варвара Петровна.

Владик включил магнитофон и пригласил Джекки на танец. Каштанов тотчас пригласил милиционершу и получил отпор:

- В доме подозреваемого я не танцую!

- Но танец, - подал идею подозреваемый, - удобная форма для допроса.

- Пожалуй, вы правы. - И Варвара Петровна положила руку на плечо кавалеру.

- Валяйте, допрашивайте! - предложил доктор, галантно ведя партнершу.

- А что мы танцуем? - задала первый вопрос следователь.

- По-моему, танго, - неуверенно ответил допрашиваемый. - Почему вы меня не арестовываете?

- Прокурор не дает санкцию на арест.

- Почему прокурор не дает санкцию на арест?

Получался «допрос наоборот». Спрашивал предполагаемый преступник, а отвечала следователь.

- Прокурор считает, что против вас нет прямых улик.

- А косвенные имеются?

- Косвенная улика одна. Но очень веская. Вы скрылись из Москвы в то же самое время, когда пропали

деньги. Поэтому мы вас «разрабатываем», но вы – лишь одна из версий.

Каштанов разозлился:

– Вы здесь дурака валяете, а деньги до сих пор не найдены! Остановилось строительство нового корпуса, а мест в клинике катастрофически не хватает.

– Тогда помогите нам! – взмолилась Варвара Петровна. – Кто, по-вашему, мог это сделать?

Но толкового ответа у Каштанова не было.

– Я голову сломал, но не могу понять кто.

Допрос проходил интимно, вполголоса. Варвара Петровна не желала, чтобы посторонние слышали, о чем идет разговор, и потому невольно прижималась к Антону Михайловичу.

Владик, танцуя с Джекки, грустно проговорил:

– Он сказал, что ты его невеста, и ты согласилась. Он же старый и некрасивый. И похож на козла.

– Ты все-таки болван, – дружелюбно вздохнула Джекки.

– Если бы я был болваном, то не мог бы работать на телевидении! – улыбнулся Владик.

– Практика доказывает обратное, – философски заметила его партнерша.

Через некоторое время, когда застолье уже подходило к финишу, Владик снял со стены гитару.

– Женя, спой. Я так люблю, когда ты поешь.

– Ты еще и поешь? – изумился доктор. – Не невеста, а какой-то кладезь талантов.

– Вы еще ни разу не слышали, как поет ваша невеста? – насторожилась Варвара Петровна.

– Не понимаю твоей иронии, родной, – с вызовом заявила суженая и стала перебирать струны.

– Просто я вспомнил старый анекдот, – не без ехидства начал рассказывать Антон Михайлович. – Ученик-первоклассник принес отцу дневник. Тот читает:

русский язык – двойка, арифметика – двойка, чтение – двойка, пение – пятерка. «Да... – вздохнул отец. – Он еще и поет»...

– Меня твои бородатые шутки не остановят, – зло улыбаясь, сказала Джекки.

– Я в восторге от ваших отношений! – воскликнула Муромова.

Джекки начала петь. Владик слушал и млея от удовольствия. Поддался очарованию мелодии и Антон Михайлович. Даже Варвара Петровна на какое-то время забыла о служебном долге. Джекки пела и иногда с загадочной усмешкой поглядывала на Каштанова.

Поскольку один из сочинителей нашей повести подвержен поэтическим мукам, авторы решили в поисках стихотворения далеко не ходить.

Мчатся годы-непогоды
над моею головой...
Словно не была я сроду
кучерявой, молодой.

Едут дроги-недотроги,
от тебя увозят вдаль,
а покрытие у дороги —
горе, слезы и печаль.

Эти губы-душегубы
невозможно позабыть.
Посоветуйте мне, люди,
что мне делать, как мне быть.

Словно пушки на опушке
учиняют мне расстрел.
Мокрая от слез подушка,
сиротливая постель.

Мои руки от разлуки
упадают, точно плеть.
От проклятой этой муки
можно запросто сгореть.

Мчатся годы-непогоды
над моею головой,
словно не была я сроду
кучерявой, молодой.

Ночь нависла над деревней, которая вот уже триста лет носила романтическое название Тихие Омуты. В избах один за другим гасли огоньки в окнах.

Джекки мыла посуду. Как ни странно, делала она это умело. Варвара Петровна решила помочь невесте. Впрочем, это было только поводом.

- У вас роман с правонарушителем! - вытирая тарелки кухонным полотенцем, без обиняков заявила милиционерша.

- Любить можно кого угодно! - дала отпор посудомойка. - А мой уголовник - симпатяга.

- Ну, а как он... в этом самом? - намекнула Варвара Петровна интимным тоном.

- В этом самом? - переспросила Джекки. - Варя, не задавайте нескромных вопросов. По секрету скажу - великолепен!

- И это все при живой жене! - сокрушенно вздохнула блюстительница нравов.

- У преступников своя мораль! - пояснила Джекки.

Варвара Петровна собралась уходить.

- Антон Михайлович, извините, это формальность, но прежде чем уйти я обязана взять подписку о невыезде.

- О невыезде откуда?

- Отовсюду.
- Пожалуйста.

Каштанов присел за стол, быстро написал, а затем прочел вслух:

«Обязуюсь не выезжать ниоткуда. Академик, профессор, директор Хирургического центра, президент благотворительного фонда имени академика Каштанова. Подпись - Каштанов. Тихие Омуты. 15 сентября 1999 года». Годится?

- Нормально. - Варвара Петровна взяла документ, сложила, спрятала в сумочку и направилась к выходу.

- Куда вы на ночь глядя? - Хозяин был гостеприимен. - Оставайтесь ночевать. Дом просторный.

- В доме подозреваемого я не сплю! - с улыбкой сказала следователь. - И вообще не сплю на работе!

Но Каштанов резонно возразил:

- Я же дал подписку о невыезде!

Уже рассветало... Как и триста лет назад, по главной и единственной деревенской улице пастух лениво гнал стадо кров... Моросил мелкий дождь.

В доме Каштанов на цыпочках подкрался к комнате, где спала Джекки, осторожно приоткрыл дверь, заглянул и убедился, что гостя все еще видит сны. В соседней комнате мирно посапывал Владик. А в гостиной, на диване, укутавшись пледом, почивала Варвара Петровна. Там же, в гостиной, Антон Михайлович положил на столик записку: «Вернусь вечером. Каштанов».

Потом точно так же, крадучись, он выбрался на улицу. Дождь продолжал поливать. Звенели монастырские колокола. Каштанов стоял на причале под зонтиком. К пирсу подходил катер. Антон

Михайлович уже собрался вскочить на борт, как его остановил знакомый голос.

- Доброе утро. Хотели от меня удрать? В первую брачную ночь? Ай-ай!

Антон Михайлович ответил сухо:

- Я в восторге, что мне это не удалось!

- Что-то я восторга не наблюдаю, - заметила Джекки, становясь под каштановский зонтик.

- Какой к черту восторг, когда из-за вас я упустил катер.

- Воспользуйтесь моей машиной, доберетесь без пересадок и скорее. Только вести придется самому, у меня нога еще побаливает.

Ржавый «жигуленок» мчался по шоссе. Джекки сидела рядом с водителем, в роли которого выступал Каштанов. Дворники усердно очищали ветровое стекло.

- Куда мы сейчас драпаем? - полюбопытствовала Джекки и принялась наводить утренний марафет. Как у всякой молодой современной женщины, приспособления для улучшения красоты всегда находились при ней.

- Не люблю, когда красятся! - как бы невзначай проронил водитель.

- Вы старомодны, Антон Михайлович.

- Лично я предпочитаю все натуральное, - гнул свое Каштанов.

- Это время ушло. Сейчас все химия, уважаемый академик... Скажите, а почему вы носите бороду? У вас что - безвольный подбородок? Или хотите походить на Чехова?

- Вы, как всегда, проницательны, особенно насчет подбородка... - Каштанов помолчал и добавил: - А вообще-то мой учитель, хирург от Бога, носил усы и бородку. Сначала я ему подражал. А потом привык...

- А вы не пробовали сбрить эту растительность?

- А зачем? – пожал плечами доктор.

Они приближались к Москве.

- Я про вас мало что знаю, – сказала пассажирка, – пора бы уже познакомиться!

- У меня в жизни ничего особенного не было. Кроме первой жены. А так – районная поликлиника, потом больница, резал налево и направо. Потом мой институтский учитель, который с бородой, взял к себе. И пошло-поехало. Не успел оглянуться – уже академик. Жаль, жена этого не дождалась.

- Как ее звали?

- У нее было замечательное имя – Надя.

- Мне это имя тоже нравится, – мягко улыбнулась Джекки и задумчиво произнесла: – Талант любить – это редкий талант, это как сочинять музыку.

В Москве автомобиль припарковался возле почтенного, в смысле возраста, здания с колоннами – Хирургического центра.

- Добрый день, Ваня, – сказал Каштанов, входя в собственный кабинет.

Иван Павлович порывисто вскочил с места:

- Спасибо, Антон Михайлович, что вы сразу же откликнулись на мою просьбу и приехали!

- Познакомьтесь, Джекки, это Иван Павлович Минаев, будущий руководитель нашего центра, это Джекки, она с телевидения.

Джекки с восхищением рассматривала кабинет. Здесь было чем восхититься. В стены было вмонтировано не менее двадцати мониторов. На каждом из них транслировались различные хирургические операции из разных операционных.

Каштанов спросил, разглядывая операции на мониторах:

- Как обстоят дела в клинике?

Иван Павлович развел руками:

- Самое удивительное, Антон Михайлович, все идет нормально и не было ни одного ЧП. Подпишите эти письма.

- Кроме того, что фонд грабанули! - съязвила Джекки.

- Я рад, что без меня дела идут лучше, нежели при мне... - И Антон Михайлович грустно улыбнулся. - Министр приказа еще не подписал?

- Пока нет, - покачал головой Минаев.

- По фонду есть какие-нибудь новости? - осведомился шеф, визируя документы.

- Экспертиза установила, что подписи на денежных документах, ваша и главного бухгалтера, подделаны.

- А кто подделал? - живо поинтересовалась Джекки.

- Боюсь, что этого мы никогда не узнаем, - вздохнул Иван Павлович, - зато наша желтая пресса никак не успокаивается! - И он протянул шефу газету. Каштанов и Джекки впились глазами в текст, а Иван Павлович запальчиво продолжал:

- Сейчас все дозволено - лгать, клеветать. Эти распоясавшиеся негодяи посмели облить грязью гордость нашей медицины, если хотите, совесть нации!

- Джекки, не верьте ему! - прервал монолог доктор. - Он преувеличивает. Если можно подделать подпись совести нации, какая она, к черту, совесть, не говоря уже о нации!

Иван Павлович взглянул на часы.

- Половина первого. Антон Михайлович, пошли!

- Джекки, - сказал Каштанов, - извините, я должен отлучиться по делу. Постарайтесь без меня не скучать. Подкрепитесь, берите из холодильника все, что пожелаете.

И хирурги удалились. Джекки подошла к телефону и стала звонить.

В Тихих Омутах, в доме Каштанова, трубку взял Владик и услышал:

- Как ты там поживаешь?

- Утешаю Варвару Петровну, которая переживает, что проспала Антона Михайловича. Я тоже проспал.

Варвара Петровна, поняв, с кем разговаривает Владик, требовательно протянула руку. Владик безропотно отдал телефонную трубку.

- Джекки, рада вас слышать!

- Привет, Варя! - в унисон отозвалась Джекки.

- Где ваш любовник? Он оставил записку, что вернется вечером, а сам сбежал.

- Во-первых, не любовник, а жених. А во-вторых, раз так написал, значит вернется.

- Куда вы с ним исчезли?

- У нас роман, и про это я не обязана отчитываться.

- И где же вы сейчас развлекаетесь? - сгорала от любопытства Муромова.

- Где хотим, там и развлекаемся.

- И как вы это делаете?

- Варя, неужели вы не знаете, как развлекаются мужчины и женщины? Мне вас жаль.

С улицы дом Каштанова отпирал ключом мужчина в брезентовом плаще и в сапогах. На поводке он держал здорового ротвейлера. Войдя, оба очутились в гостиной, где незваные гости мирно распивали чай.

- Кто вы такие? Как вы сюда попали? - спросил вошедший.

Собаке присутствие в доме посторонних крайне не понравилось, и она зарычала.

Варвара Петровна, удобно развалившись в кресле, воззрилась на незнакомца:

- Мы гости Каштанова.

- Понятно. А где он сам?

- Вернется к вечеру.

Ротвейлер приблизился вплотную к Варваре Петровне и злобно залаял ей в лицо.

- Молчать! - приказала собаке следователь.

Незнакомец встревожился:

- Не повышайте на кобеля голос. Кобель этого не выносит. И немедленно встаньте с кресла!

- Это еще почему? - храбро возразила следователь.

- Это его кресло, он в нем вырос и разрешает сидеть в нем только мне.

Пес неистово лаял и явно был готов растерзать капитана милиции, так что хозяину пришлось схватить своего питомца за ошейник. Кобель открыто игнорировал чины и должность Варвары Петровны.

Владик трусил и не скрывал этого:

- Варвара Петровна, пошли отсюда, а то он может перепутать и вместо вас покусать меня.

- Уберите вашу скотину! - потребовала от незнакомца следователь.

- Вам не стыдно? - обиделся владелец собаки.

Однако Варвара Петровна не зря получала зарплату в милиции. Она схватила со стола тарелку с печеньем и сунула псу под нос. Тот сразу забыл про служебные обязанности, дернул башкой, вырываясь из рук владельца, и жадно набросился на лакомство.

Варвара Петровна с достоинством поднялась с кресла и неторопливо направилась к выходу. В дверях она произнесла:

- Какая продажная собака!

В кабинете Каштанова Джекки от нечего делать стала наблюдать за мониторами, показывающими операции из разных операционных. Внезапно ее внимание привлек монитор с большим экраном, на котором возникла фигура хирурга, чем-то напоминавшая Антона Михайловича. Джекки подошла к монитору вплотную. Лица хирурга не было видно,

сверху на лоб была надвинута шапочка, а нижнюю часть лица плотно прикрывала марлевая маска. Выделялись только глаза. Знакомые глаза. Джекки поняла, что Каштанов специально приехал в клинику провести операцию, которая требовала именно его рук. Как зачарованная, она не отрывала взгляда от монитора. Смотрела, как легко и уверенно двигались руки хирурга, иногда отводила глаза, так как видеть кровь было тяжело. На лбу Антона Михайловича выступили капли пота. Каштанов командовал помощниками, среди которых Джекки скорее угадала, нежели узнала Ваню. Операция длилась долго, Джекки не могла понять, сколько именно. Но все это время она не сводила глаз с Антона Михайловича. Он казался ей богом. Может быть, сейчас она впервые почувствовала, что этот человек ей дорог...

Наконец Каштанов в сопровождении Вани вернулся в кабинет, опустил в кресло и прикрыл веки, не сказав Джекки ни слова. А Ваня обратился к ней вполголоса:

- Вы не представляете, какое чудо совершил Антон Михайлович!

- Ваня, организуй кофе! - не поворачивая головы, попросил Каштанов.

На улице Иван Павлович галантно помог даме сесть в машину. Антон Михайлович уселся за руль.

Иван Павлович обошел автомобиль спереди и, стрельнув глазами в сторону Джекки, наклонился к окошку водителя:

- Учитель, теперь я понимаю, почему вы скрываетесь!

- Кстати, Ваня, отдай мне сотовый телефон!

- Да, конечно, как я сам не сообразил. - Ваня достал из кармана телефон и передал Каштанову.

- Больной будет жить? - тихо спросила Джекки.

- Не надо об этом, я суеверный.
Машина рванула с места...

В собственной квартире Антон Михайлович, пользуясь отсутствием жены, укладывал в чемодан носильные вещи. В квартире продолжался евроремонт. Раздался телефонный звонок. Каштанов рванулся было к аппарату, но остановился. Один из мастеров снял трубку и сказал:

- Вы вовремя позвонили, Полина Сергеевна. Вы уже решили, как выкладывать кафель - вертикально или горизонтально?

Полина Сергеевна говорила из своего офиса:

- Полагаю, вертикально. Кафеля хватит?

- С избытком, - ответил работяга, прикрыл трубку рукой и взглянул на Каштанова: - С хозяйкой будете разговаривать?

Антон Михайлович протянул руку к телефону:

- Здравствуй, Поля! Как ты себя чувствуешь?

- Ты вернулся? - вскинулась жена.

- Еще нет.

- А чего прибыл?

- Так... - помялся муж, - взять кое-что необходимое.

- Я сейчас же приеду, дождись меня! - распорядилась Полина Сергеевна.

- Не получится. Я дал подписку о невыезде, а сам сбежал. Должен вернуться назад.

- Может, все-таки скажешь, где ты обретаешься?

Антон Михайлович секунду помедлил:

- Скажу. У Саши, в Тихих Омутах.

Когда он, таща чемодан, подошел к машине, Джекки сидела на шоферском месте. В ответ на вопросительный взгляд сказала:

- Антон Михайлович, давайте я поведу машину. Вы ведь устали после операции. Знаете, я наблюдала за вами по экрану монитора.

- А ваша нога?
- Уже не болит.
- А как вы на экране определили, что это был я? Я же был в шапочке и маске.
- Узнала ваши глаза.

* * *

Каштанов ждал Джекки в машине и говорил по сотовому телефону:

- Какое давление?.. Пульс?.. Дыхание?.. Через час позвоню...

Наконец из дома на противоположной стороне улицы вышли три женщины: средних лет, молодая и совсем еще маленькая. Каштанов с улыбкой смотрел, как они прощались. Джекки переоделась, сейчас на ней было прелестное платье и модный пиджак, в руках – большая хозяйственная сумка. Распрощавшись, Джекки перебежала через дорогу. Дочка махала ей вслед.

Джекки шла, чувствуя, что ею любуются, и от этого походка ее была легкой и свободной.

Вскоре старые «Жигули» катили по шоссе. Джекки сидела за рулем, а доктор Каштанов спал на переднем сиденье, уронив голову на ее плечо. Джекки старалась не шевелить плечом, которое приятно заменяло Антону Михайловичу подушку.

Потом они расположились возле шоссе, за одним из тех деревянных столов с дощатыми скамейками, которые заботливые дорожники соорудили для шоферов, чтоб было где выпить и закусить. Неподалеку от шоссе, вросшие колесами в землю, стояли три пассажирских вагона. Стояли они, как бы образуя громадную букву «П». Стекла в окнах были давно выбиты, и по вагонам разгуливал ветер. На крышах

росла трава, кусты, а вокруг торчали огромные лопухи и колючие репейники.

- Интересно, как эти вагоны сюда попали? - недоумевал Каштанов. - Здесь же нет рельсов и в помине.

- В нашей стране много загадочного, - рассудительно высказалась Джекки. - Эти вагоны, наверное, использовались здесь как жилье для рабочих.

Рассуждая, она между тем доставала из сумки термос и всяческую снедь, которую прихватила из дому.

- Вы не против, если я буду называть вас Женя?

Разговаривали они как будто обычно, буднично и спокойно, но это только казалось. На самом деле их была внутренняя дрожь. Оба были как бы заряжены электричеством.

- Почему? - наливая кофе, спросила Джекки.

- Потому что все остальные зовут вас Джекки.

- Логично. Я не против, - согласилась она, - но можно тогда я буду называть вас не Антон Михайлович, а совесть нации?

- Когда мы наедине, разрешаю! - милостиво позволила «совесть нации».

Наступила пауза, но, как говорится, она была выразительней всяких слов. Женя и «совесть нации» буквально пожирали друг друга глазами. Потом Тобольская сказала:

- Приятного аппетита!

И они принялись пожирать еду. На некоторое время наступило молчание. Потом Каштанов опять звонил в клинику:

- Все в норме?.. Что?.. Даже заговорил?.. Что сказал?.. - Тут Каштанов хохотнул и, пряча аппарат, сообщил Джекки: - Больной попросил ветчины!

Еще раз возникла напряженная, опасная пауза. И вдруг грянул дождь, внезапный и сильный. Самым ближним укрытием оказались вагоны. Джекки накрыла

еду салфеткой, и они помчались спасаться от ливня. В вагоне было полутемно. Дождь громко стучал по крыше, а в открытые в потолке люки поливал как из ведра. Под одним из люков внутри вагона росла елка.

Джекки предалась воспоминаниям:

- Я ведь выросла в вагоне. Он стоял около станции, в тупике. На окнах у нас висели занавески... Сейчас я словно в детство вернулась... У нас на семью было два купе, это считалось здорово. Мама работала диспетчером на сортировочной, и я засыпала под ее голос из динамика: «Вагон из Котласа - на седьмой путь».

- Есть такое выражение «барачное детство», - вставил Каштанов. Он слушал ее рассказ, но думал о том, как его тянет к ней. Он уже подзабыл, что такое бывает. Джекки это чувствовала, она сама испытывала неодолимую тягу к Антону Михайловичу.

- У меня было вагонное детство. В двадцати метрах от нас была каптерка электриков. Туда мы бегали в туалет и за водой.

- А отец?

Они перешли в другой вагон и спугнули стайку птиц.

- Отец был помощником машиниста. Сильно пил и замерз поблизости от нашего жилья между двумя цистернами... А чтобы добраться до школы, мне надо было пересечь двадцать шесть железнодорожных путей.

- Под поездами, под вагонами? - спросил Каштанов.

- По-всякому - и под, и через. Мама мне повторяла - если не хочешь жить вот так, в вагоне, ты должна всегда быть первой!

- Отличницей? - Каштанов был как натянутая струна.

- В школе золотая медаль, на факультете журналистики тоже была первой.

- Вы и сейчас первая! - любясь женщиной, сказал Каштанов.

- Поцелуйте меня, пожалуйста, - вдруг выпалила Джекки.

Воцарилась неловкость. Наконец Каштанов решился и обнял Джекки. Она обхватила его за шею.

Тем временем дождь кончился так же внезапно, как и начался. После поцелуя Каштанов сказал:

- Какой это был замечательный дождь!

- И, главное, вовремя! - добавила Джекки...

Тем временем в город Крушин въезжала старенькая иномарка Никиты Каштанова, который не только сам ехал к отцу, но и вдобавок вез к нему свою мачеху, то есть Полюшко-Поле. Поперек шоссе висел плакат «Крушину - 500 лет».

Глава восьмая

Жигуленок Джекки подъезжал к Тихим Омутам.

Над Крушинским озером вновь парил разноцветный парашют, влекомый катером. Джекки остановила машину, они с Каштановым, как по команде, выбрались из нее, задрали головы и увидели, что на парашюте с камерой в руках висит Владик.

- Здесь обалденно! - завопил он сверху.

- Лично я ему завидую! - признался Антон Михайлович. - Ощущение, должно быть, потрясающее.

- Я тоже мечтаю так полетать! - отозвалась Джекки.

- А что нам мешает осуществить мечту? - молодецки воскликнул доктор.

Джекки обрадовалась:

- Решено, полетим!

- Обязательно! - поддержал Антон Михайлович и тихо добавил: - Только вдруг упадем в воду? Я не умею плавать!..

- Будете держаться за меня! - ободрила Джекки.

Каштанов немедленно ее обнял.

Она изумилась:

- Что вы делаете?

- Уже держусь за тебя!

- Но мы же еще не в воде! - попробовала сопротивляться женщина.

Естественно, последовал долгий поцелуй, который прервал зычный голос с небес:

- Джекки, мне это не нравится, что ты делаешь?

Джекки неохотно оторвалась от Антона Михайловича.

- А ты разве не видишь?

- Учти, я это снимаю! - орал парашютист.

- Снимайте обязательно! - крикнул в ответ Каштанов и прежде чем вновь прильнуть к Джекки пробормотал:

- С ума сойти!

Сверху доносилось:

- Джекки, немедленно прекрати. Я возмущен!

На пристани дома отдыха Владик уже избавился от строп парашюта, когда к нему подошла Джекки.

- Поехали в Москву! - сердито потребовал Владик.

- У меня болит нога, я еще не могу водить машину!

- Этого старого хрыча ты могла везти, а меня нет?

- Владик, не закатывай сцену ревности.

- Я хочу домой!

- Поедешь завтра! Сегодня вечером мы еще сделаем репортаж о празднике в городе. Не возвращаться же на студию с пустыми руками.

Оператор вспылел:

- Какие пустые руки! Я наснимал такое количество компромата про твоего бойфренда. Мало того что он стырил два миллиона, он ворует в кафе, спекулирует часами, с женщиной дерется, то есть с тобой, жене изменяет. Я же снял, как вы целуетесь среди бела дня! Это будет классный фильм для сериала «Жизнь замечательных людей».

- Уйди в тень, шантажист!

- Не уйду! - уперся Владик. - Я вообще люблю солнце!

В эти же минуты Каштанов расспрашивал капитана катера:

- Сколько стоит полет на вашем парашюте?

- Тысяча рублей за рейс. Это двадцать минут.

- А вдвоем полететь можно?

- Запрещено инструкцией!

К «самовару» подкатил потрепанный «опель», за рулем которого сидел Никита. На заднем сиденье расположилась Полина Сергеевна. Она отчетливо увидела, как неподалеку, на пристани, Антон Михайлович догнал молодую красивую женщину, обнял ее за плечи и что-то сказал. Что именно, Полина Сергеевна не слышала, но того, что видела, было для нее и без слов более чем достаточно.

А говорил доктор вот что:

- Я договорился с капитаном. Мы с тобой полетим на парашюте.

Джекки покачала головой:

- А не кажется ли вам, Антон Михайлович, что для нас обоих самое лучшее - это разбежаться в разные стороны?

Каштанов крепче сжал ее плечи.

- Я тебя прошу, очень прошу остаться! - И напрямую спросил: - Ты боишься меня?

- Да, боюсь, - так же напрямую сказала Джекки. - Но не вас, а себя...

Антон Михайлович понизил голос:

- А я хотел... собирался объяснить тебе в любви.

- А вы еще не объяснились?

- Это было лишь предисловие...

Полина Сергеевна и Никита наблюдали за этой сценой.

- Должен сказать, у вашего мужа недурной вкус, - с усмешкой оценил ситуацию Никита.

- Я эту сучку помню, - процедила сквозь зубы Полина Сергеевна. - Имела наглость явиться ко мне под видом репортера. Бесстыжая.

- Все наше поколение бесстыжее, - примиряюще сказал Никита.

Антон Михайлович так и не заметил визита семьи, он был слишком увлечен.

- Значит, полет на парашюте стоит тысячу, а если лететь вдвоем, то как минимум три тысячи, если не дороже!

- Что за странная арифметика? - удивилась Джекки. Каштанов коротко объяснил:

- Потому что полеты вдвоем категорически запрещены!

Джекки продолжала сопротивляться, но, по правде говоря, слабо:

- Я ведь еще не согласилась лететь вместе с вами!..

И тут Антон Михайлович выложил главный козырь:

- Но ты ведь хочешь узнать, откуда я беру деньги?

Расчет оказался верным:

- Конечно хочу!

- Тогда подожди меня. Я быстро, только переоденусь. - Каштанов вынул из машины Джекки свой чемодан и потащил его мимо «самовара» в «чашку» - кабину для переодевания, установленную на пляже.

Тем временем в машине Полина Сергеевна приказала:

- Никита, отвези меня домой! Я не желаю этого видеть.

- С превеликим бы удовольствием, но я обещал отцу его проведать.

- Гнилое яблоко от гнилой яблони недалеко падает! - И мачеха вышла из машины, саданув дверцей.

Когда Антон Михайлович вышел из пляжной кабины и предстал перед Джекки облаченным в смокинг, та откровенно восхитилась:

- Откуда у вас здесь смокинг?

- По ошибке запихнул в чемодан вместо костюма.

- Вы просто щеголь.

- Я рад, что ты наконец это заметила, - нежно произнес доктор.

- Куда мы собрались? - поинтересовалась Джекки.

- Грабить богачей!

Влюбленные шли мимо террасы дома отдыха, куда Каштанов приезжал на телеге. Сейчас здесь стояло несколько автобусов. Мужчина объявлял в мегафон:

- Желающие совершить экскурсию на празднование пятисотлетия города Крушина, садитесь в автобусы. Отправление через двадцать минут.

Нарядная толпа собиралась у автобусов.

Антон Михайлович на ходу говорил по сотовому аппарату:

- Кардиограмма?.. Вернулась в исходную?.. Пусть спит...

Джекки спросила:

- Что значит «в исходную»?

- Это значит, что кардиограмма стала такой же, как до операции, это важно.

В эти минуты рядом с парочкой возникла Полина Сергеевна:

- Добрый день, Каштан! Я приехала за тобой! - Джекки она подчеркнуто не замечала.

Каштанов замялся, затравленно переводя взгляд с одной женщины на другую.

- Я не могу уехать! Я дал подписку о невыезде!

Эти слова услышала подошедшая Варвара Петровна:

- Уехать домой я вам разрешаю!

- Вот видишь, дорогой, все складывается удачно. Я лучше тебя знаю, что тебе надо.

- Да... но я... я как бы не хочу...

- А... - издевалась жена. - У тебя ведь не легкий курортный романчик, а глубокое чувство.

- Глубокое чувство так скоропалительно не возникает! - Владик тоже не замедлил появиться.

- Поля, - доктору было тошно, - умоляю, не надо выяснять отношения, уезжай!

- Вы-то почему молчите? - поддела жена соперницу. Джекки ничего не ответила.

Вмешался Никита, который стоял в стороне, но все видел и, соответственно, все слышал. Он понял, что отец нуждается в подмоге:

- Приглашаю поужинать всех! Я угощаю!

Но на приглашение никто не отозвался. Каштанов глазами поздоровался с сыном.

- Антон Михайлович, - мягко проговорила добродетельная Варвара Петровна, - эта интрижка все равно скоро кончится.

- Почему? - притворно возразила Полина Сергеевна. - Новой жене понравится варить ему по утрам овсяную кашу, покупать обезжиренный творог, следить, чтобы он не забыл принять лекарство против склероза, а спустя несколько лет, пардон, выносить за ним горшки...

Антон Михайлович и Джекки молчали.

Варвара Петровна приняла эстафету:

- Антон Михайлович, она моложе вас на много лет и, уверяю вас, есть исторический опыт, скоро-скоро она начнет вам изменять.

- Джекки, прошу тебя, - жалобно проканючил Владик, - изменяй со мной!

- Леди, я люблюсь вами обеими, - сказал Никита, - какие вы добросердечные, душевные!

А Полина Сергеевна добивала конкурентку:

- Если же вы рассчитываете на наследство, то промахнулись. Квартира принадлежит мне, дача его сыну - вот этой балаболке. И валютного счета у него нет. Он - голь перекатная!

Джекки и Антон Михайлович по-прежнему не произносили ни слова.

- Вношу уточнение, - серьезно проговорил Никита. - Дача принадлежала, принадлежит и будет принадлежать отцу!

- Кстати, - продолжала Полюшко-Поле, - он, ты еще этого, Каштан, не знаешь, - он уже и не директор Хирургического центра. Министр подписал приказ. Думаю, история с двумя миллионами ускорила решение о его снятии с должности. Так что он теперь... просто докторишка.

Джекки и «докторишка» будто онемели.

- Так ты едешь со мной или нет? - поставила вопрос ребром Полина Сергеевна, в упор глядя на мужа.

Вместо ответа Каштанов взял Джекки за руку и повел прочь.

- Никита, доставь меня, пожалуйста, на станцию! - попросила Полина Сергеевна.

- Дорогая мачеха! После того что вы тут устроили, идите пешком! - холодно отказал пасынок. - Тут рукой подать - всего двенадцать километров! - И Никита тоже удалился.

Полину Сергеевну выручила Муромова:

- Меня срочно отзывают в Москву. Я вас заберу с собой.

- Спасибо. Кстати, скажите - Каштанову что-нибудь грозит по вашей линии?

- Кажется, ничего. А вот та особа - угроза серьезная! Хищница! - И Варвара Петровна поглядела вслед удаляющейся парочке.

Две дамы направились к милицейскому автомобилю. Владик остался один и принял решение, популярное в нашем народе:

- Пойду напьюсь!

В бильярдной собралась вся веселая компания – охранник и гарем Ёжикова. Супермен демонстрировал им свое меткое искусство.

В дверях возникли Каштанов и Джекки.

– Господин Ёжиков, у меня мечта сыграть с вами, с таким маэстро...

Ёжиков вперился взглядом в джентльмена:

– Михалыч, ты ли это?

Доктор был строг:

– Господин Ёжиков, как вы видите, я с дамой, извольте соблюдать этикет!

Ёжиков спрятал улыбку:

– Извините, Михалыч!

– Вы хотели сказать – Антон Михайлович! – поправил Каштанов.

– Да, да, конечно, Антон Михайлович! – Ёжиков бросил взгляд на Джекки. – Должен заметить, дорогой Антон Михайлович, что для лодочника у вас изысканный вкус. Еще я должен заметить, что не играю даром!

– Я тоже! – с холодной любезностью ответил франт в смокинге.

Великая баталия гремела в бильярдной. Антон Михайлович произносил команды, мало понятные рядовым читателям и непросвещенным зрителям, но, очевидно, понятные пронумерованным костяным шарам, ибо те выполняли команды беспрекословно.

– Четырнадцатого от двух бортов в середину!

– Туза дуплетом в угол!..

– Оборачиваю к себе в среднюю!..

Одни шары с клопшоссом, то есть с треском, влетали в угловые лузы, другие – нежно и неторопливо падали в средние. Шары катились по зеленому сукну, огибая препятствия и опровергая законы геометрии.

Джекки смотрела на Антона Михайловича восторженными, зачарованными глазами.

В разгар битвы в бильярдной объявился Никита и направился к Джекки.

- Молодец старик! - от души высказался сын, оценив игру родителя.

- Он не старик! - тотчас парировала Джекки.

- Bravo, Джекки! Но я, между прочим, играю посильнее отца, у меня глаз меткий, удар крепкий! А всем своим бильярдным штучкам и фокусам он меня обучил.

- Вы хвастун! - сказала Джекки.

- Есть немножко, - признал Никита.

Каштанов, обходя вокруг стола, ласково потрепал сына по загривку.

- Вам не надоело смотреть, как папочка раздевает этого купца? В студенческие годы будущий академик бильярдом деньги заколачивал и, говорят, неплохо существовал. Пойдемте в бар, дернем! - пригласил Никита.

Джекки мягко отклонила предложение:

- Отвяжитесь, Никита, пожалуйста!

- Жаль. Вы могли бы стать для меня очередной вечной любовью! - с иронией воскликнул Никита.

Тем временем игра закончилась. Сияющая Джекки зааплодировала и подбежала к победителю с поздравлениями.

Ёжиков продемонстрировал умение проигрывать. Он дал знак охраннику, тот поднес кейс. Ёжиков открыл его и вынул зеленоватые банкноты, которых в чемоданчике еще было немало. Затем положил две на сукно:

- Здесь сто пятьдесят долларов, которые я продул.

- Это ровно столько, сколько нам надо на полет! - шепнул победитель своей даме и церемонно поцеловал ей руку.

- Доктор, какой вы несовременный, - нежно сказала Джекки.

- Я исправлюсь! - пообещал Каштанов.
- Ни в коем случае! Не исправляйтесь, пожалуйста.
- Но, - продолжал Ёжиков, - за такую фантастическую игру вам, Антон Михайлович, полагается премия. Я добавляю еще сто баксов!

Гарем Ёжикова бурно восхитился щедростью хана. Каштанов спокойно взял выигрыш и спрятал в карман смокинга. Купюру в сто баксов он тоже взял.

- Господин Ёжиков, - добродушно попросил Антон Михайлович, - не будете ли вы столь любезны подать моей даме пиджак?

Поскольку в бильярдной было душно, пиджачок Джекки висел на спинке стула.

- С удовольствием! - Ёжиков подошел, снял со стула пиджак расправил и помог Джекки надеть.

- Спасибо, Леша, - вздохнула Джекки. - Сочувствую!

- Благодарю вас. - Каштанов сунул Ёжикову в руку зеленую бумажку. - Это вам сто баксов на чай.

Ёжиков принял доллары, воскликнул: «Молодец, Михалыч!» - и заплодировал. Одобрительно прощепетал гарем.

- За такие бабки лучше бы я подал пиджак, - притворно огорчился Никита и обратился к проигравшему: - Вы не желаете, отыграться на мне, господин Ёжиков?

- Желаю!

На центральной площади Крушина, примыкавшей к озеру, юбилейное торжество бурлило вовсю. На старинном здании пожарного депо с красоткой-каланчой был прикреплен плакат «Крушину - 500 лет». Гирлянды воздушных шаров и разноцветных лампочек, которые уже горели, делали площадь праздничной. На украшенном флажками причале военный духовой оркестр наярывал марши. К причалу пришвартовался иллюминированный прогулочный кораблик, откуда

посыпались на берег нарядные люди. Ларьки, киоски торговали сувенирами, спиртным, пирожками, сладостями. На краю площади стояли десятки автобусов и автомашин, которые привезли разодетых горожан, селян и отдыхающих. На сколоченной эстраде выступала самодеятельность в кокошниках и сарафанах, они старались перекрыть духовой оркестр, исполняя что-то национальное, народное. В толпе шныряли на велосипедах мальчишки. Вся водная гладь была запружена лодками. Какой-то лихач, как слаломист, делал между шлюпками головоломные зигзаги на скутере.

Очаровательная Джекки с микрофоном в руках и Владик с видеокамерой на плече только что сняли закладку камня, на месте которого неизвестно когда и на какие деньги должен быть сооружен монумент, посвященный славному юбилею города.

- Мы ведем репортаж из древнего Крушина. Сегодня - день рождения города, ему исполнилось пятьсот лет. На праздник съехались гости со всей округи, из столицы, из других городов России, из-за рубежа, - вещала Джекки.

В нескольких шагах от нее болтался, стараясь не попасть в кадр, счастливый Антон Михайлович.

Джекки вышла на берег, где готовились к старту водные велосипеды.

- Сегодня состоятся гонки водных велосипедов. А пока спортсмены готовятся к состязаниям, я хочу взять интервью у директора Крушинского заповедника Александра Борисовича Савельева.

Джекки знала кое-что о Савельеве, ночевала в его бывшем доме, но видела сейчас впервые.

- Александр Борисович, как становятся директором заповедника?

Савельев застенчиво улыбнулся. У него была какая-то особая, светлая улыбка.

- Случайно, наверное. Я окончил лесотехническую академию в Москве, почитай, тридцать лет назад, и сразу попал сюда. Лесничим работал, диссертацию написал... А потом предложили эту работу...

- Женились, обзавелись детьми, внуками? - спрашивала Джекки.

- Да, осел тут навсегда...

- А теперь покидаете этот край. Почему?

- Как покидаю? - изумился директор заповедника.

- Я слышала, вы продали свой дом в Тихих Омутах.

- Кому? - продолжал удивляться симпатяга-директор.

- Хирургу Каштанову.

- Антону? С чего вы взяли? Тошка - мой самый-самый друг, мы, почитай, с семи лет в дружбе, с первого класса. Он у меня сейчас гостит. Зачем ему покупать мой дом? Он может жить здесь всегда, сколько хочет. Это, почитай, все равно что его дом.

- Значит, у меня неверные сведения, - согласилась Джекки, раскусив каштановское коварство. - А что бы вы хотели сказать телезрителям в этот праздничный день?

Антон Михайлович слышал интервью с Савельевым и понял, что разоблачен.

Джекки поднесла микрофон к лицу Савельева.

- Да плохо у нас дело, - сокрушенно заговорил Александр Борисович. - Они хотят уничтожить наш заповедник, трассу тут намерены проложить скоростную, почитай, из Москвы в Питер.

- Кто они? - полюбопытствовала интервьюерша.

- Правительство, - объяснил Савельев. - Эта трасса - у нее ширина со всякими службами, почитай, двадцать километров, сотрет она нас с лица земли...

- Но ведь люди станут быстро ездить, - вставила Джекки.

- Трасса может обогнуть заповедник. Да, это станет дорожке, но ведь уцелеет красота. Здесь же водятся лисы, медведи, даже рысь тут обитает. Но у нас начальники ведут себя на Родине, как оккупанты... Вы снимите здешнюю природу, чтобы люди поняли, какое злодейство готовится...

В этот момент Савельев увидел в толпе своего друга.

- Антон! - закричал он. - Где ты шляешься?

Он выхватил из рук журналистки микрофон и попытался представить Каштанова публике:

- Дорогие телезрители! Наш праздник посетил мой самый дорогой друг, которым гордится вся страна!.. Это - знаменитый...

Антон Михайлович испуганно отступал - телевизионная реклама никак не входила в его планы.

- Саша, Саша, не надо! - говорил он умоляюще.

Подскочила Джекки, отобрала микрофон у Савельева.

А тот продолжал сжимать друга в объятиях.

- Господи, все никак побеседовать не можем... Да, завтра Павел приезжает...

На линии старта уже выстроились водные велосипеды, спортсмены ожидали выстрела стартового пистолета. Шумела толпа болельщиков...

- Сейчас мы все в ожидании старта новых гонок. Ассоциация водных велосипедистов, - вела репортаж Джекки, - хочет добиться включения этих состязаний в олимпийскую программу...

- Антон Михайлович! - прокричал подвыпивший ревнивец Владик. - Уйдите из кадра! Что вы ошиваетесь возле ведущей репортаж!

Каштанов, который уже приблизился к Джекки, послушно отступил на шаг.

Владик, слегка пошатываясь, кинулся на пристань к судье.

Антон Михайлович тотчас снова приблизился к Джекки.

- Я жду, - сказала Джекки, прикрыв микрофон рукой.

- Чего? - не понял Каштанов.

- Жду того, что вы обещали!

- Чего именно? - переспросил Каштанов.

Болельщики и просто зеваки проходили рядом, публика была веселой и оживленной. На Джекки и доктора никто не обращал внимания. Известно, что лучший способ уединиться - это затеряться в толпе.

- Как вы могли забыть? - укорила Джекки. - Вы же обещали признаться мне в любви! Признавайтесь!

- Здесь? Сейчас?

- Да! - потребовала Джекки, и Антон Михайлович сказал:

- Я тебя люблю, Женя!..

- Вот наконец дан старт! - совсем другим голосом сказала в микрофон Джекки. - Вперед вырывается велосипед под номером три, это спортсмены из Самары... - Джекки повернулась к Антону Михайловичу и своим обычным, нет, необычно теплым голосом призналась:

- Я вас тоже люблю!

- Пожалуйста, - попросил Каштанов, - говори мне ты!

- Я тебя тоже люблю, Антон Михайлович! - повторила Джекки.

Она забыла о гонках, о водной баталии, которая разворачивалась за спинами влюбленных.

- Знаешь, Женя, - заговорил Каштанов, - человек может пройти мимо всего. Может упустить удачу, деньги, успех, но он не имеет права пройти мимо любви! Это преступление против самого себя!..

- И против меня! - закончила его монолог Джекки.

Прибежал запыхавшийся Владик:

- У, ё-мое! Я же камеру не выключил!

Он нажал на кнопку, и красная лампочка на съемочном аппарате погасла.

- Значит, все, что сейчас происходило между нами, - с легкой улыбкой констатировала Джекки, - снято на пленку. Об этом будет знать вся студия. Ну и пусть себе знают!

- Еще один кадр для компромата! - злорадно потер руки оператор.

- Любовь не может быть компроматом! - И Джекки подумала, что еще несколько дней назад она подобных слов не произнесла бы...

Опустился вечер. Каштанов повел Джекки на дальний причал.

Праздник шумел, светился чуть вдали. Оттуда доносилась музыка оркестра и гул толпы. Парочки, обнявшись, сидели на пирсе, свесив ноги к воде.

Капитан катера, положив в карман гонорар, сказал со вздохом:

- Ох и подведете вы меня под монастырь! Летать вдвоем запрещено. Вы хоть плавать умеете?

- Еще как! - бодро сбrehнул Антон Михайлович.

Капитан проверил у летунов крепление парашютных строп и строго распорядился:

- Делаем так: вы принимаете позу «кенгуру».

- Какую позу? - не поверили своим ушам Каштанов и Джекки.

- «Кенгуру». Объясняю: вы, девушка, прижмитесь к нему спиной, а вы, мужчина, обнимите ее крепко сзади и держите. Когда трос натянется, ни о чем не думайте - прыгайте! И вот вы уже в воздухе! Все понятно?

- Все! - хором ответили влюбленные.

- Я пошел! - сказал капитан. - Будьте готовы!

Пока капитан заводил старенький катер, а тот чихал, стонал и кашлял, к Каштанову примчался сын. Момент он выбрал, прямо скажем, малоподходящий.

- Папа, срочно дай сто пятьдесят долларов! Я проигрался...

- Не дам! - отказал отец. - Во-первых, у меня их нет...

- А что же мне делать? - в отчаянии воскликнул Никита.

- Ты уже большой мальчуган, выкручивайся!

Катер сдвинулся с места, стропы натянулись.

Джекки и Антон Михайлович побежали к краю.

- Может, дать ему денег? - крикнула на ходу Джекки.

- Нет, - не согласился доктор, - пусть проигрывает то, что сам зарабатывает.

Вслед за воздухоплавателями, оттолкнув Никиту, помчался Владик. Влюбленные взлетели в воздух, а безутешный страдалец закричал:

- Не улетай без меня, Джекки!

Каштанов и Джекки парили над водными просторами, над рыбаками на лодках и рыбаками на берегу, над островами и островками, над старинным монастырем.

Джекки восторженно глядела на раскинувшиеся внизу просторы.

- Какое невероятное ощущение!

- Да, чудесно, - поддержал Каштанов, от страха зажмуривший глаза. - Но вообще-то я боюсь высоты! Панически боюсь!

- Вы что, дразните меня? - не поверила спортивная Джекки.

- Какое там! - воскликнул перепуганный доктор. - Помираю от ужаса! Просто жуть какая-то!

- Зачем же вы тогда полетели?

- Н-н-не знаю, - заикался Антон Михайлович. - Ради тебя... хотел бы-бы-быть на высоте!..

- А мы на высоте! - воскликнула Джекки.

- Я не в том смысле... соответствовать хотел... - И вдруг Каштанов завопил: - Караул! Спасите!

- Антон, держи себя в руках! - прикрикнула Джекки, которая находилась в своей стихии.

Каштанов нашел в себе силы пошутить:

- Лучше я буду держать тебя!

И он еще сильнее обнял любимую.

Неожиданно ветер стих. Перегруженный парашют обмяк и стал валиться вниз.

- На помощь! - орал Каштанов. - Мы тонем! Помогите!

Летуны мягко шлепнулись в озеро.

- Держись за меня! - прокричала Джекки, вынырнув из воды. - Ты где? Я тебя вытащу!

- Рядом с тобой! - голова Антона Михайловича тоже показалась на поверхности, и он схватился за Джекки. - Я хорошо за тебя уцепился. Но... ноги мои стоят на чем-то твердом.

В этот момент в небо с площади Крушина взлетел праздничный фейерверк. Разноцветные шутихи на несколько секунд освещали озеро, наших героев, стоявших по грудь в воде, и гасли.

На смену погасшим взлетали новые огни. Из города доносились радостные крики толпы, музыка духового оркестра и треск пиротехнических залпов.

- Я тоже стою! - засмеялась Джекки. - Это, очевидно, мель. Отпусти меня!

- Не отпущу!

- Как же мы тогда освободимся от этого чертова парашюта! - резонно возразила Джекки.

Они начали избавляться от строп.

Подплыл катер и в нескольких метрах от них остановился.

- Ребята, вы как? - прокричал капитан. - Залезайте на катер. Я вас отвезу обратно.

- Спасибо, не надо! - отказался осмелевший Каштанов. - Нам и здесь хорошо.

Они уже отцепились от парашюта и, обнявшись, побрели к берегу.

Фейерверк закончился. Наступила тьма.

- Ты действительно не умеешь плавать?

- Как топор! И воды тоже боюсь! - И Каштанов добавил обеспокоенно: - А вдруг мы попадем в глубокий омут?

- А тебе не кажется, что мы уже в омуте? - намекнула Джекки.

- Оказывается, в тихом омуте водятся не черти, а пленительная ведьма.

- Понимаю, смокинг, даже мокрый, обязывает к политесу, - ласково улыбнулась ведьма.

Так они и передвигались, по-прежнему обнявшись, до самого берега, до которого было уже совсем близко.

Джекки сказала:

- Главное, ты не утонул, я спасла тебе жизнь!

И доктор Каштанов, облепленный песком и илом, стоя по колено в воде, ответил с абсолютной убежденностью:

- Да, Женя, ты действительно спасла мне жизнь.

- А ты ради меня совершил подвиг! Я это понимаю.

Потом они, опять обнявшись, брели по берегу к фанерному пристанищу лодочника.

«Утопленники» вошли в вагончик.

Стояла светлая ночь, когда все: землю, леса, воду, небо - обволакивает блеклый полусвет.

Из вагончика вышла Джекки. Она несла груды мокрой одежды. Развесила на веревке смокинг, рядом

повесила сушить белую рубашку, носки, галстук-бабочку, трусы... Потом, оглядевшись по сторонам, – никого не было видно, – Джекки стащила с себя куртку и брюки... тоже укрепила на веревке... затем, опять оглядевшись, сняла промокшее белье... ее тело смутно белело в полутьме.

Джекки вернулась в вагончик. Входя, она повернула выключатель на двери, и фонарь на причале погас.

На озеро упал туман, окутал все вокруг – и лес, и причалы, и пристанище лодочника.

Утром проснулось солнце.

Его лучи пробились сквозь туман и высветили берег, белье, все еще сохнувшее на веревке рядом со смокингом, проскользили по крыше вагончика и заглянули в крошечное оконце.

Если в машине Каштанов спал, уронив голову на плечо Джекки, то сейчас уже Джекки спала, положив голову на плечо Антона Михайловича.

Он открыл глаза, осторожно высвободил плечо и некоторое время любовался спящей женщиной. Потом поднялся, выглянул в оконце и задумался. Задумался о том, что теперь будет дальше.

– Есть хочу! – услышал он голос Джекки.

– Я тоже, – машинально отозвался Антон Михайлович, а потом сказал: – Я все время о нас думаю.

– И я про нас.

Антон Михайлович сел на топчан.

Помолчали, а потом Джекки грустно вздохнула:

– Мне нужно в город, на работу!

– Обязательно нужно?

– Я ведь снимала этот праздник как жалкое оправдание, чтобы побыть с тобой! Знаю заранее, что сюжет про юбилей районного центра никому не нужен и в эфир не пойдет.

- Ты не можешь послать свою работу куда-нибудь подальше?

- А ты? - ответила вопросом на вопрос Джекки.
Антон Михайлович развел руками.

- Вот и я не могу, - закончила разговор Джекки.

Глава девятая

На берегу озера стояли рядом причудливые деревенские баньки.

Одна из них, древняя, построенная невесть когда, топилась. Около нее замерли два суперсовременных автомобиля – «Мерседес-600» и джип «Лексус». Дюжие молодцы, явно охранники, доставали из джипа напитки и провизию и сгружали их на стол.

В тесном предбаннике раздевались три закадычных друга – президент банка Павел Судаковский, директор заповедника Александр Савельев и академик медицины Антон Каштанов.

– Все-таки ты порядочная свинья, Тошка! – обругал друга Павел. – Почему про эти злосчастные два миллиона я должен узнавать из газет?

– Ты нас, Антон, обидел! – прогудел Александр.

– Ребята, просто я не хотел вешать на вас мои неприятности.

Судаковский полез в карман пиджака, который он уже успел снять, и достал оттуда конверт.

– Возьми, балбес, и не потеряй!

– Что это? – не понял Каштанов.

– Чек на два миллиона, внеси их в твой бездарный фонд!

– Не возьму! – наотрез отказался Антон Михайлович.

– Ты охренел? – изумился Савельев, а банкир искренне возмутился:

– Почему не возьмешь?

– Павлик, большущее тебе спасибо, – растроганно сказал хирург, – но я не могу принять деньги!

Александр тяжело вздохнул:

– В первый раз вижу такого идиота!

Глаза у Каштанова стали больными:

- Ребята, если я верну эти миллионы, значит, я их украл, иначе откуда я их надыбал?

- Будь ты проклят, чистюля! - в очередной раз выругался Павел.

- Павлик, - взмолился хирург, - если ты действительно хочешь сделать доброе дело... внеси сам, от имени твоего банка, мы будем тебе по гроб благодарны!

- Ты, Тошка, не исправим, - сдался банкир.

В доме отдыха, в комнате Джекки, Владик поднял восстание:

- Не отдам!

- Здесь я командую! - напомнила Джекки.

- Ты хочешь припрятать эту кассету, я понимаю. Все потому, что ты влюблена в него, как кошка!

- Отдай кассету, ты не имеешь права ею распоряжаться!

- Как ей распорядиться, рассудит руководство канала. А сам я сейчас же уезжаю в Москву.

Джекки насмешливо улыбнулась:

- Уступаешь меня сопернику?

- Джекки, но я же лучше его! И я тебя люблю давно! А кассету все равно не отдам!

Напарившись и наплававшись в озере, разнеженные, благодушные дружбаны осматривали стол, роскошно накрытый охранниками и внесенный ими в предбанник.

- Ух ты! - воскликнул Каштанов. - Павлик, твои гаврики хапнули винный магазин?

- Это с твоей стороны, Павел, хамство, - грустно вздохнул Александр. - Мне же ничего этого нельзя. Я уже свое выпил.

- Мне тоже врачи категорически запретили! - вздохнул в ответ Павел. - При том лекарстве, которым

меня пичкают, исключено. Могу только облизываться!

- Значит, весь этот арсенал мне одному? Доктора мне тоже не рекомендуют, но я сам врач и на них чихал!

- Давай чихнем вместе! - оживился Павел и схватился за бутылку. Но Каштанов решительно отобрал ее.

- Что же тогда будем пить? - растерянно спросил Павел. - Колу, тоник, соки?

- Колодезную воду! - предложил Александр. - У меня перед домом колодец с вкуснейшей водой!

- Ура! - издал победный вопль Павел. - Никогда еще не гулял под колодезную воду.

- Мечта человечества, - подхватил Антон, - экологически чистый банкет! Я с вами!

- Володя, - Павел окликнул верзилу-охранника, исполнявшего обязанности официанта, - немедленно доставить колодезную воду!

Тот послушно выскочил наружу, тотчас взревел могучий джип и исчез. Для нашей эпохи стало обыденным, что богатые на шикарных машинах ездят к колодцам за чистой водой, потому что в водопроводе - плохая.

В предбаннике, в ожидании целебного напитка, шла неторопливая беседа.

- Как ты здесь живешь? - обратился Павел к доктору.

От друзей у Антона Михайловича секретов не было:

- Ребята, я влюбился!

Друзьям сразу стало интересно.

- В кого? - быстро спросил Александр.

- В женщину! - с вызовом ответил Антон.

- Слава Богу! - с нарочитым облегчением сказал Павел.

- Зови ее сюда! - потребовал Александр.

В это время доставили колодезную воду.

- Где искать твою пассию? - осведомился банкир.

- В доме отдыха, номер комнаты двести тридцать шесть, фамилия Тобольская.

Не успел банкир отдать распоряжение, как умный «мерседес» умчался за пассивей.

И тут влюбленный спохватился:

- Куда мы ее пригласили, в эту баню?

- А что такого? - начал было обижаться Александр. - Эту баньку я сам отреставрировал.

- Но мы же здесь все без галстуков! - недовольно заявил Антон.

Накрытый стол перекочевал на берег озера. Лихо подрулил «мерседес». Охранник распахнул перед Джекки заднюю дверцу, и она, толком не понимая происходящего, покинула лимузин, представ перед мужской компанией.

За столом восседали трое элегантных господ при пиджаках и галстуках.

Две пары глаз оценивающе, а одна пара глаз восхищенно, впилась в молодую женщину. Ясно, что восхищенные глаза принадлежали Антону Михайловичу.

- Женя! - приветствовал он ее. - Я хочу тебя опубликовать!

- В каком смысле?

- Хочу, чтоб наши отношения вышли из подполья. Сегодня мы отмечаем сорок пять лет нашей мужской дружбы...

- Это срок! - вмешался Александр.

- И нам безразлично, кого выбрал Антон, - с подтекстом произнес Павел.

Джекки вопросительно взглянула на Каштанова, тот подтверждающе кивнул.

- Рассказывайте о себе, пожалуйста! - вежливо, но вместе с тем настойчиво предложил Павел.

- Это что, экзамен? - задиристо спросила Джекки.

- Хуже... Экзамен можно сдать по шпаргалке, а здесь этот номер не пройдет! - довольно жестко предупредил Павел.

Джекки приняла вызов:

- Докладываю - мне тридцать два, немало. Характер вздорный, агрессивный. От меня, не выдержав, удрали два мужа. Есть ребенок, это единственное, что во мне хорошего, а в остальном - дрянь.

- Годится, - одобрил Павел.

- А как вы относитесь к нашему Тошке? - продолжил расспросы Александр.

- Как можно относиться к человеку, который обобрал собственный фонд? Но с этим еще можно смириться. Однако он ведь работает и по мелочам, например, я видела, как в кафе он слопал три булочки и не заплатил за них!

- Антон, это правда? - строго спросил Александр.

- Так булочки-то были крохотные! О чем разговор!

- А еще, - продолжала ябедничать Джекки, - он дерется с женщинами...

- С какими? Уточните! - настаивал Павел.

- С красивыми, в частности со мной!

- Он вас бил? - ужаснулся Александр.

- Меня фиг побьешь! Но он пытался! - Джекки усмехнулась.

- Это она мне врезала! - уточнил Антон.

Джекки не унималась:

- Кроме того, он не умеет плавать и боится высоты. Так что парень-то никудышный!

- Большое тебе спасибо, Женя! - просиял Антон.

- И тебе большое спасибо! - просияла Джекки.

Черту подвел Павел:

- По-моему, вы - два охламона, которые созданы друг для друга!

- А что же мы сидим по-сухому? - укоризненно воскликнул Александр.

- За Женю надо выпить! - поддержал Павел.

В то время как охранник-официант разливал мужикам воду, Павел наклонился к Джекки:

- Что вы предпочитаете?

- То же, что и все! - Джекки держала марку.

- Я тебе не советую, - заговорщически шепнул ей Антон Михайлович.

- Никакой дискриминации! - И Джекки протянула охраннику свой бокал.

- Женя, - с чувством начал Павел, - мы вас утверждаем! Саша, ты не против?

- Я - за!

- Надеюсь, Женя, - торжественно продолжал Павел, - вы сделаете из нашего обалдую нормального человека!

Тут вмешался Каштанов:

- За женщин джентльмены пьют стоя!

Все трое, как по команде, поднялись и... пиджаки и галстуки на джентльменах имелись, а вот с брюками обстояло хуже. Все трое довольствовались лишь купальными трусами. Джекки не подала виду, что заметила сей пассаж. Джентльмены, как заправские алкоголики, влили в себя по стакану и уставились на Джекки. Она оказалась на высоте. Тоже опрокинула стакан и смачно крякнула:

- Крутая штука! Дайте закусить скорее!

- Женя, ты наша баба! - с восторгом воскликнул Павел.

Все четверо засмеялись и стали закусывать.

А потом все сидели у костра, и Каштанов пел, сопровождая себя на гитаре, песню опять-таки на стихи одного из соавторов повести. Друзья задумчиво слушали. Слушала зачарованно Джекки, ее глаза светились. Даже охранники, примостившиеся на порожках автомобилей, расслабились и не зыркали настороженно по сторонам.

Хочется легкого, светлого,
нежного, раннего, хрупкого, пустопорожного,
и безрассудного, и безмятежного,
напрочь забытого и невозможного.

Хочется рухнуть в траву не помятую,
в небо уставить глаза завидущие,
и окунуться в цветочные запахи,
и без конца обожать все живущее!

Хочется видеть изгиб и течение
синей реки среди курчавых кустарников,
впитывать кожу солнца свечение,
в воду, как в детстве, сигать без купальников.

Хочется милой наивной мелодии,
воздух глотать, словно ягоды спелые,
чтоб сумасбродно душа колобродила
и чтобы сердце несло ошалелое.

Хочется встретиться с тем, что утрачено,
хоть на мгновенье упасть в это дальнейе...
Только за все, что промчалось, заплачено
и остается расплата прощальная...

А потом телохранители ловко убрали следы пиршества. Судаковский фамиллярно прощался с Джекки и Антоном, потом обнял Александра. Все обменивались какими-то прощальными теплыми словами, но дело было не в них. Встреча пробудила в друзьях что-то ясное, истинное...

Вот помчался «мерседес», на хвосте которого висел джип. Деликатный Александр двинулся к своему дому, приветливо помахав влюбленным. Каштанов и Джекки остались вдвоем.

- И мне тоже пора в Москву, - печально вздохнула Джекки.

- Я поеду с тобой, что мне тут делать одному?

- Отдыхать, ты же в отпуске.

- Теперь мы будем отдыхать вдвоем! - многозначительно заявил Каштанов.

- Тебя в Москве куда подвезти?

- Как куда, домой! - автоматически ответил Антон Михайлович и вдруг осекся.

- Домой так домой! - сказала Джекки будничным тоном. - Не ко мне же тебе ехать...

И Джекки ушла, оставив его одного на берегу. Она шла через деревню Тихие Омуты, и слезы висели на кончиках ее ресниц.

Антон Михайлович, сидя на берегу, осознал, что ему надо либо круто менять жизнь, либо возвращаться к жене. Он чувствовал, что не готов к решению...

Вернувшись в вагончик лодочника, чтобы забрать свои вещи, Каштанов вдруг остолбенел. На причале Ёжиков в его ватнике и подвернутых брюках выдавал весла отдыхающим турбазы. Увидев изумленного «Михалыча», Ёжиков коротко пояснил:

- Охранник на моем кабриолете ночью сбежал. С моим кейсом и с моим гаремом. Пережидаю здесь, пока кто-нибудь из друзей не приедет на выручку...

Джекки сидела на скамейке около своего автомобиля. Подошел Каштанов с чемоданом, жалобно посмотрел на удрученную Джекки и присел рядом. Из дома отдыха Владик волок штатив и кофр с кассетами и аккумуляторами. Он мрачно загрузил аппаратуру в багажник, делая вид, что Каштанова и Джекки здесь нет. Погрузил и ушел.

Антон Михайлович невольно начал оправдываться:

- Я же не могу так сразу - взять и уйти...

- А я и не прошу тебя уходить...

Тут оба замолчали, так как из здания дома отдыха вновь появился Владик с какими-то шмотками.

- Что вы замолчали? - запихивая сумки на заднее сиденье, усмехнулся он. - Я не обращаю на вас никакого внимания. - И демонстративно вернулся в дом.

- Понимаешь, я не могу ее просто так бросить... - Доктор прятал глаза, ему было стыдно за самого себя, но он не мог с собой ничего поделаться.

- Понимаю...

- Она без меня пропадет.

- Понимаю...

- Она только с виду такая сильная, вообще-то она беззащитная... - В этот момент Антон Михайлович действительно так считал.

- Понимаю...

- Мне нужно собраться с духом...

- Собирайся...

- Женя, мы с тобой знакомы сколько, недели две, ты зря обижаешься, - убивался Антон Михайлович, - я не могу так сразу... я старый... но без тебя я тоже не могу...

- Что ты предлагаешь, старый? - бесстрастно спросила Джекки.

- Мы будем встречаться, - с жаром продолжал Каштанов, - обязательно!

- Где? - как бы любопытствовала Джекки. - Квартира у меня двухкомнатная, комнаты проходные, со мною мама и дочка...

Доктор напрягся, - это был первый в его жизни адюльтер, опыта не было, поэтому вопрос о квартире поставил его в тупик. Наконец он нашел выход:

- Квартиру-то можно снять, не проблема.

Джекки усмехнулась:

- И будем встречаться два раза в неделю, так?

- Почему два? Можно и три.

- Какие дни установим? - безжалостно продолжала Джекки. - Выходные отпадают, вы, естественно, дома. -

Джекки снова перешла на вы. – Понедельник, среда, пятница, подойдет?

– Какое я барахло! – тихо сказал Антон Михайлович.

– Не смею возражать.

– Прости меня, Женя! – Каштанову стало не по себе.

– За что? Значит, начнем в следующий понедельник.

Надеюсь, вы успеете найти квартиру, только, пожалуйста, не на окраине, я ведь очень занята на телевидении.

– Дай мне время! – Доктор был в отчаянии. – Я постараюсь что-нибудь придумать.

Появился Владик, волоча осветительные приборы.

– Мы поедем в Москву вместе? – осторожно задал вопрос пришибленный любовник.

– Сегодня у нас что, четверг? Но это же не наш день!

– Пожалей меня, Женя! – взмолился Антон Михайлович.

– Мне себя жалко, – не оборачиваясь, проронила Джекки.

Она уже сидела за рулем. Потом, что-то вспомнив, сняла с руки часы и протянула Каштанову:

– Это ваши часы, возьмите!

Владик забрался в машину. Жигуленок рванул с места, и доктор понял, что Джекки уехала навсегда.

Глава десятая

В Москву они возвращались порознь. На всем пути их следования лил дождь. Он то уныло моросил, то падал частыми сильными каплями.

Каштанов стоял на станции города Крушина, ожидая поезда... Мимо вокзала проехали старенькие «Жигули» с Джекки и Владиком...

Потом Антон Михайлович стоял в тамбуре поезда и задумчиво глядел в окно, по которому струилась вода. Серый, тоскливый пейзаж проносился мимо...

Джекки вела машину, обгоняя всех и вся. Казалось, лицо ее постарело. «Дворники» лихорадочно мелькали, стряхивая воду.

Каштанов перешел в вагон и уселся в проходе.

Инспектор дорожно-патрульной службы в непромокаемом плаще остановил жигуленок за превышение скорости и что-то выговаривал Джекки, мокнущей под ливнем.

В поезде Антон Михайлович, не найдя себе места, поднялся, вышел в тамбур и стал снова смотреть на бегущие мимо пейзажи... Потом он достал из кармана мобильный телефон и кому-то позвонил.

Машина Джекки подъехала к железнодорожному переезду, но проскочить не удалось. Шлагбаум опустился... По крыше «Жигулей» колошматил дождь.

Пассажирский состав пронесся мимо. Каштанов не обратил внимания на белую машину, замершую у переезда...

Джекки не успела заметить Каштанова, стоявшего у окна...

Если бы по нашей повести все-таки принялись делать кино, то наверняка режиссер запустил бы на этом эпизоде какую-нибудь хорошую, умную песню.

Авторы решили подсказать постановщику, какие именно стихи надо выбрать. Это стихи любимого нами Булата.

Быстро молодость проходит, дни счастливые крадет.

Что назначено судьбою – обязательно случится:
то ли самое прекрасное в окошко постучится,
то ли самое напрасное в объятия упадет.

Две жизни прожить не дано,
два счастья – затея пустая.
Всегда выпадает одно —
такая уж правда простая.
Кому проиграет труба
прощальные в небо мотивы,
кому улыбнется судьба,
и он улыбнется счастливый.

Так не делайте ж запасов из любви и доброты
и про черный день грядущий не копите
милосердые:
пропадет ни за понюшку ваше горькое усердие,
лягут ранние морщины от напрасной суеты.

Две жизни прожить не дано,
два счастья – затея пустая.
Всегда выпадает одно —
такая уж правда простая.
Кому проиграет труба
прощальные в небо мотивы,
кому улыбнется судьба,
и он улыбнется счастливый.

Жаль, что юность пролетела, жаль, что старость коротка.

Все теперь уж на ладони: лоб в поту, душа в ушибах...

Но зато уже не будет ни загадок, ни ошибок —
Только ровная дорога, до последнего звонка.

Поезд с Каштановым подходил к перрону столичного вокзала. И здесь лупил оголтелый дождь. Антона Михайловича у вагона встречал сын. Каштанов-старший юркнул под зонт младшего, и они направились к машине Никиты.

- Хочу попросить у тебя убежища на некоторое время, - сказал отец.

- На любое время, - поправил его сын...

В тот день, когда отпуск Каштанова окончился и ему надо было выходить на работу, хирург появился в клинике. Фамилия его по-прежнему красовалась на дверях, ведущих в приемную. Секретарша при виде вошедшего шефа, обалдев, всплеснула руками:

- Антон Михайлович! Да вы ли это? Вас узнать нельзя.

- Идет? - любопытствовал Каштанов.

Лицо его было гладко выбрито. От усов и бороды не осталось следа.

- Не то слово! - секретарша была в восхищении. - Помолодели-то как! Да вы просто киноартист...

Предоставим читателю решать, на какого артиста стал походить герой нашего сочинения.

В кабинете Иван Павлович принимал поздравления Каштанова:

- Поздравляю тебя с назначением, Ваня. Думаю, ты недолго будешь и.о.

- Это все благодаря вам, Антон Михайлович! - прочувствованно сказал новый руководитель

Хирургического центра. – Надеюсь, вы мне поможете тянуть этот неподъемный воз...

– Давай начнем с того, что снимем с двери табличку с моей фамилией и приступим к передаче дел.

Каштанов машинально, по привычке, смотрел на мониторы, где показывали текущие операции.

Только теперь взволнованный Ваня обратил внимание на то, что его бывший шеф тщательно выбрит.

– Вы все это истребили? – Он обвел жестом свое лицо.

И только теперь Антон Михайлович обратил внимание на лицо Вани. И увидел, что его бывший зам, а ныне шеф за время его отпуска отрастил усы и бороду, точь-в-точь такие же, какие прежде носил Каштанов.

– А ты все это отрастил?!

Оба засмеялись, Каштанов приобнял молодого хирурга и сказал:

– Вот видишь! В природе ничто не исчезает бесследно.

Капитан милиции Варвара Петровна Муромова в форме при полном параде, с загипсованной правой рукой и забинтованной левой, висящей на белой повязке, ударом ноги распахнула дверь в кабинет директора Хирургического центра.

Каштанов оцепенел:

– Что с вами, Варвара Петровна? Неужели бандитская пуля?

– Если бы бандитская! Свой попал!

– Сейчас мы вас госпитализируем! – предложил Иван Павлович.

Следователь отрицательно помотала головой:

– Антон Михайлович, докладываю – преступник мною задержан... – Но продолжить доклад не удалось.

Толпа осатаневших журналистов ворвалась в кабинет.

Каштанов не успел охнуть, как банда оккупировала все помещение. Видео- и кинокамеры, фотоаппараты, микрофоны и диктофоны нацелились на Каштанова, и он понял, что отступать некуда.

- В чем дело, дорогие средства массовой информации? - И весело добавил: - Должен сообщить вам, что я уже не директор Хирургического центра.

Вперед выступила корреспондентка радио:

- Антон Михайлович, расскажите, пожалуйста, как поймали того, кто похитил два миллиона из вашего фонда? И второе: за что, как вы думаете, вас сняли с поста директора центра?

- Здесь присутствует следователь капитан милиции Муромова. Она блестяще провела расследование кражи. А на второй вопрос я отвечу позже.

Варвара Петровна зарделась от удовольствия. Теперь вся корреспондентская техника уставилась на героиню, и та принялась упоенно вещать о схватке с бандюгами.

По двору Хирургического центра бежали опоздавшие Джекки и Владик с видеокамерой.

В кабинете корреспондентка радио выдвинула вперед диктофон:

- Кто он?

- Директор-распорядитель Каштановского фонда, - ответила Муромова.

- А как технически ему удалось это проделать? - спросил один из газетчиков.

- Он подделал две подписи - Антона Михайловича и главного бухгалтера. Потом на основании фиктивных договоров перевел эти деньги из банка на счета фиктивных фирм. А липовые фирмы обналичили доллары...

Каштанов увидел, что в кабинете появились еще два журналиста – Джекки и Владик. Они расположились в задних рядах.

– А деньги нашли? – поинтересовалась очередная журналистка.

– Деньги? Деньги, конечно, нет. С деньгами наша страна всегда была в сложных взаимоотношениях.

Дальше Каштанов не слышал, что рассказывала Варвара Петровна, не помнил, что отвечал на вопросы сам. Он видел только Джекки, которая старалась не смотреть на него.

– Отдай кассету! – процедила Джекки Владиду.

– Ни за что!

– По-моему, достаточно, пощадите Антона Михайловича! – сказал Иван Павлович, принявший на себя руководство импровизированной пресс-конференцией.

– У меня к Антону Михайловичу последний вопрос, – нарушила молчание Джекки. – Тут говорили, что вы были в отпуске. Как вы его провели?

Каштанов ответил не сразу и тихо:

– Во время отпуска я должен был совершить поступок, но у меня не хватило силы воли. Я себе не могу этого простить.

– Какой именно поступок? – немедленно вмешался кто-то из журналистов.

– Это мое личное... – грустно улыбнулся доктор.

Когда журналисты покидали кабинет, и Джекки вместе с ними, к Каштанову подошел Владик.

– Вам просили передать! – И он вручил Антону Михайловичу видеокассету.

А в предбаннике Варвара Петровна и Джекки встретились. Посмотрев на опрокинутое лицо журналистки, Муромова сказала как бы сочувственно:

– Не сложилось? Обидно.

Показывая на загипсованную руку, Джекки ответила в тон:

- Не срослось? Прискорбно...

- У меня-то срастется! - парировала милиционерша.

- А у меня сложится! - задиристо произнесла Джекки и направилась к лифту.

Появление Джекки, с которой не удалось перемолвиться ни одним словом, разбредило душу Антона Михайловича. Он хотел рвануть за ней, объяснить что-то, но не осмелился. После возвращения он еще не был дома, отсиживался неделю у Никиты на даче, жене трусливо не звонил. Не звонил также и Джекки. Насколько все ему было ясно в профессиональных делах, настолько же было не ясно в сердечных. Каштанов пребывал в состоянии душевной смуты, неразберихи, разброда и никак не мог принять решения.

После того как окончился первый рабочий день, Антон Михайлович, еще не оправившись от невстречи с Джекки, автоматически спустился вниз и по обыкновению сел в свою служебную машину. Он мучительно думал, что же ему предпринять, на что отважиться. Поздоровавшись с водителем, он не сказал ему, куда ехать, и тот, естественно, привез его к дому. Рефлекс ежедневного возвращения по этому маршруту был столь силен, что Антон Михайлович, погруженный в раздумья, даже не обратил внимания, что направляется домой.

Каштанов привычно открыл замок, вошел - и тут очнулся. Ему показалось, что он ошибся адресом. Ничего не напоминало его прежнее жилье. Антон Михайлович даже вышел обратно на лестничную клетку и взглянул на номер квартиры. Номер был тот же. Тогда он снова вернулся в квартиру.

Евроремонт был закончен. Две стенки - одна между кухней и гостиной, другая между ванной и уборной -

были снесены. Новые оконные рамы, светлые жалюзи, белые стены, белая новая мебель. Было как бы красиво, но крайне неуютно, совсем как на картинке из рекламного журнала для богатых. Каштанов прошел в свой кабинет. Неумолимая воля Полины Сергеевны и беспардонные руки ремонтников похозяйничали и здесь. Все вещи доктора, его книги, фотографии, картины были сгружены на пол. Белые голые стены, новые окна без занавесок, пустые книжные полки. Логику Полины Сергеевны можно было понять: зачем наводить уют в жилище беглого мужа. Если вернется, сам все приведет в порядок, а не вернется, тогда зачем делать лишнюю бесполезную работу.

Самой Полины Сергеевны дома не было. Видно, еще не приехала с работы.

Антон Михайлович полез в карман пиджака и вынул видеокассету. Поискал, нет ли внутри записки. Записки не было. Тогда он включил видеомэгаффон и вставил в него пленку.

На экране телевизора возник кадр, где Джекки беседовала с Полиной Сергеевной.

– А может, он это сделал ради другой женщины? – брала интервью Джекки.

– От таких женщин, как я, не уходят! Вон из моего дома!

Каштанов потрясенно смотрел на экран...

К дому тем временем подъехала машина «Фелиция», что в переводе с заграничного означает «Счастье». Из нее вышла Полина Сергеевна и направилась к подъезду. Внезапно она остановилась, потому что увидела – в окнах ее квартиры горит свет. Полина Сергеевна быстро вошла в дом...

Антон Михайлович с интересом наблюдал на телевизионном экране, как он ворует в кафе третью булочку...

Встревоженная Полина Сергеевна поднималась в лифте...

В квартире на телеэкране появился кадр, снятый Владиком сверху с парашюта, кадр, которым он так гордился. Лица Джекки и Каштанова занимали весь экран. Они неотрывно смотрели друг на друга, а потом начали целоваться. Поцелуй продолжался довольно долго, пока из-за кадра не раздался голос Владика:

- Джекки, мне это не нравится, что ты делаешь?

Полина Сергеевна вышла из лифта и бесшумно отворила дверь.

Увлеченный воспоминаниями, Антон Михайлович не почувствовал прихода жены. Она неслышно появилась в гостиной и тоже стала смотреть на телеэкран.

А там ее муж и Джекки в праздничной крушинской толпе разговаривали друг с другом, не замечая никого вокруг.

Полина Сергеевна была не в силах оторваться от экрана.

- Знаешь, Женя, - говорил Каштанов, - человек может пройти мимо всего. Может упустить удачу, деньги, успех. Но он не имеет права пройти мимо любви. Это преступление против самого себя!..

- И против меня! - закончила его монолог Джекки.

- Это как понять, Каштан? - ледяным голосом спросила Полина Сергеевна. - Ты вернулся или опять заскочил на минутку - поглядеть видео?

Антон Михайлович вздрогнул, судорожно выключил видеомэганитофон и голосом побитой собаки сказал:

- Я вернулся.

- Сам приполз или тебя выгнали?

- И то, и другое.

- Будешь просить прощения?

- Прости меня, Полюшко-Поле! Ремонт ты сделала сногшибательный!

Полина Сергеевна приняла решение.

- Значит так, не знаю, прощу ли я тебя когда-либо. Может, и прощу, через месяц или полгода. - Тут она вынула кассету из видеомэгнитофона, направилась к двери и вышла на лестничную клетку. Каштанов понуро поплелся за ней.

- Я женщина добрая, ты знаешь!

- Добрая, конечно, добрая!

- Пойми, я лучше знаю, что тебе надо! Так вот, - и это категорически, - чтоб этой дамочки духу не было! Никаких встреч, никаких звонков! Понял, Дон Жуан почтенного возраста?

- Я понял. Полина Сергеевна выкинула лирическую кассету в мусоропровод и с треском захлопнула крышку...

На следующее утро муж и жена мирно завтракали на уютной кухне. Каштанов зачерпнул ложкой овсяную кашу и поморщился:

- А можно, я поджарю яичницу и сделаю себе бутерброд с копченой колбасой?

Ответ он получил жесткий:

- Этого тебе нельзя было раньше, а теперь и подавно!

И Каштанов принялся расхлебывать кашу во всех смыслах этого выражения...

Эпилог

Прошло около трех месяцев. Шел крупный снег. Каштанов и Полина Сергеевна ехали в автомобиле по новогодней Москве. Антон Михайлович сидел за рулем, жена – рядом, на пассажирском сиденье, в элегантной шубе.

Машина Каштановых, уже знакомая нам «Фелиция», въехала в автомобильную пробку. Супруги видели зады стоящих впереди машин с горящими красными стоп-сигналами. Встречный поток также стоял, вернее, еле полз, и вдруг на встречной полосе рядом с каштановским автомобилем остановились белые ржавые «Жигули».

Так получилось, что обе машины встали рядом, одно шоферское окно напротив другого. За рулем «Жигулей» сидела Джекки в куртке-дубленке. Сначала журналистка не заметила доктора. Каштанов тоже не сразу увидел Джекки. Потом он повернул голову и понял, что она совсем рядом, буквально в полуметре от него. Антон Михайлович побледнел. Очевидно, почувствовав на себе чей-то взгляд, повернулась и Джекки. То, что Каштанов оказался так близко и так неожиданно, повергло ее в смятение. Между ними было только два автомобильных стекла да падающий снег.

Каштанов, не отрываясь, смотрел на Джекки. Та тоже не сводила с него глаз. Полина Сергеевна ничего не уловила – в ожидании, пока рассосется пробка, она звонила подруге по мобильному телефону. Антон Михайлович не мог заставить себя отвести от Джекки взгляд. В глазах Джекки заблестели слезы. В этот момент машины, стоящие перед автомобилями наших героев, поехали. Но ржавый «жигуленок» и нарядная «Фелиция» стояли как вкопанные. Джекки не видела,

как машины, загораживающие ей путь, уехали, освободив пространство. Каштанов тоже не обратил внимания на то, как перед ним очистилась от машин улица. Антон Михайлович вовсю пялился на Джекки, а та неотрывно смотрела на доктора. Их машины не двигались с места. Сзади стоящие водители подняли адский шум, пытаясь ревом гудков заставить двух растяп тронуться с места. Но те не слышали какофонии. Полина Сергеевна что-то говорила мужу, трогая его за рукав, но из-за галдежа автомобильных сигналов ничего не было слышно.

Джекки казалось, что у нее внутри сейчас что-то оборвется, рухнет. И тогда она решила прекратить пытку. Достала сигарету – курить она начала осенью, – щелкнула зажигалкой, включила скорость, и машина тронулась с места. Каштанов проводил ее взглядом. Сзади сигналили, мелькали фарами, и Каштанов тоже двинулся вперед. Он бросил взгляд на Полину Сергеевну – та ничего не заметила. Она разглядывала роскошное кольцо – подарок мужа к Новому году. Благодарная улыбка осветила ее крупное, красивое лицо. И тут Каштанов затормозил. Он помедлил еще чуть-чуть, а потом вышел из автомобиля и побежал назад. Он бежал в потоке машин, которые медленно двигались по направлению к Охотному ряду. Антон Михайлович подпрыгивал, стараясь взглядом отыскать ржавый «жигуленок». Наконец он увидел его, добавил скорости и настиг беглеца, вернее, беглянку. Зареванная Джекки тащилась в автомобильной пробке. И тут перед ней возник запыхавшийся Каштанов. Она продолжала ехать, делая вид, что не замечает его. Антон Михайлович подергал дверцы – они были на запоре. Доктор обежал машину и попробовал проникнуть внутрь с пассажирской стороны. Там тоже было заперто. Тогда он встал перед носом жигуленка и попытался, упираясь ногами в мостовую, остановить

его. На несколько секунд это ему удалось. Но Джекки подбавила газу, Антон Михайлович вынужден был уступить. Тогда он вскарабкался на капот и приблизил свое лицо к стеклу, за которым увидел плачущую Джекки. Так они и ехали, ползли в потоке: Каштанов на капоте, Джекки за рулем. Их лица разделяло тонкое ветровое стекло, по которому гулял «дворник», счищая снег. И тут Джекки и ее сердце – оба – не выдержали. Она улыбнулась сквозь слезы Антону Михайловичу и положила свою руку на стекло, как бы пытаясь погладить доктора. А тот, в свою очередь, пытался изловчиться и поцеловать руку любимой, несмотря на то, что «дворник» ему очень мешал.

Джекки выдернула задвижку замка, Каштанов немедленно соскочил с капота и забрался в автомобиль. Не станем подглядывать в окна и комментировать затяжной, головокружительный поцелуй. Надо полагать, что нашим героям стало необыкновенно хорошо. Неуправляемая машина двигалась к центру площади, где высилась гигантская елка, нарядная, мигающая огнями, сулящая счастье. Как случилось, что не произошло аварии, авторы объяснить не берутся. Наверное, в этом виновата любовь...

Annotation

Воспоминания Эльдара Рязанова о своем друге и соавторе Эмиле Брагинском.

- [Эльдар Рязанов](#)
 - [От автора](#)
 - [Память об Эмиле](#)
-

Эльдар Рязанов

От автора

Мне довелось заниматься литературной работой в содружестве с Григорием Гориным, Владимиром Войновичем, Людмилой Разумовской, Генриеттой Альтман, Алексеем Тиммом и, как в последнем случае, даже с двумя соавторами одновременно. Киносценарий фильма «Старые клячи», съемки которого я закончил летом 1999 года, создавался коллективно с молодыми сценаристами Владимиром Моисеенко и Александром Новотоцким. Был в моей биографии случай, когда соавтором оказался классик – драматург Александр Николаевич Островский. Правда, он об этом не подозревал. Доводилось мне заниматься сочинительством и в одиночку. Но больше всего я написал вместе с Эмилем Брагинским. Причем мы трудились не только над сценариями для кино, но и над повестями для чтения и комедиями для сцены.

Память об Эмиле

Итак, перед Вами, дорогой читатель, однотомник наших повестей, которые мы создали вместе с моим другом и соавтором Эмилом Брагинским. Здесь собрано далеко не всё, что мы с Эмилом «натворили» за тридцать пять лет совместной работы. Однако эти шесть произведений дадут представление и о нашем стиле, и о нашей манере, и о наших творческих устремлениях. Предисловие, конечно, главным образом посвящено памяти моего друга, моего соавтора. Я вспомню о том, как мы сочиняли вместе, как сходились и расходились, что случалось редко, ибо наше содружество было поистине счастливым...

...После «Гусарской баллады» я оказался свободен. Сценария для следующей постановки у меня не было, я лихорадочно читал толстые журналы в поисках литературного произведения для экранизации. И присматривался к драматургам и сценаристам, которые не были заняты в это время. Как-то на «Мосфильме» мы встретились с Брагинским и, выяснив, что оба находимся в одинаковом положении, решили пообщаться и, может быть, выдумать сюжет. Я смотрел на Брагинского как на очередного сценариста, не подозревая, что это содружество потом выльется в постоянное и длительное соавторство. Брагинский тоже смотрел на меня как на очередного режиссера и тоже ни о чем не подозревал. Итак, мы начали придумывать сюжет и одновременно знакомиться. Выясняли вкусы, пристрастия и симпатии в искусстве. Короче говоря, притирались друг к другу...

Историю о том, как какой-то человек угонял частные машины у людей, живущих на нечестные, нетрудовые доходы, продавал их, а вырученные деньги переводил в

детские дома, мы оба слышали в разных городах – и в Москве, и в Ленинграде, и в Одессе. В каждом городе утверждали, что этот факт случился именно у них.

Рассказывали, что в какой-то газете об этом даже писалось.

История нам понравилась, мы решили на ней остановиться. Но прежде чем начинать работу над сценарием, нам хотелось убедиться в достоверности этого происшествия. Хотелось непосредственно познакомиться с человеком, замешанным в столь необычном и столь гуманном преступлении. Мы искали газету, но тщетно. Обращались с запросами в юридические учреждения, но не смогли найти следов подобного судебного дела.

И тут наконец мы поняли, что история вымышленная, что это, конечно, легенда, которая приняла обличье всамделишного случая.

Отсутствие реального жизненного прототипа сильно озадачило нас. Однако не настолько, чтобы мы отказались от самой идеи воплощения его средствами искусства. Короче говоря, в «Берегись автомобиля» основная сюжетная схема практически без всяких изменений была взята нами из жизни, вернее, из легенды.

Сразу же возникла проблема: в какое русло направить сюжет? То, что надо писать комедию, не вызвало сомнений. Но и комедия могла быть разной. Сначала думали – сделать нечто вроде вестерна. Автомобильные погони, немыслимые комедийные трюки, стремительность и динамика. Герой фильма – аля Робин Гуд. Как и подобает всякому благородному разбойнику, он совершал бы подвиги легко, непринужденно и победно. Словом, все шло к тому, чтобы создать лихой, но незамысловатый фильм во славу всеобщей добродетели и высшей справедливости.

Вестерн, как правило, жанр облегченный. Его положительные герои замечательны во всем, отрицательные изображены в одних черных красках. При такой трактовке, конечно, не могла идти речь ни о показе широкой социальной картины общества, ни о создании интересных, ярких характеров. И мы отказались от мысли сделать комедийный автомобильный вестерн. Попытались приспособить эту историю к другому. Захотелось поточнее взвесить традиционно общечеловеческие категории добра, зла, благородства, подлости, справедливости. Поэтому мы предпочли парадоксальные, извилистые ходы вглубь прямому движению по плоскости.

Наш герой – честный человек по сути, но по форме он жулик. Справедливый и благородный по первому впечатлению отставник – по сути махровый спекулянт. Следователь, которому подобает быть по долгу службы твердым, решительным и непоколебимым, позволяет себе иметь человеческие слабости, то есть на поверку оказывается очень мягким и добрым.

Такого рода перевертывание и выворачивание характеров, должностей и ситуаций встречалось в нашем сценарии довольно часто. Но, понятно, не ради забавы мы это делали. Мы стремились отделить формальные стороны каких-то жизненных явлений от их сущности. Для этого и потребовались эксцентрические приемы анализа действительности.

Больше всего хлопот нам доставил главный персонаж. По своей социальной сущности он, конечно, Робин Гуд. Но лепить образ очередного благородного разбойника не хотелось. Героя пришлось изобретать. Правда, не совсем заново. Мы опирались на известные традиции литературы и кино. Дон Кихот, чаплиновский Чарли, князь Мышкин – вот три составных источника нашего героя. Нам хотелось сделать добрую, грустную комедию о хорошем человеке, который кажется

ненормальным, но на самом деле он нормальнее многих других. Ведь он обращает внимание на то, мимо чего мы часто проходим равнодушно. Этот человек – большой, чистосердечный ребенок. Его глаза широко открыты на мир, его реакции непосредственны, слова простодушны, сдерживающие центры не мешают его искренним порывам. Мы дали ему фамилию Деточкин.

Как незвонкая фамилия, так и заурядная внешность героя должны были дезориентировать зрителя относительно преступных наклонностей самого персонажа. Мы придумали ему официальное занятие – страховой агент. Днем он принужден гарантировать возмещение тех убытков, которые будет наносить ночью.

Затем потребовалось заполнить в анкете нашего героя ту графу, которая свидетельствует о семейном положении. Поначалу думалось, что Деточкин женат, даже имеет детей, может быть, еще каких-то родственников. Но по мере того, как наш сюжет продвигался вперед, становилось всё более очевидным, что нормальное семейное положение не для Деточкина. Он из тех идеалистов, которые сначала пытаются устраивать общественную жизнь, а потом уже личную. Поэтому мы обрекли своего героя на одиночество. У него есть мать, в некотором роде вариант самого Деточкина, только на пенсии. Есть женщина, которую он любит, но не посвящает в свои подвиги на ниве справедливости. Она водит троллейбус, и их свидания происходят на остановках согласно расписанию движения троллейбусов.

Деточкин, конечно же, условная фигура, но не настолько, чтобы не вызывать реальных жизненных ассоциаций. Мы хотели поставить Деточкина на грани условного и безусловного, но так, чтобы в его реальность зритель верил.

Таким же образом обстоит дело с его психической полноценностью. С одной стороны, у него было сильное сотрясение мозга после аварии, с другой стороны, у него и справка есть, что он нормальный. Вот и думайте как пожелаете.

Он, если хотите, идеальный герой, который спущен с небес на прозаическую землю, чтобы обнаружить наши отклонения от социальных и человеческих норм. Деточкин - своего рода шкала человеческой честности...

Итак, наш первый с Брагинским киносценарий написан. Однако...

Редакторам Кинокомитета сценарий не понравился. Нам говорили: вообще-то сценарий интересный, но зачем Деточкин ворует автомобили? Гораздо лучше, если бы он просто приходил в ОБХСС и сообщал, что, мол, такой-то человек - жулик и его машина приобретена на нетрудовые доходы. Такой сюжетный поворот был бы действительно смешон и интересен. И потом, объясняли нам, в сценарии с Деточкиным полная путаница. Он положительный герой или отрицательный? С одной стороны, он жулик, с другой стороны, он честный. Непонятно, что с ним делать: посадить в тюрьму или не посадить? Короче, сценарий вызывал недоумение и недовольство. И тем не менее фильм под названием «Угнали машину» был запущен в подготовительный период. Велась кинопробы. На роль Деточкина мы утвердили Юрия Никулина, на роль следователя Подберезовикова - Юрия Яковлева. Однако незадолго до начала съемочного периода выяснилось, что цирк отправляется в многомесячные гастроли в, не помню уж точно, не то Японию, не то Аргентину. И Никулин тоже должен уезжать. А сценарий, между нами говоря, писался специально на него. Мы в процессе сочинения встречались с Юрием Владимировичем, читали ему первому новые

придуманные сцены. Одновременно с кинопробами Никулин начал учиться вождению автомобиля. Никого другого в этой роли мы представить себе не могли. И вдруг такой удар – исполнитель уезжает. Освободить Никулина от зарубежных гастролей могло только очень влиятельное лицо. В это время у нас появился новый министр, пришедший из ЦК КПСС, Алексей Владимирович Романов. Что он из себя представлял, нам было неизвестно. Но если кто и мог спасти нашу картину, то, конечно, только он. К нему-то я и отправился. Представился. Объяснил ситуацию. Романов сказал, что, прежде чем помочь, он хотел бы ознакомиться со сценарием. Это казалось вполне логичным. Сценарий был немедленно доставлен министру. А еще через несколько дней произошла вторая встреча.

Алексей Владимирович сказал, что сценарий ему показался плохим. В первую очередь в воспитательном смысле. Ведь после выхода подобной картины советские граждане примутся угонять автомобили, фильм будет поощрять дурные инстинкты. Поэтому он не только не станет звонить в «Союзгосцирк», освобождать Никулина от гастролей, но и вообще остановит производство нашей ленты. Под предлогом того, что картина осталась без исполнителя главной роли, Кинокомитет картину «законсервировал». «Консервация» – это такая своеобразная форма, когда производство фильма временно останавливают. Но мы понимали, что нас, судя по всему, закрыли навсегда.

Брагинский и я очень расстроились. Зато потом мы благодарили судьбу, что случилось именно так! Если бы фильм не закрыли, мы бы никогда не додумались писать прозу. А тогда нам стало жаль потерять сюжет, и один из нас сказал: «Не попробовать ли нам написать о Деточкине повесть?» И другой начал: «Читатели любят детективные романы. Приятно читать книгу,

заранее зная, чем она кончится. И вообще лестно чувствовать себя умнее автора...»

Четыре месяца мы потратили на то, чтобы по готовому сценарию, где были разработаны все коллизии и характеры персонажей, написать прозаическое произведение. Мы поняли, что проза нуждается в тщательной работе со словом, а юмористическая проза особенно трудна, потому что не терпит словесных оборотов, выражений и описаний, которые находятся вне комедийного жанра. Любая авторская ремарка, изображение пейзажа или обрисовка внешности героя, прослеживание действия требуют жанровой интонации, максимальной спрессованности фразы, чтобы в результате вызвать у читателя смех или по крайней мере улыбку. А это очень тяжело!

В комедийном киносценарии или пьесе юмористическую нагрузку помимо сюжета и характеров несет главным образом диалог. Ремарки же подчас пишутся не то чтобы небрежно, но во всяком случае весьма упрощенно: «Иванов вошел», «Анна охнула», «Семен в отчаянии присел на стул». И это можно понять – ведь ремарки не произносятся артистами, а играют. В прозе же каждое слово читается. Там нет подсобных или вспомогательных фраз, какие, к сожалению, часто встречаются в кинематографической и театральной драматургии.

В дальнейших своих сценариях и пьесах мы с Брагинским пытались сделать смешной и описательную часть, а не одни лишь диалоги. Мы надеялись (может быть, тщетно!), что наши сочинения для кино и театра будут не только играть артистами, но и читаться публикой. Во всяком случае мы считали, что пьеса и киносценарий – полноценный вид литературы, не допускающий никаких скидок. И автор, пишущий для кино или для театра, обязан относиться к слову с такой же тщательностью и ответственностью, как и прозаик.

Короче говоря, несмотря ни на что, повесть «Берегись автомобиля» была написана и журнал «Молодая гвардия» принял ее к публикации. Нас это очень обрадовало.

Но главным достижением для нас с Брагинским было вот что: во время работы мы сообразили, что каждый из нас дополняет другого, и «постановили»: нам надо писать вместе.

Должен сказать, что встреча с Эмилем Брагинским, создание прозы, которая предшествовала постановке фильмов или пьес, имели в моей творческой судьбе поворотное значение. Если до этого я был режиссером, который воплощал на экране чужие идеи, сюжеты, характеры, то начиная с «Берегись автомобиля» я стал не только режиссером-интерпретатором, но и режиссером-автором...

«Если бы Рязанов был мудрее, - писал потом Брагинский, - то эта творческая встреча состоялась бы много раньше. Потому что на самом деле Рязанов и Брагинский познакомились давным-давно в доме кинорежиссера Анатолия Рыбакова. На Рязанова эта встреча не произвела ни малейшего впечатления. На Брагинского тоже. Рязанов теперь жестоко раскаивается в этом. Брагинский тоже. Из-за невнимательности, из-за отсутствия чуткости, неумения заглянуть в чужую душу пропало ровно десять лет! И оба знают - потерянных лет не вернешь! И позже Рязанов частенько встречал своего будущего соавтора и ни разу не схватил его за руку, вскричав при этом: «Пойдем напишем что-нибудь выдающееся...» Нет, Рязанов говорил: «Здорово!», или «Привет!», или «Как дела?» - и шел себе дальше, не дождавшись ответа...»

Нас с Брагинским частенько спрашивали: «А как же вы пишете вместе? Наверное, вдвоем сочинять значительно труднее, чем в одиночку? Литературное творчество очень индивидуальный, интимный процесс,

как же вы находите общий язык в прямом и переносном смысле?»

С самого начала работы наше содружество, как и всякая уважающая себя организация, приняло устав. Пункт первый – полное равноправие во всем. Вплоть до того, что работаем по очереди – день у одного, день у другого. От Совета Безопасности ООН мы позаимствовали право вето. Если одному из нас не нравится реплика, эпизод, сюжетный ход, даже отдельное слово – он накладывает вето, и другой не смеет спорить. Это очень важно для экономии времени и, кроме того, в окончательный текст попадает только то, что устраивает обоих.

Право вето действовало до последнего дня, ликвидируя на корню конфликты. Благодаря ему мы за тридцать пять лет совместной работы ни разу не поссорились.

Третье правило нашего устава – писать всегда сообща. Находясь друг против друга.

Если говорить о технической стороне работы – кто же именно водит пером по бумаге, то дело обстояло так: у Брагинского в кабинете один диван, у меня тоже один. Очень важно первому занять ложе. Тогда другой не имеет возможности лечь – некуда! И писать приходилось тому, кто сидит. Всем понятно, что писать в горизонтальном положении просто-напросто неудобно!

В юмористической литературе соавторство не такая уж редкость: Ильф и Петров, Масс и Червинский, Бахнов и Костюковский, Горин и Арканов. Очень трудно, находясь в одиночестве, сочинять смешное. Во время работы вдвоем всегда один из нас автор, а другой читатель. Причем эти роли ежесекундно меняются. Если, когда мы пишем, один засмеялся, значит, есть надежда, что в зрительном зале найдется хоть один человек, которому тоже будет смешно. Правда, бывает

и так, что автору смешно, а в кинозале – гробовое молчание.

Нередко интересуются вот чем: не жалко ли было каждому из нас отдавать сокровенные мысли, собранные наблюдения и находки в общий «котел» соавторства? Очевидно, для коллективной работы у обоих оказались неплохие характеры. Ведь сочинительство вдвоем – это умение уступать соавтору. Каждый из нас знал достоинства другого и старался не замечать его недостатков. Это тоже помогало нам избежать раздоров. Кроме того, ни я, ни Брагинский не страдали комплексом «ячества». Мы действительно не помнили, кто из нас что именно придумал, предложил, сочинил. Конечно, вкладывая в общий «котел» что-то очень личное, как бы «убиваешь» себя. Но никаких сожалений из-за подобных ежедневных, ежесекундных «самоубийств» мы не испытывали.

В свое время мы сочинили шуточную коллективную автобиографию. Вот она:

«...Эмиля Брагинского и Эльдара Рязанова связывает многое: во-первых, их имена начинаются на одну букву, а именно на «э» обратное; во-вторых, они появились на свет буквально друг за другом. Рязанов родился 18 ноября, а следом, 19 ноября, издал свой первый, но отнюдь не последний крик Брагинский. Правда, Брагинский заорал в 1921 году, тогда как Рязанов еще целых шесть лет пребывал неизвестно где и впервые возвестил о своем появлении лишь в 1927 году; в-третьих, Брагинского и Рязанова объединяет то, что они ни внешне, ни внутренне не похожи друг на друга. Жизненный путь Брагинского был богат и извилист: сначала непонятно зачем он учился, но не доучился в медицинском институте и почему-то окончил юридический. Потом... работал корреспондентом журнала «Огонек», а в свободное от службы время

написал пьесы: «Раскрытое окно», «Встречи на дорогах», «Наташкин мост».

Путь Рязанова был тоже не прям: по недосмотру педагогов он окончил режиссерский факультет киноинститута и снимал документальные фильмы. Затем, работая на киностудии «Мосфильм», Рязанов создал несколько игровых фильмов, которые ошибочно называют художественными: «Карнавальная ночь», «Человек ниоткуда», «Гусарская баллада»...

В 1963 году одинокие скитания будущих соавторов кончились. Они наконец-то встретились и написали повесть «Берегись автомобиля!». Во время совместной работы они вопреки ожиданиям не поссорились и решили продолжать в том же духе.

Так родился писатель с двойной фамилией: Брагинский-Рязанов. В последующие годы этот писатель сочинил повести и пьесы: «Зигзаг удачи», «Убийство в библиотеке», «Старики-разбойники», «Ирония судьбы», «Служебный роман», «Гараж», «Вокзал для двоих», «Забытая мелодия для флейты». В свободное от занятий литературой время половина писателя, а именно Рязанов, поставила (потому что половина!) по этим произведениям одноименные кинокомедии. Исключение составляет «Убийство в библиотеке». Этой вещи не удалось проскочить через цензуру.

Но поскольку писатель Брагинский-Рязанов любит не только кино, но и театр, он написал пять пьес: «С легким паром!», «Сослуживцы», «Родственники», «Притворщики» и «Аморальная история». Некоторые театры, некритически относясь к вышеназванным пьесам, играют их на своих подмостках...»

Попытаюсь рассказать на примерах работы с Брагинским, как протекает процесс выдумывания сюжета... Итак, мы решили сочинить вместе что-нибудь эдакое. Каждое утро мы с соавтором встречаемся. Один

из нас с надеждой смотрит на другого, думая, что тот сейчас скажет что-нибудь умное. В комнате висит длительная унылая пауза, тупые глаза соавторов шарят по стенам, внутри полное ощущение собственной бездарности. Наконец один произносит:

- Мне рассказали интересный случай.

Глаза второго загораются в предчувствии удачи: сейчас мы схватим сюжет за хвост, как жар-птицу. Но не успевает первый закончить свой рассказ, как глаза другого гаснут и он только выразительно машет рукой. Тем не менее эта новелла вызвала в мозговых извилинах напарника какую-то реакцию, что-то там зацепила, и он в свою очередь извлекает из недр памяти забавную историю, которая произошла с его знакомым. Эта история тоже не тянет на сюжет, но отдельные ее элементы можно использовать. Ежедневно соавторы совершают жуткое насилие над памятью, пытаюсь вспомнить занятные случаи, газетные статьи, анекдоты, фабулы других произведений (нельзя ли трансформировать так, чтобы никто не заметил?), судебные процессы, происшествия, фельетоны, истории из собственного прошлого...

Каждый день соавторы, как это ни странно, умудрялись придумать по несколько сюжетов, но, как правило, всех их браковали. Для этого есть множество причин. Во-первых, нужно, чтобы понравилось обоим. А это бывает крайне редко. Если одному сюжет не по душе - он хоронился, причем без музыки. Во-вторых, выяснялось: кто-то уже успел опубликовать нечто очень похожее. Здесь ужасно вредили эрудиция, образование, начитанность, привычка совать свой любопытный нос в печатные издания. Невежество в данном вопросе куда лучше, оно не обременяет. В использовании чужих сюжетов могло бы помочь также и отсутствие совести. Увы, мешало воспитание, данное родителями. В-третьих, к сожалению, необычайно была развита

самоцензура – часто это портило, губило острые, интересные замыслы.

К тому времени, как останавливались на каком-либо сюжете, мы отметали несколько десятков других. Процесс выдумывания или нахождения сюжета длился несколько дней, а мог тянуться месяцами. Этот этап совершенно неуправляем, и планирование здесь потерпело бы фиаско. Для нас выбор сюжета всегда был моментом особой ответственности. Ведь когда мы решались взять в качестве основы определенную интригу, то таким образом обрекали себя на несколько месяцев труда. И в случае ошибки все это время было бы потрачено впустую, а подобной нелепой бесхозяйственности, конечно, допустить невозможно. Как же все-таки рождается сюжет? Каждый раз по-разному...

О том, как мы нашли историю для «Берегись автомобиля», уже рассказано.

В основу «Зигзага удачи» лег действительный случай, рассказанный нам приятелем. Один сборщик членских взносов регулярно и тайно занимал деньги из профсоюзной кассы. От сбора взносов до сдачи всей суммы в районный профсоюз проходило около месяца. Эту щель сборщик и использовал. На собранные деньги он покупал облигации трехпроцентного выигрышного займа. Если облигации не выигрывали, он их продавал, а деньги приносил в районную профсоюзную кассу. Если же облигация выигрывала, он брал выигрыш себе, опять-таки возвращая нетронутыми деньги членов профсоюза, и все оставалось шито-крыто. Эта история послужила толчком для сюжета. Казус, на котором построена фабула «Зигзага удачи», заключался в том, что человек купил облигацию, а на нее пал выигрыш в десять тысяч рублей. Однако облигация приобретена на членские взносы всего коллектива фотографии «Современник». Так кому же принадлежит выигрыш?

Тому, кто купил облигацию, или всем пайщикам, внесшим членские взносы? Эта дилемма и становится пружиной драматических и комедийных событий в повести и фильме «Зигзаг удачи».

«Зигзаг удачи» рассказывал о том, как шальные деньги сделали славных людей злыми и алчными. Но надо отметить, что симпатии авторов оставались на стороне героев картины, людей обычных, небогатых, задуренных бытом и нехваткой всего, включая деньги. Сочувствие наше было, вероятно, инстинктивным.

Это потом мы твердо поняли, что бедность, дефицит, перебои со всем необходимым, нищенские пенсии озлобили людей, сделали нас хмурыми, желчными, не приветливыми, скандальными, угрюмыми. Наш национальный характер из-за социальных бед и несчастий изменился в худшую сторону.

В «Зигзаге удачи» авторский голос говорил: «Давно известно, что деньги портят человека. Но отсутствие денег портит его еще больше!..»

Иной раз отправной точкой для воображения может послужить какой-то анекдотический случай, происшедший в жизни. Так, например, возникла пьеса «С легким паром!».

Нам рассказали историю об одном человеке (назовем его Н.), который после бани забежал к приятелям. А там шумела вечеринка – справляли не то день рождения, не то годовщину свадьбы. Помытый, чистенький Н. усердно начал веселиться и вскоре, как говорится, «ушел в отключку». В компании находился шутник Б. Он подговорил разгулявшихся друзей отвезти на вокзал пришедшего из бани Н., купить билет на поезд, погрузить спящего в вагон и отправить в Ленинград. Так они и поступили. Во время всей этой операции Н. не раскрыл глаз.

Несчастный, ничего не понимающий Н. проснулся в общем вагоне на самой верхней полке поезда,

прибывшего в город на Неве, вышел на привокзальную площадь и обнаружил, что, кроме портфеля с веником и пятнадцати копеек, при нем ничего нет.

Мы с Эмилем стали фантазировать, что же могло произойти с этим недотепой в чужом городе, где у него нет знакомых, а кошелек пуст. Возникла мысль о сходстве домов и кварталов, об одинаковых названиях улиц в разных городах, о типовой обстановке квартир, о серийных замках, выпускаемых промышленностью. Нам показалось занятным запихнуть горемыку в такую же квартиру, как у него в Москве, и посмотреть, что из этого получится. Но тогда надо оставить его в состоянии «несоображения». Так придумалось путешествие в самолете – ведь за час полета человек не успевает прийти в себя. И вот наш герой – мы ему дали фамилию Лукашин – очутился в чужой квартире, в чужом городе. Нам не хотелось разрабатывать эту ситуацию как серию несуразностей, несоответствий, как эксцентрическую комедию положений. Хотелось повернуть анекдотическую завязку сюжета к разговору о важных проблемах, пропитать пьесу лирикой и создать объемные характеры героев. Тут мы родили героиню – хозяйку ленинградской квартиры, Надю Шевелеву. Сразу стало ясно, что естественный скандал, который должен вспыхнуть между Надей, увидевшей на своей тахте незнакомца, и Женей, уверенным, что он у себя дома, в конечном счете приведет к любви. Однако, если бы Женя и Надя были людьми свободными, не связанными ни с кем, эта ситуация напомнила бы игру в поддавки: авторы нарочно свели в одной квартире юношу и девушку, чтобы они мгновенно влюбились друг в друга. И тогда мы осложнили ситуацию. Мы «подарили» Жене невесту Галю, а Наде «преподнесли» жениха Ипполита. То есть мы поставили себя как драматургов в трудное положение: за одну ночь мы должны были заставить героев расстаться с прежними

привязанностями и полюбить друг друга. На этом этапе прояснилась и главная мысль пьесы, ее идея. Хотелось рассказать о том, как в суматохе дней, их суете и текучке люди часто не замечают, что не живут подлинными чувствами, а довольствуются их суррогатами, эрзацами. О том, как важно найти в жизни настоящую любовь. Хотелось протестовать против стандартов не только внешних – архитектура, обстановка квартир, костюмы, – но и внутренних. Протестовать против морального равнодушия и компромиссов, с которыми примиряются многие в жизни.

Для того чтобы мысль прозвучала рельефнее, доходчивее, надо было сделать и Надю и Женю постарше. Если бы эта история произошла между молодыми людьми, лишенными жизненного опыта, не знающими метаний, ошибок, она бы воспринималась иначе, можно было бы понять ее как очередной флирт или временное увлечение. Когда же героями оказались неустроенная женщина, уставшая от долгой несчастливой жизни, с думами о надвигающейся старости, и уже немолодой холостяк без семьи и детей, тогда все случившееся, как нам казалось, получило серьезный подтекст, стало ближе большинству людей. Мы стремились к тому, чтобы пьеса вызывала раздумья, заставляла зрителей соотносить сценическую историю с собственной жизнью. Но при этом мы не забывали, что пишем комедию, обязанную смешить. И еще мы сделали одну вещь: погрузили ситуацию в новогоднюю атмосферу. Это придало пьесе черты сказки, усилило лирическую интонацию, возник рождественский флёр.

Разработка этого сюжета предполагала плавное течение, большое количество точных подробностей и нюансов. Развитие фабулы можно было сравнить с подъемом по лестнице, где очень важно не перескакивать через ступеньки. Все время существовал

соблазн – поскорее влюбить друг в друга главных героев. Но это было бы упрощением и неправдой. Процесс освобождения Жени и Нади от прежних влюбленностей, переход от взаимной неприязни к обоюдной заинтересованности, рождение первой нежности, ощущение партнера как хорошего, близкого человека, угрызения совести по поводу внезапного «предательства» бывших жениха и невесты, чувственное влечение, возникшее от первых шуточных поцелуев, наконец, осознание, что пришла настоящая, главная любовь жизни, – все это требовало от авторов детального, неторопливого и психологически верного рассмотрения.

Как видите, от первоначального жизненного случая, послужившего поводом для создания сюжета, в пьесе «С легким паром!» остались лишь поход в баню и переезд героя в Ленинград...

В сценарии фильма «Вокзал для двоих» причудливо преломились и видоизменились истории, тоже случившиеся в действительности.

Ситуация, когда за рулем сидела женщина, сбившая человека, а вину принял на себя мужчина, бывший в машине пассажиром и любивший эту женщину, взята из жизни. Я знаю этих людей, но не буду называть их имен. Вторая история, толкнувшая нас на написание сценария, произошла с талантливым поэтом Ярославом Смеляковым. Судьба его при сталинщине сложилась трагически. Он трижды сидел в лагерях и смерть Сталина встретил за колючей проволокой. В 53-м году, после смерти вождя, заключенные ждали амнистии, ждали изменений и вохровцы. В лагере, где отбывал наказание Смеляков, режим чуть-чуть смягчился, и поэта отпустили навестить своих товарищей по несчастью Валерия Фрида и Юлия Дунского – будущих известных кинодраматургов, которые уже отбыли срок и жили на поселении в нескольких километрах от зоны.

Но к утренней поверке Смеляков должен был стоять в строю эков. Отсутствие его в этот момент считалось бы побегом, и срок отсидки автоматически увеличился бы. Обрадованные свиданием, надеждами на улучшение участи, бывшие лагерники и их гость хорошо провели время. Выпито было, вероятно, немало. Все трое проспали час подъема, и более молодые Фрид и Дунский помогали Ярославу Васильевичу добраться до лагеря, тащили его, ослабевшего, чтобы он поспел в срок к утренней поверке. Эту правдивую и одновременно невероятную историю мы слышали от непосредственных участников.

Вот эти два эпизода, а также давнее желание сделать фильм о вокзальной официантке стали отправными пунктами и привели к тому, что родился сценарий трагикомедии «Вокзал для двоих».

Когда я работаю без Брагинского, я ставлю иногда и драмы, например, «Жестокий романс», «Дорогая Елена Сергеевна» или «Предсказание». Но когда мы встречались для работы с Эмилем Вениаминовичем, мы всегда были верны комедийному жанру. Неважно, нацелились ли мы работать для театра, кино, телевидения или для издательства. И всякий раз, думая о том, чтобы читателю и зрителю было смешно и занимательно, мы тем не менее старались избегать чисто развлекательных комедий. Проблемные же комедии, как и проблемные драмы, рождаются, как известно, в тех случаях, когда авторы стремятся не уйти от реальных жизненных противоречий, а разобраться в них. Естественно, что комедиографам разбираться приходится своеобразно. Надеюсь, читателю ясно, что комедийное разрешение конфликта не имеет ничего общего с облегченным подходом к нему. Конфликт можно заострить драматически, а можно комедийно. Это уж зависит от того, что уместнее для данного сюжета, а также от наклонностей авторов.

Но и в том и в другом случае конфликт необходимо углубить, а не притуплять и не сглаживать. Только тогда можно рассчитывать на общественно полезный итог своей работы. Разумеется, сочиняя, мы не верили, что искусство и литература, высмеивая, могут сделать из дурака умного. По нашему убеждению, художники должны апеллировать не к совести бесчестного лжеца, не к человечности бездушного бюрократа, не к разуму дурака – они должны адресоваться к чувству юмора умного, порядочного, сердечного человека. Пародийный образ руководителя народного театра из «Берегись автомобиля» (в исполнении Евгения Евстигнеева) не уничтожит свой жизненный прототип, но, надеялись мы, поможет другим увидеть его таким, каков он на самом деле. Идеальный спекулянт, которого играет в том же фильме Папанов, не разбудит совести у реальных торгашей, но наверняка углубит представление о них.

На недобрых людей не только важно указать пальцем, важно их и обезвредить, сделав смешными. И сатирический перст в этом случае довольно сильное оружие. Иными словами, комедия призвана вооружать хороших, умных людей против чванливых глупцов, самодовольных корыстолюбцев, спесивых бюрократов, малограмотных нуворишей. Однако кроме едкой сатиры комедия может и должна подтрунивать над слабостями, недостатками, прегрешениями славных и добрых людей, посмеиваясь над ними без яда, без злости, но тоже достаточно определенно и хлестко.

И тут часто приходится слышать такие упреки: что же вы поставили умного человека в дурацкое положение и смеетесь над ним? Но ведь в дурацкое положение можно поставить именно умного человека. Дурак находится в нем всю жизнь...

А в 1973 году я снимал трюковую комедию «Невероятные приключения итальянцев в России», совместное детище «Мосфильма» и итальянской фирмы

«Дино Де Лаурентис». Работа с иностранцами неимоверно тяжела. Кроме всех тех проблем, которых хватает по горло в отечественном кинопроизводстве, здесь добавляется уйма новых. Необходимо найти с партнерами общий язык по огромному количеству вопросов. Баталии начались со сценария. При наличии очень разных идеологий, менталитетов, присущих итальянцам и русским, а также несхожих эстетических вкусов работа над литературной основой картины напоминала известную басню Крылова о лебеде, раке и щуке...

Вскоре после войны на наших экранах появились очаровательные итальянские персонажи; трогательные аферисты, наивные полицейские, плутоватые адвокаты, крикливые жены, пронырливые дети, симпатичные вагоновожатые, отчаявшиеся похитители велосипедов, озорные бедняки, тугодумные крестьяне, ловкие браконьеры и бескорыстные учителя. Шумные, бранчливые, экспансивные, многословные итальянки и итальянцы боролись за кусок хлеба, за место под солнцем, за любовь. Они шли по дорогам надежды, привлекая к себе сердца зрителей. Для меня неореализм стал откровением, открытием нового содержания в искусстве. Мне бесконечно нравились фильмы итальянских мастеров – они светились любовью к людям.

Не скрою, Эмилю Брагинскому и мне хотелось поработать с итальянцами, кое-чему поучиться, набраться кое-какого опыта. И хотя нас никто об этом не просил, мы в 70-м году сочинили заявку на сценарий комедийного фильма для совместной советско-итальянской постановки. Заявка называлась «Спагетти по-русски».

На киностудии сюжет понравился, и его направили в Комитет для рассмотрения. Но в Кинокомитете нам сказали, что итальянцы показаны нехорошо, в их

характерах много отрицательных черт. Необходимо переписать заявку так, чтобы итальянцы стали положительными.

И тут мы, признаюсь, дрогнули. Мы всю жизнь выслушивали перестраховочные замечания редакторов, что нужно советских героев делать более образцовыми. Но лакировать итальянцев? Это переполнило чаши нашего терпения. Тем паче мы вовсе не считали, что герои «Спагетти по-русски» – мерзавцы. Наоборот, это были очень симпатичные, обаятельные и бедные мошенники. Но ничего не поделаешь, заявка не понравилась. Затея была похоронена, и мы о ней забыли.

Но тут вмешался случай. После постановки Сергеем Бондарчуком «Ватерлоо» фирма «Дино Де Лаурентис» осталась должна «Мосфильму» кругленькую сумму с большим количеством нулей. Поскольку хозяева фирмы родились в Неаполе, они не торопились отдавать эти деньги. «Дело в том, – говорили наши партнеры-неаполитанцы, – что банк уже закрыл счет фильма «Ватерлоо». Для того чтобы вернуть долг, нам нужно затеять новую совместную постановку с «Мосфильмом». И фирма предложила сделать комедию, несложную в постановочном смысле. «Мосфильм» был полон желания сотрудничества (да и деньги надо «выручать»), поэтому предложение фирмы приняли.

Заявку «Спагетти по-русски» извлекли на свет Божий. За это время в Комитете сменилось руководство (вместо А.В. Романова пришел Ф.Т. Ермаш, как и все министры кино, – из ЦК КПСС), и к нашему замыслу отнеслись благожелательно. Нам предложили приступить к созданию комедии совместно с фирмой «Дино Де Лаурентис».

Из Италии приехали два автора – Франко Каstellано и Джузеппе Пиполо. Это были два красавца

баскетбольного, двухметрового роста, похожие скорее на киногероев, чем на сценаристов. Симпатичные, приветливые, обаятельные. С советской стороны над сценарием работали маленький Эмиль Брагинский и толстяк Эльдар Рязанов. Внешние данные были явно в пользу итальянцев. Перед нами встала задача компенсировать это неравенство.

Итальянские коллеги еще в Риме прочитали либретто и, как творческие личности, конечно, с ним не согласились. Вернее, они приняли наш сюжет за основу, но перелопатили его так, что родная мама, то есть мы, его не узнала. Соавторы привезли из Рима в Москву свой вариант.

И вот, имея перед собой две разные заявки, две пары сценаристов, которые никогда не были знакомы друг с другом ни лично, ни по фильмам, взялись за дело.

Нам – Брагинскому и мне – хотелось сочинить такой сценарий, который продолжал бы традицию фильмов «Полицейские и воры» или «Берегись автомобиля». Мы мечтали, чтобы роль Джузеппе, многодетного плута, исполнил Альберто Сорди, а роль милиционера Васильева – Иннокентий Смоктуновский. Мы намеревались рассказать о двух героях, которые находятся на противоположных сторонах жизни: один – авантюрист, другой – страж закона, один – итальянец, другой – русский, рассказать, как после целого ряда приключений они постепенно становятся друзьями.

Однако нашим соавторам такая установка казалась устаревшей и сентиментальной. Им виделась история более жесткая и, в общем-то, лишенная какой бы то ни было социальной основы. Они хотели создать веселую коммерческую ленту, наполненную аттракционами и трюками. Кроме этого главного разногласия выявилось и бесчисленное множество других.

За неделю пребывания Франко и Джузеппе в Москве нам удалось совместными усилиями разрушить как нашу, так и их заявку.

Когда наступило время расставания, мы с Брагинским обещали, что напишем новую версию сюжета и через месяц привезем ее в Рим.

Итак, итальянцы уехали, а мы принялись на руинах сочинять очередной вариант либретто...

Через два месяца прибыли мы в Рим. На следующий же день предстояла встреча с главой фирмы Дино де Лаурентисом. Его фирма являлась тогда в Италии одним из известных кинематографических предприятий. Здесь Федерико Феллини поставил «Ночи Кабирии» и «Дорогу». В этой фирме создавали фильмы почти все знаменитые итальянские режиссеры. Нам было интересно познакомиться с де Лаурентисом. Я лично никогда не имел дел с настоящим, живым капиталистом.

Мы входим в роскошный особняк, шествуем мимо швейцара и упираемся в витрину, уставленную всевозможными кинематографическими призами, завоеванными фирмой. Здесь и «Оскары», и «Премии Донателло», золотые и серебряные «Львы Святого Марка».

Пройдя таким образом соответствующую психологическую подготовку, мы - Эмиль Брагинский, директор картины Карлен Агаджанов, переводчик Валерий Сировский и я - попадаем в кабинет Дино де Лаурентиса. Хозяин сидит, положив ноги на стол. На подошве одного из ботинок медные цифры «42» - размер его обуви. Кабинет роскошный, огромный. Под ногами - шкура белого медведя, на стенах - абстрактная живопись и фотографии членов семьи патрона. При нашем появлении глава фирмы не поздоровался, не пожал нам руки. Он сказал только:

- Ну, в чем дело? Зачем вы сюда приехали? Что вам здесь надо? Кто вас звал?

С этой «ласковой» встречи, можно сказать, и началась наша работа над совместной постановкой.

- Я не допущу, - сказал я, обозленный хамским приемом, - чтобы с нами разговаривали подобным образом. Я требую немедленно сменить тон, иначе мы повернемся и уйдем. Мы приехали работать над картиной по приглашению вашего брата и заместителя Луиджи де Лаурентиса. И наверняка не без вашего ведома. Если этот фильм вас не интересует, мы завтра же улетим обратно.

Тут Дино переключил свою злость с нас на брата. И в течение двадцати минут между родственниками шла перебранка. Чувствовалось, что в выражениях не стеснялся ни тот, ни другой. Наконец шум начал стихать, и Дино заявил:

- Оставьте мне то, что вы написали, я прочту, и завтра мы поговорим.

Мы оставили нашу заявку и ушли.

На следующий день нас снова пригласили к де Лаурентису, и босс сообщил нам:

- Прочел я. Все, что вы сочинили, - мура! Итальянский зритель на вашу галиматью не пойдет. Меня это совершенно не интересует. Мне нужен фильм-погоня, состоящий из трюков. Вроде «Безумного, безумного мира». Если вы это сделаете, мы с вами сработаемся. Единственное, что мне нравится в либретто, - история с живым львом. Только это я бы на вашем месте и сохранил.

Когда мы вернулись в гостиницу, то находились в состоянии, близком к истерике. Я заявил друзьям, что работать над этой ерундой не стану. Меня трюковый фильм-погоня не интересует. Меня привлекают произведения, в которых есть человеческие характеры и социальные проблемы! Мне плевать на коммерческое,

развлекательное кино! Я хочу обратно в Москву. Эмиль был настроен на компромисс, на поиск точек соприкосновения.

Во-первых, говорил он, подписано государственное соглашение о сотрудничестве, а в нем, естественно, не указали такого нюанса, как жанр, в котором должна сниматься будущая лента. Во-вторых, своим отъездом мы перечеркнули бы трудные и долгие предварительные переговоры и отбросили бы все на исходные позиции. Да и о деньгах, которые итальянцы должны «Мосфильму», тоже приходилось помнить. Это была как раз та ситуация, когда требовалось наступить себе на горло!

Наступать себе на горло трудно и неприятно. Но мы с Эмилем нашли выход. Я с удовольствием наступил на его горло, а он с не меньшим удовольствием – на мое. Кроме того, не скрою, нас охватили злость и спортивный азарт. Мы решили доказать, что можем сочинять в жанре, как говаривали прежде, «комической» ленты, и попробовали влезть в «департамент» Гайдая. Мы не выходили из гостиницы несколько дней, пока не выдумали целую серию аттракционов.

Сам сюжет не подвергся принципиальным изменениям, но понемногу из него выхолащивались социальные и человеческие нюансы. Каждый последующий вариант становился более трюковым, более механистичным, постепенно характеры вытеснялись масками. То, чем нам пришлось заниматься, не свойственно нашей манере. Но чего не сделаешь, чтобы спасти Родине кругленькую сумму в конвертируемой валюте!

Понимая, что нужно привлечь партнеров масштабными трюками, которые им до сих пор и не снились, мы придумали ситуацию с посадкой самолета

на шоссе, эпизод с разведенным мостом, разработали в деталях всю историю со львом.

Наши итальянские соавторы прочитали новое либретто и одобрили его. И вот мы все вместе снова отправились к представителю крупного капитала.

Тот тоже похвалил наши выдумки, заявив, что мы стоим на верном пути. Но для того чтобы сюжет стал еще лучше, нужно обязательно добавить сцену, где герои кидают торты в лица друг другу. Оказывается, в какой-то американской картине подобная сцена очень рассмешила зрителей. Потом он приказал - я не оговорился, именно приказал - вставить в сценарий эпизод в ГУМе. ГУМ - огромный магазин, которого нет в Европе, и это произведет на итальянского зрителя должное впечатление.

Желая поскорее отвязаться от энергичного бизнесмена, мы согласились: ладно, подумаем про ГУМ и торты. Было постановлено, что мы расстаемся. Франко и Джузеппе по нашему либретто пишут свой сценарий, а мы - свой. Затем снова встречаемся в Москве и делаем сводный вариант.

Практически конфликт с Дино де Лаурентисом заключался не в идеологической трактовке произведения, а в жанровой. Продюсеру казалось, что трюковая лента соберет больше денег и принесет больше прибыли, нежели психологическая комедия, которая нам с Эмилем была значительно ближе.

Промучившись над первой версией сценария, мы отдали ее для перевода на итальянский язык и посылки в Рим. Сценарий уже утратил свое первоначальное название, «Спагетти по-русски», и стал именоваться «Итальянцы в России».

Через несколько месяцев Кастеллано и Пиполо прилетели в Москву со своей версией будущего фильма. Две недели ежедневной насыщенной четырехголовой и двуязыковой работы - и сводный вариант сценария

готов! На студии одобрили нашего совместного «ребенка». К всеобщему удивлению, он произвел неплохое впечатление и на братьев де Лаурентис. Наконец стало ясно, что комедии «Итальянцы в России» не избежать.

Время, проведенное в Италии, было для нас, конечно, счастливым. По субботам и воскресеньям наша маленькая группа отправлялась в экскурсии: Сан-Марино, Пиза, Ассизи, Флоренция, Римини, Перуджа и много других больших и маленьких итальянских городов прошло перед нашими глазами. Эмиль быстро схватывал разговорную речь – у него вообще были способности к языкам. Он недурно говорил по-немецки, знал весьма сносно английский, а потом освоил и итальянский.

Все мы, помня о чудовищном дефиците на Родине, носились по магазинам и рынкам, чтобы привезти какие-нибудь шмотки родным. У Ирмы – жены Эмиля – нестандартная фигура, и поэтому он ходил в магазин со шпаргалкой, где были указаны размеры жены, и портновским сантиметром. И каждую вещь тщательно измерял во всех параметрах, что давало нам повод для шуток. Но Эмиль никогда не обижался, да и шутки наши были беззлобны...

Хотя в этом сборнике публикуются в основном те сочинения, которые предназначались для кинематографа, мне бы хотелось вспомнить кое-что из нашей театральной писательской жизни.

Ибо любопытные истории приключаются не только в кинематографе, но и в театре. Сочиняя также и пьесы, мы с Эмилем довольно часто входили в обширные контакты с театральными работниками. Театр, как известно, сложный организм. Если съемочный коллектив создается для съемок одного фильма, а потом распадается, в театре одна и та же труппа существует десятки лет. В театре все знают друг про

друга всё. Недаром один шутник обозначил театральный коллектив как «террариум единомышленников».

Однажды нам позвонили из самого МХАТа (!) и сказали, что они хотят ознакомиться с нашей новой пьесой «Притворщики». Окрыленные, схватив два экземпляра журнала «Театр», где была опубликована пьеса, мы помчались в новое здание, которое соорудили для святыни русского театра. Заведующий литературной частью (не буду называть его фамилию) пьесу уже читал. Он сказал о ней добрые слова и попросил десять дней для того, чтобы руководство театра решило вопрос о постановке нашего детища.

– Через десять дней мы вам позвоним и сообщим, что постановил МХАТ в отношении «Притворщиков».

Во время беседы в кабинет заглянул сам главный режиссер МХАТа Олег Ефремов. Мы сердечно расцеловались, ведь мы работали бок о бок в картине «Берегись автомобиля», нас связывали теплые, дружеские отношения. В общем, Эмиль и я ушли из МХАТа, не чуя под собой ног от радости.

«Подумать только, может, наша пьеса будет поставлена на подмостках не какого-нибудь театра, а МХАТа! При этом не мы набивались со своей пьесой, а театр сам проявил инициативу. Нас пригласили, обласкали, попросили на размышление всего десять дней!.. Как все-таки прекрасна жизнь!» – думали мы с Эмилем.

Прошло десять дней, двадцать, два месяца, год, три года, пять лет! Нам никто не позвонил! Все эти годы мы так и прожили в неопределенности и ожидании! К сожалению, Эмиль этого звонка так и не дождался...

А вот другое приключение, тоже связанное с нашими «театральными встречами»...

После того как нашу пьесу «С легким паром!» отвергли многие московские театры, она наконец

нашла пристанище в стенах одного очень знаменитого столичного театрального коллектива. Я не стану называть этот театр и не советую ломать голову – все равно не догадаетесь. Читка «Легкого пара» на труппе прошла довольно успешно, пьеса была единодушно принята. В театре вывесили приказ о распределении ролей. Надю Шевелеву должна была играть Юлия Борисова, Лукашина – Юрий Яковлев, а Ипполита – Николай Гриценко. Он же собирался стать и режиссером спектакля. Хотел сделать из него яркое зрелище, подобно ставившейся в свое время на этих же подмостках «Принцессе Турандот» – озорное, с выдумкой, отсебятиной, танцами и куплетами. Был приглашен композитор – очаровательный Ян Френкель, своими усами смахивающий на Мопассана, и поэт Александр Галич, похожий на самого себя. Вместе с режиссером, композитором и поэтом мы наметили места в пьесе, где будут вставлены куплеты стюардесс, танцы дворников и прочие музыкальные дивертисменты...

Мы с Эмилем были просто счастливы, что наша первая совместная пьеса осуществляется талантливыми людьми на подмостках столь прославленного театра... А потом наступило лето, и театр уехал на гастроли. Затем артисты умчались в отпуска и на съемки. Мы тоже куда-то уезжали не то работать, не то отдыхать. Наступила осень, снова начался театральный сезон. Мы с Брагинским деликатно не беспокоили театр в полной уверенности, что там вовсю идут репетиции. Из театра нам тоже никто не звонил. Это нас не тревожило: мы понимали, что там кипит работа и пока не до нас. Мы были тогда очень наивны и верили во многое. Неожиданно раздался звонок из Московского театра имени Станиславского – нас приглашали для беседы. Главный режиссер Иван Бобылев, директор театра и парторг встретили нас очень сердечно. Они сообщили

нам, что театр намеревается поставить на своей сцене нашу пьесу «С легким паром!». Как мы на это смотрим? Мы были, естественно, польщены.

Я попытаюсь привести текст нашего дальнейшего разговора по возможности точно.

- Мы должны вас предупредить, что пьесу взял энский столичный театр, - сказал Брагинский. - Там уже репетируют.

- Значит, вы согласны ставить нас как бы вторым экраном? - спросил я.

- Энский театр давно отказался от вашей пьесы, - сказал Иван Бобылев. - Это всем известно.

- Как?! - вскричали мы оба.

- Уже месяца три назад, - пояснил директор театра.

Мы с Эмилем посмотрели друг на друга. Пауза оказалась довольно длинной.

- Они вам разве не сообщили? - поинтересовался актер Леонид Сатановский, тогдашний парторг театра.

Мы только промычали в ответ что-то невразумительное. Было, конечно, неприятно, что нашу пьесу отвергли. Это всегда болезненно. Но было нестерпимо, что мы узнали об этом от посторонних людей. В энском театре не нашлось ни одного воспитанного человека, который снял бы трубку и сказал:

- Извините нас, но так получилось, у театра изменились планы. Вы уж не обессудьте. Будем рады видеть вас как в качестве авторов, так и в качестве зрителей.

Или что-то в этом роде. Не такая уж трудная миссия, честное слово. Все равно нам было бы горько и обидно. Но, по крайней мере, мы не испытали бы чувства раздражения, не страдали бы от невнимания, небрежности, равнодушия, проявленных к нам. Тем более мы этого никак не заслужили... Иван Бобылев нарушил молчание:

- Соглашайтесь! Мы быстро вас поставим. И вообще, главный режиссер энского театра подарил вашу пьесу нам.

- То есть как подарил? - вскричали мы нестройным дуэтом.

- Мы с Евгением Рубеновичем старые друзья, вместе занимались в театральном училище, - пояснил Бобылев.

Это была интересная деталь, характеризующая нравы, когда чужую вещь (в данном случае пьесу) дарили без ведома хозяина (в данном случае нашего).

Руководители театра имени Станиславского, разумеется, не были ни в чем виноваты. Наоборот, они проявили чуткость к нам, внимание к нашему детищу, и им мы были только признательны. Правда, мы не отдали «С легким паром!» в труппу этого театра. Тогда было трудное время для коллектива. Из театра ушли Е. Леонов, Г. Бурков, ряд других актеров. Мы боялись, что спектакль может получиться посредственным, а нам не хотелось так дебютировать на московской сцене. Может, мы были несправедливы, и надо было рискнуть! Но, травмированные историей с энским театром, мы побоялись искушать театральную судьбу второй раз. И получилось так, что наша пьеса не была поставлена ни на одной сцене столицы.

Мы решили, что когда-нибудь, когда наступит черный день, я осуществлю экранизацию нашей пьесы в кино. И черный день наступил. В 1974 году у моего соавтора случился тяжелый инфаркт. Эмиль на год вышел из строя. Наша литературная работа прерывалась на долгое время. У меня неожиданно образовалось «окно». И тут я понял, что наступило время экранизировать «С легким паром!». Но это уже другой рассказ...

Если вдуматься, все на свете к лучшему. Мы должны быть благодарны энскому театру за проявленную

невоспитанность. Иначе, может быть, я никогда не поставил бы один из своих самых удачных фильмов...

Но, пожалуй, самая очаровательная театральная история случилась в очаровательную осень 1972 года. Мы с Брагинским жили в Дубултах, в писательском Доме творчества, и сочиняли сценарий об итальянцах в России. В это время в Ригу приехал на гастроли Псковский театр драмы. На гастрольной афише театра мы увидели название нашей пьесы «Сослуживцы». Это была приятная новость, и мы с Брагинским решили, что обязательно съездим в город, посмотрим спектакль. Почему получилось так, что мы не обратились к администрации театра, а просто купили билеты в кассе, я не помню. Но несомненно, этим нашим поступком управляла рука судьбы! Неслыханно, чтобы автор покупал билеты на свою пьесу. Это просто не принято! Обычно автор приходит в дирекцию театра, называет себя, его «хватает под белые ручки» и усаживают на лучшее место. А после спектакля предупрежденные руководством актеры начинают аплодировать, показывая на сидящего в зале сочинителя. И тот, как бы смущаясь, как бы не ожидая подобного подвоха со стороны исполнителей, выползает на сцену, жмет руку герою, целует ручку героине, аплодирует остальному ансамблю, делая вид, что он-то, дескать, ни при чем. Мол, все они, артисты. Это в достаточной мере отработанный ритуал.

Но мы пошли на свой спектакль непроторенным путем, то есть через кассу. Я тогда не вел «Кинопанораму», народ меня в лицо не знал и, слава Богу, пальцем не тыкал. Мы находились в театре, как говорилось ранее, инкогнито. Никто из труппы не подозревал, что авторы уже проникли в фойе. Мы купили красочную картонную программку, которую украшали шаржи на актеров, занятых в пьесе. Под каждой карикатурой были помещены стихотворные

эпиграммы. К примеру, под гротесковым портретом артистки В. Ланкевич, играющей Калугину, шли такие строчки:

Я – директор в учреждении,
Все работники у меня в подчинении.
И хоть «против» есть и «за»,
Зовут все мымрой (за глаза).

Актрис М. Романову и Т. Римареву, исполняющих роль Верочки, сопровождали следующие стихи:

Я секретарша Верочка, и задаю я тон.
У Веры для проверочки к услугам телефон.
По ультрамоде Верочка одета весь сезон,
И снится, снится Верочке не телефон, а он!

Под шаржем на артиста М. Иванова красовалось:

Я оптимист! Но робок немножко.
Два сына у меня и кошка.
Экономист решал задачу:
Как кошку прокормить и двух детей в придачу?

В программке указывалось, что авторами стихов являются два артиста, играющие роли Новосельцева и Самохвалова, а именно вышеупомянутый М. Иванов и Ю. Пресняков. Мы по наивности решили, что они авторы только эпиграмм. Но, как вскоре выяснилось, мы их недооценили. Во всяком случае уже по одному лишь виду программки становилось ясно, что зрителя ждет встреча с комедией, с веселым представлением. Когда мы просочились в зал и уселись на свои места, мы сразу посмотрели на сцену. Как известно, занавес в

современном театре давно отменили за ненадобностью, но в данном случае декорацию закрывало от глаз зрителя какое-то подобие занавеса. Над сценой висело огромное белое полотно (по-моему, были сшиты три простыни), на котором большими буквами было намалевано четверостишие. Его мы с Брагинским вроде бы не писали. Привожу стишок с той своеобразной пунктуацией, которая была принята в псковском театре:

Смехом, умей бить!
Смехом, умей видеть!
Смехом, умей любить!
Смехом, умей ненавидеть!

Мы догадались, что это, вероятно, эпиграф к спектаклю, который тоже сочинен двумя артистами. В том, что они писали вдвоем, мы с Эмилем не видели ничего плохого. В конце концов, мы тоже пишем дуэтом.

Далее простыня с эпиграфом уехала наверх и начался долгожданный спектакль. Сначала мы не могли понять, в чем дело. Играли, казалось, нашу пьесу. И действующие лица те же самые, которых мы сочинили. И говорили они как бы о том, о чем мы писали. Но что-то было не то! Мы не сразу поняли, что артисты играли нашу пьесу «Сослуживцы», пьесу, написанную прозой, пьесу, где мы долго бились над тем, чтобы диалог звучал как можно более разговорно, – так вот артисты играли ее в стихах!

Нашему изумлению не было границ! Мы переглянулись, чтобы убедиться, не галлюцинация ли это? Потом мы посмотрели на зрителей, которые, по нашим расчетам, должны были возмутиться, шикать, размахивать руками, свистеть, улюлюкать. Но нет, зрители внимательно и доброжелательно следили за

артистами, ожидая, как развернутся события дальше. Они ведь не подозревали, что вирши, которые изрекали действующие лица, сочинены не нами. И что мы, авторы пьесы, так же, как и они, зрители, слышим их сейчас впервые. Более того, с нами эти стихи никто даже не согласовывал. Мы находились в остолбенении! Эти два актера проделали невероятно трудную и, с нашей точки зрения, столь же бессмысленную работу! Мы, конечно, не могли объективно судить о качестве стихов, мы были слишком к этому не готовы. И нас можно понять. Однако нам эти стихи крайне не понравились! Но вдруг стихотворный текст кончился и послышались знакомые нам реплики. Пьеса потекла по привычному руслу. Мы стали успокаиваться, решив, что театр придумал этакий своеобразный пролог в стихах, а дальше пойдет все, как у нас. Но не тут-то было. Только мы расслабились и стали оценивать игру артистов, как вдруг постановка опять вскочила на поэтическую лошадь (кажется, ее звали Пегас). Актеры задекламировали в рифму. Смысл наших фраз был насильственно запихнут в стихотворный размер. Доверчивая публика сидела как ни в чем не бывало, думая, что так и положено. Захотелось вскочить, прервать спектакль, заорать, что мы этого не сочиняли. Но мы не посмели решиться на такой поступок! Мы вжались в кресла, стараясь сделаться поменьше, и покорились печальной судьбе. Спектакль шел то в стихах, то в прозе. Шел так, как хотел он, а не мы. Мы корчились, порывались уйти, но в конце концов покорились и заставили себя испить горькую чашу до дна. В антракте, стоя в очереди в буфет, мы повторяли друг другу особенно полюбившиеся нам стихотворные строчки. Вроде таких:

Самохвалов:

Как заместителю мне важно для карьеры
Созданье деловой и «нужной» атмосферы.

Не нужен мне оклад в четыреста рублей,
Мне нужен штат лишь из «своих» людей.

Прошли мы и через все круги второго акта. Спектакль, поставленный Вениамином Вениаминовым, наконец-то кончился. Зрители горячо аплодировали, представление явно имело у публики успех. Мы посоветовались, как нам поступить. Конечно, надо было немедленно идти за кулисы, устраивать скандал и запрещать это стихотворное графоманство. Но мы подумали: вот явятся два столичных автора, будут сердиться, нервничать, кричать, «топать ножками». А что толку? Спектакль идет уже второй сезон. Театральный Псков, вероятно, этот наш позор уже повидал. В провинциальных городах редкий спектакль держится на сцене больше двух сезонов. «Сослуживцев» все равно скоро снимут. И это безобразие кончится само собой. А два рифмоплета, которые, кстати, неплохо сыграли свои роли, вероятно, получают какие-то деньги за незаконное соавторство с нами. Что же это получится – мы залезем в их карман? А какие гроши получают актеры, в особенности в провинции, мы хорошо знали. Грабить артистов?! С нашей стороны это было бы нехорошо! Мы глубоко вздохнули, посмотрели друг на друга и понуро побрели к гардеробу, и сделали вид, что нас здесь не было, мы ничего не видели и, главное, не слышали, что мы ничего не знаем об этой «своеобразной» постановке...

Должен признаться, этот мирный финал леденящей душу истории – целиком заслуга Брагинского. Ибо у меня характер взрывной и вспыльчивый. И если бы рядом не было Эмиля, то неизвестно, чем бы эта история закончилась...

После фильма «Забытая мелодия для флейты» наши пути с Эмилем разошлись. Почти восемь лет мы не

работали вместе. Причем разошлись мы не из-за какого-то конфликта или ссоры.

Разошлись мы, пожалуй, из-за того, что наши творческие интересы стали не совпадать.

Кстати, я предложил Эмилю принять участие в работе над «Небесами обетованными», но этот материал его не заинтересовал. Эмиль отказался. Он в свою очередь предлагал мне свои проекты, но они не заинтересовали меня.

Однако это никак не повлияло на наши личные отношения. А когда осенью 1997 года мне пришел в голову сюжет новой комедии о любви, то я сразу же подумал:

- Это нам надо сочинять вместе с Эмилем.

Эмиль принял мое предложение с радостью, и мы стали писать «Тихие омуты». Оба волновались, как пойдет наша работа после столь долгого перерыва. Но, казалось, разлуки не было, как будто мы лишь вчера кончили нашу последнюю вещь. Почти полгода трудились мы над сценарием, сделали несколько вариантов. В апреле 1998 года сценарий был готов.

Когда мы работали над «Тихими омутами», Эмиль был в прекрасной форме. Ясность ума, чувство юмора, свежесть восприятия, игра воображения – все это было присуще ему в полной мере. Вообще трудились мы весело и дружно, пожалуй, как никогда, много смеялись сами, когда сочиняли перипетии, случившиеся с нашими героями. Хотелось, чтобы наше хорошее настроение передалось читателю и зрителю.

12 мая Эмиль уехал с Ирмой, своей женой, которая прошла с ним вместе долгий жизненный путь, в Бельгию и Францию. Он поехал не по делам, а просто так – отдохнуть, как говорят, проветриться, отключиться от работы.

А 26 мая после славной симпатичной поездки Брагинские прилетели в Москву.

Настроение у Эмиля было превосходное, он острил, легко шагая по шереметьевскому аэровокзалу. Около пограничного контроля, как ни странно, не было очереди. Эмиль протянул паспорт в окошечко девушке-пограничнице, пошутил с ней, забрал паспорт и пересек границу России. И вдруг внезапно рухнул и, не приходя в сознание, скончался. В Шереметьевском аэропорту нет службы «Скорой помощи», ее вызвали из Москвы, но было уже поздно.

Как-то несколько лет тому назад я отвечал на анкету, где был вопрос: «Как бы Вы хотели умереть?» Я ответил: «Мгновенно и на Родине». Эмиля настигла легкая счастливая смерть. Но, как и всегда, она оказалась преждевременной. Смерть поторопилась...

Эмиль очень ждал «Тихие омуты», связывал с этой картиной большие надежды.

По счастью, горькому, разумеется, он уже не знал, не ведал о тех муках, унижениях, просьбах и обманах, которые сопровождали нашу работу в подготовительном периоде фильма. Российское телевидение, обещавшее деньги на постановку, причем по собственной инициативе, все лето 1998 года кормило нас «завтраками» – мол, вот-вот вышлем деньги. Группа провела кинопробы, утвердила актерский состав, была выбрана натура, а потом произошло предательство. Причем «кинули» нас как-то особенно неинтеллигентно, как-то особенно мерзко.

Короче говоря, 27 августа 1998 года, в наш профессиональный праздник – День кино – мы, работавшие полгода без зарплаты («деньги вот-вот придут»), закрыли свою картину и бесславно разошлись. Каждый нес в душе горечь, обиду и сожаление об украденном у нас времени.

В сентябре 1998 года я сел за литературную редакцию нашего сценария, перевел его в жанр киноповести, чтобы он стал пригоден и для чтения. Мы

с Эмилем всегда так делали, только, как правило, после фильма. Ибо на съемках появлялись новые краски, реплики, порой даже ситуации – и все это включалось в литературную версию. На сей раз мне пришлось эту работу выполнять в одиночку.

А потом удалось раздобыть немного бюджетных денег – на летнюю натуру. Эти деньги шли два месяца – сентябрь и октябрь. Из-за финансового кризиса мы получили в три с половиной раза меньше того, что нам выслали, денег было просто «с гулькин нос» (я никогда не видел эту «гульку», но понимаю, что нос у нее крохотный!), да и пришли они лишь к первому ноябрю. Лето давным-давно кончилось. И тогда мы приняли решение снять в декабре 1998 года несколько интерьеров и две декорации к будущей летней натуре. Ибо сохранить деньги, чтобы они не превратились в ноль, в ничто до следующего лета, было невозможно.

В декабре мы приезжали с лопатами и деревьями на съемки. Расчищали снег, который был виден через окна в кадре, перекрывали его автобусом и искусственными березами. Артисты играли в летних костюмах и т. д. А потом деньги, а следовательно, и съемки кончились. Мы сняли около четверти метража картины, и сейчас снова продолжается «хождение по мукам»...

Однажды, во время работы над «Тихими омутами», Эмиль обмолвился, что если, не ровен час, с ним случится такая «крупная неприятность», как смерть, он просит меня выхлопотать ему место на Ваганьковском кладбище. Я ответил: «Конечно, конечно», – и тут же забыл об этом, ибо разговор был явно не актуален. Однако, когда случилось несчастье, вспомнил его последнюю просьбу. Дело в том, что Ваганьковское кладбище в центре города, поэтому с местами там всегда проблема. Но все утряслось, и последнее пристанище Эмиля находится именно там, где он хотел, совсем близко от могилы Булата Окуджавы.

Мы сочиняли вместе 35 лет. Случались перерывы в нашей работе, мы расставались, и я работал с другими соавторами, а он с другими режиссерами, но мы ни разу не поссорились. Споры случались очень часто, творческих несогласий, несовпадения мнений было сколько угодно. Вспыхивали и обиды, и взаимные претензии – как же можно прожить бок о бок тридцать пять лет без этого, – но ни одной настоящей ссоры, ни одного серьезного конфликта не произошло. И думаю, в первую очередь это заслуга Эмиля, ибо характер его – не конфликтный, не амбициозный, лишенный каких бы то ни было взрывов.

В свое время мы написали совместную шуточную автобиографию в цифрах. Цифры менялись в зависимости от прожитых лет, но суть оставалась. Вот эта автобиография в цифрах 1998 года:

«Писателю Брагинскому-Рязанову 147 лет. Хотя сам писатель, в сущности, моложе каждого из соавторов. Он родился лишь в 1963 году и прожил, следовательно, 35 лет. Первые слова, которые произнес этот литератор, были: «Берегись автомобиля». Писатель весит 179 килограммов. Его рост 346 сантиметров. По его сценариям поставлено 9 фильмов не только в кино, но и на телевидении. Писатель сочинил также 6 пьес и 11 иронических повестей. У писателя двое детей – мальчик и девочка (им 91 год) и двое внуков – девочка и мальчик (им 32 года). Писатель Брагинский-Рязанов работает только в комедийном жанре, непоколебимо убежденный, что юмор – кратчайший путь к сердцу зрителя или читателя».

Сейчас я остался с картиной один на один. Мне очень не хватает Эмиля. Некому позвонить накануне съемки и сказать: «Слушай, эту сцену сочинили две бездарности. Ее надо переписать заново!»

Не с кем посоветоваться, утверждать этого актера или актрису на главную роль или искать других

претендентов. И главное – я не смогу показать Эмилю готовую картину (если, конечно, она будет снята).

Наш последний совместный сценарий (действительно последний!) проходит сейчас трудный путь к производству. Впрочем, как и все кино в нашей стране. Когда тебе уже немало лет и кое-что тобой сделано, стоять в униженной позе с протянутой рукой – горько и оскорбительно.

Но я сделаю все, что от меня зависит, чтобы поставить эту ленту. И, снимая, буду думать о том, чтобы наше последнее совместное произведение стало достойным памятником моему другу и соавтору Эмилю Вениаминовичу Брагинскому.

Эльдар РЯЗАНОВ

Эльдар РЯЗАНОВ

О БЕДНОМ ГУСАРЕ ЗАМОЛВИТЕ СЛОВО

Annotation

«... Тут жандармерия перешла в атаку на армию:

- Дорогой Иван Антонович! Время-то сейчас трудное... В Европе - смуты, волнения, - Мерзляев перешел на шепот, - кое-где баррикады. Вредные идеи - они в воздухе носятся. Там выдохнули, здесь вдохнули... На кого государю опереться? Кому доверять? Только армии... Но, как говорится, доверяй, но проверяй...

- Ну, вы мой полк не марайте! Мои орлы не дураки! Газет не читают, книг в глаза не видели, идей никаких не имеют!

- Не надо перехваливать, Иван Антонович... Вот, например, получен сигнал: некий корнет Плетнев в одной компании вольнодумно высказывался.

- Да мало ли что спьяну сморозил?! Все болтают.

- Болтают все, - глубокомысленно заметил Мерзляев. - Не на всех пишут... А вот поставим его лицом к лицу с бунтовщиками - и сразу будет ясно, что за человек. Спьяну болтал или нет.

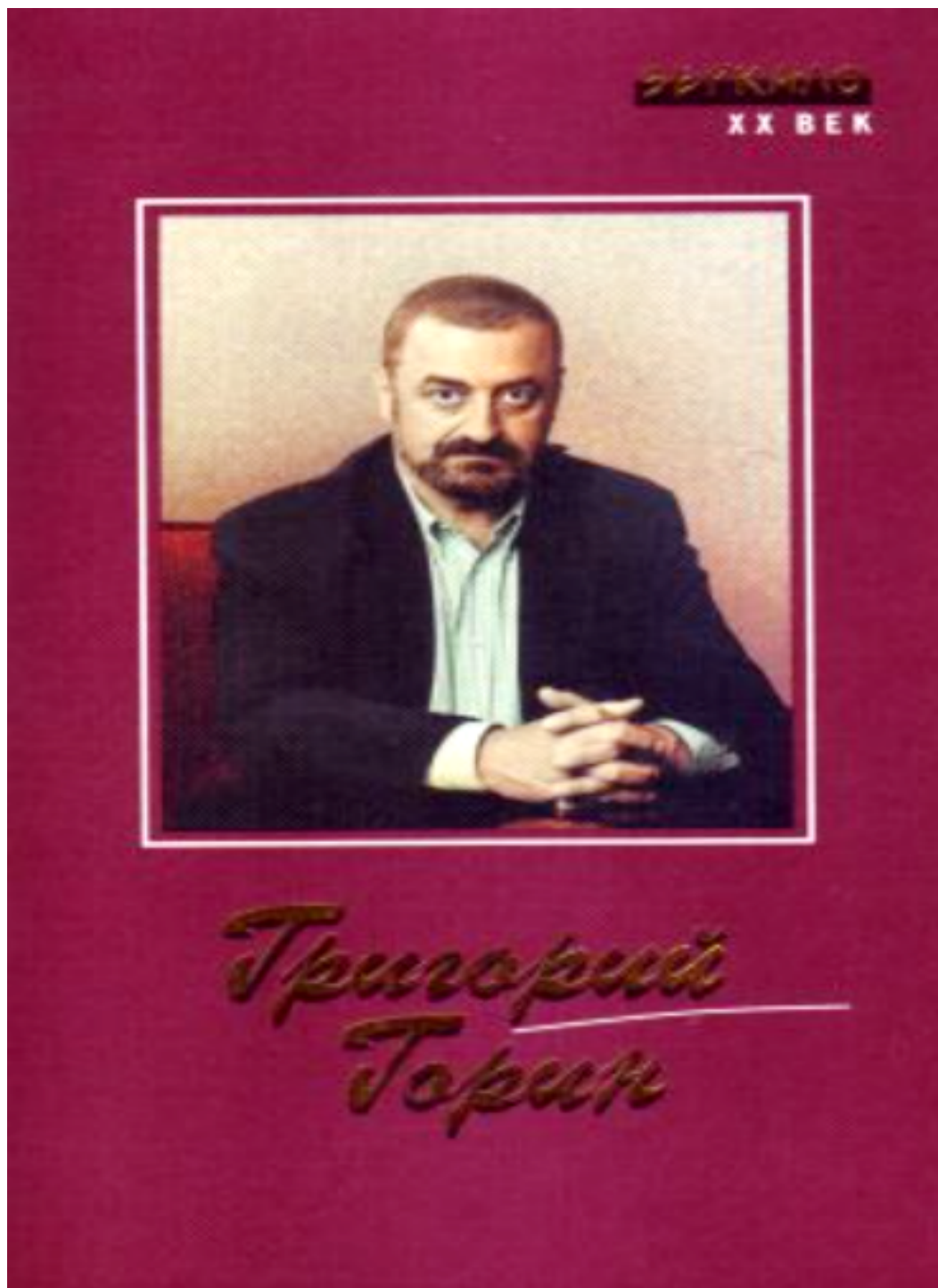
- Я за Плетнева ручаюсь как за себя!

- Дорогой Иван Антонович, - грустно сказал Мерзляев, - такое время - ни за кого ручаться невозможно... Вот, послушайте... Вроде бы птички Божии, а что позволяют. - Он свистнул, и попугаи немедленно отозвались: «Царь-дурак...», «Царь-дурак...», «Дурак!», «Долой самодержавие!»

Лицо полковника перекопилось. Мерзляев тоже несколько изумился новой формулировке попугая.

- Вот такие настроения витают не только в обществе, но и в природе! - подытожил Мерзляев, радуясь тому, что жандармерия в который раз одержала победу над армией. ...»

- [Григорий Горин](#)
 - [Первая серия](#)
 - [Вторая серия](#)
 - [notes](#)
 - [1](#)
 - [2](#)
 - [3](#)
-

Григорий Горин
О бедном гусаре замолвите
слово

Киноповесть, написанная
совместно с Эльдаром
Рязановым

Первая серия

«Это произошло лет сто, а может, и двести назад, так что очевидцев, скорее всего, не осталось... Поэтому никто не сможет упрекнуть нас в недостоверности» – эти слова принадлежали режиссеру, который на ходу давал интервью.

На съемочной площадке, как говорится, «смешались в кучу кони, люди»: шла подготовка к съемкам костюмного фильма. Грумер наклеивал актеру лихие гусарские усы. Костюмеры наряжали массовку в одежду горожан давно ушедшего времени. Консультант показывал, как гусары поили из кивера коней. На площадке, окруженный лошадьми, осветительными приборами, тонвагенами и лихтвагенами, стоял вертолет. К нему, заканчивая интервью, направлялся режиссер.

«История, которую мы хотим показать, не опирается на подлинные исторические факты. Она настолько недостоверна, что в нее нельзя не поверить».

Взревели винты. Вздрыбились лошади. Гусары схватились за кивера, не давая порывам ветра унести их. Вертолет взмыл в воздух... Остались позади залитые солнцем белые кварталы новостроек. Вертолет пролетал над великолепными пейзажами: реки, перелески, озера, поля. Полилась ностальгическая русская мелодия. Она как бы уводила нас из сегодняшних дней в давно минувшие. И вот перед нашим взором возникли снятые с высоты птичьего полета старинные дворцы, парки и замки. Кусково и Петродворец, Архангельское и Павловск, Марфино и Царское Село.

Продолжает звучать г о л о с з а к а д р о м:

«Эта история приключилась в то замечательное время, когда мужчины владели шпагой лучше, чем грамотой, и шли бесстрашно не только в бой, но и под венец; когда женщины умели ценить бескорыстную любовь и вознаграждали ее приданым; когда наряды были такими красивыми, а фигуры такими стройными, что первое было не стыдно надевать на второе.

Это было время, когда царь обожал свой народ, а народ платил ему тем же и еще многим другим.

Это было время, когда лучшие умы России мыслили, но молчали, поскольку им затыкали рты, а худшие говорили, хотя, между прочим, могли бы и помолчать...

Впрочем, может быть, все было и не совсем так. Если вдуматься, эта история – сказка, слегка приукрашенная правдой, если не вдумываться, – тем более...».

По проселочной дороге ехала снятая с вертолета черная карета, запряженная четверкой. Ее сопровождали два конных жандарма.

Г о л о с з а к а д р о м :

«Извините, что мы начинаем нашу комедию с эпизода, несколько непривычного для веселого жанра. Дело в том, что узника, которого везут в этой карете, решили отправить на тот свет».

Из остановившейся кареты двое жандармов вывели человека со связанными руками и черной повязкой на глазах. Жертва, как и полагалось для столь торжественного случая, была одета весьма эффектно: белая батистовая рубашка с кружевной оторочкой, распахнутая на груди, черные бархатные штаны и до блеска начищенные тюремным надзирателем сапоги.

Приговоренного подвели к крутому обрыву над рекой, на другом берегу которой в дымке утреннего тумана вырисовывался силуэт спящего русского городка...

Поручик приказал пятерым солдатам занять места, а священник подошел к приговоренному с протянутым для последнего поцелуя крестом. Однако смертник демонстративно отвернулся в сторону, и священник безучастно убрал крест себе за пазуху.

За всей этой церемонией наблюдал всадник – зловещая фигура в черном плаще.

Г о л о с з а к а д р о м :

«Разрешите представить вам одного из главных и активно действующих лиц. Для людей несведущих поясним: он одет в форму офицера третьего отделения. И в данном случае форма, как говорится, соответствует содержанию. Фамилия ему – Мерзляев».

– Наряд! – громко скомандовал поручик. – Ружья в изготовку! В преступника-бунтовщика, изменника царю, вере и отечеству, це-е-льсь!

Солдаты послушно подняли ружья, навели на жертву.

– Палачи! Сатрапы! Душители свободы! – гневно воскликнул приговоренный и тряхнул благородной головой.

Один из солдат дрогнул и опустил ружье.

– Степанов! – испуганно зашипел поручик. – Подними ружье, сукин сын.

– Не могу, – тихо сказал солдат. – Ваше благородие, это же свой... русский.

– Какой он тебе «свой»?! – снова зашипел поручик. – Сам под пулю захотел?

– Пускай! – вздохнул солдат и бросил ружье на землю. – Не могу!

– Из какой роты этот гуманист? – ласково спросил Мерзляев и сделал знак жандармам.

– Из пятой! – буркнул поручик и опустил голову.

Жандармы подошли к Степанову, привычным движением надели на него кандалы и отвели в черный экипаж.

- Продолжайте! - мягко попросил Мерзляев.

- Господин штабс-капитан, - нерешительно обратился к Мерзляеву поручик. - А может, сами скомандуете? Вам такие дела сподручней...

- Голубчик, - дружелюбно сказал Мерзляев, - кабы расстреливали офицера, ну, скажем, вас, я бы скомандовал. А с этим субъектом, думаю, вы и сами справитесь.

Поручик заскрипел зубами, сжал кулаки и вдруг остервенело крикнул: «Солдаты! Пли!!!» Грохнул залп. Расстреливаемый вскрикнул, пошатнулся и, став расстрелянным, скатился с обрыва.

- И все дела, - спокойно сказал Мерзляев. - Спасибо, братцы!

- По коням! - заорал поручик, и солдаты, стараясь не глядеть в глаза друг другу, быстро вскочили на коней и ускакали прочь.

Священник перекрестился, поднял полы рясы и тоже поспешно удалился.

Мерзляев тронул поводья, медленно подъехал к обрыву, глянул вниз. Убиенный лежал у края воды, широко раскинув руки...

- Вставай, карбонарий хренов! - брезгливо крикнул Мерзляев.

Расстрелянный ожил, стянул с глаз повязку, резко вскочил, но вдруг застонал, схватившись за колено.

- Ногу подвернул, ваше благородие, - пожаловался он.

- Сегодня плохо работал, Артюхов! - сказал Мерзляев. - Кричал ненатурально. Жестикулировал скверно... Надрался, небось, с вечера мошенник?

- Как можно, ваше благородие? - бормотал Артюхов, влезая по склону вверх. - Я перед работой - ни-ни... Никогда! Обрыв уж больно крутой... Нешто можно - живого человека на таком месте расстреливать?

- Пошевеливайся! - недовольно приказал Мерзляев. - Нам в соседний полк еще поспеть надо! - И добавил, обращаясь к жандарму: - Помоги-ка ему!

Затем Мерзляев тронул поводья и поскакал в направлении города.

- Прибавить бы за сегодняшнее дело, ваше благородие! - прокричал ему вслед Артюхов. - Кувыркаться-то сколько пришлось... Это уж, ей-богу, не расстрел, а мука!

- Почему вам платят? - спросил жандарм, помогая прихрамывающему Артюхову.

- Да ерунду... Тридцать гривен за расстрел. А сейчас пучок лука - пятак. У меня семья...

- Все-таки тридцать гривен - и ни за что...

- «Ни за что»? - возмутился Артюхов. - Да ты встань на мое место... Кричишь им всякие благородные слова в темноте, а у самого сердце екает. Вдруг какому обормоту пулю настоящую положили...

- Слушайте, а на кой всю эту комедию придумали? - спросил жандарм.

- Пентюх ты, Никита. - В голосе Артюхова прозвучала покровительственная нотка. - Государственное дело делаем! На мне люди проверяются: кто - за, а кто - против...

- А вешать вас не пробовали? - поинтересовался жандарм.

- Чего? - изумился Артюхов. - Ну, ты скажешь! Там же холостую петлю не сделаешь.

- Для вас и настоящей не жалко, - сказал жандарм. Но, увидев перекошенное лицо Артюхова, испуганно добавил: - Извините, господин тайный агент, шутю...

По селу бегут мальчишки,
Девки, бабы, ребятишки, —
Словно стая саранчи.

В трубы дуют трубачи!
Туру-рум!Ту-ру-рум! Ту-ру-рум!
Раздаются тары-бары:
«К нам приехали гусары!
Все красавцы усачи!
В трубы дуют трубачи!»
Туру-рум! Ту-ру-рум! Ту-ру-рум!

Под эту лихую песенку в город Губернск вступал гусарский полк.

Перед полком шагал военный оркестр во главе с капельмейстером, наявивая залихватский марш. Впереди на лихом белом коне гарцевал бравый старый полковник, лет эдак аж тридцати восьми. За ним, под звонкий цокот копыт, выплывали ослепительные майоры, волшебные штабс-капитаны, неотразимые поручики, восхитительные корнеты... Зеленые кивера с оранжевыми султанами, малиновые доломаны, расшитые золотом, серебряные ментики с меховой опушкой, атласно-голубые попоны под кавалерийскими седлами, в которых упруго размещались белоснежные панталоны с вшитыми в нужное место заячьими лапками, – одним словом, в город въехало все, что устрашало врагов и пленяло женщин.

А женщины города Губернска были не робкого десятка и шли навстречу опасности грудью вперед. На балконах, в распахнутых окнах домов, в витринах лавок и в оживленной толпе мелькали очаровательные локоны, манящие улыбки, завлекательные глазки и соблазнительные ножки – одним словом, все, что вдохновляет военных на штурм. Эту радостную картину не могли омрачить даже постные лица мужей, которые чувствовали себя ненужными на этом празднике жизни.

На углу главной улицы стояла черная запыленная карета, обляпанная грязью, из которой выглядывала

физиономия Мерзляева, светившаяся патриотической улыбкой.

- Орлы ребята! - с гордостью обратился Мерзляев к сидевшему в той же карете Артюхову, но, когда тот попытался высунуться в окно, Мерзляев резко осадил его:

- Куда! Болван! Ты свою рожу не афишируй...

Полк продолжал торжественное шествие по городским улицам. Когда гусары поравнялись с зоологической лавкой, в ее витрине показался ликующий хозяин с ликующими чадами и домочадцами. Каждый из стоявших держал клетки с попугаями.

- Нашему доблестному гусарскому воинству - у-ра-а! - закричал хозяин лавки и сделал знак домочадцам.

- Ур-ра! - закричали домочадцы.

Хозяин подмигнул попугаям и даже чуть присвистнул: «Фьють».

- У-ра! - один за другим закричали попугаи...

В заведении мадам Жозефины, несмотря на середину дня, ощущалось раннее утро: полуодетые, невыспавшиеся барышни причесывались, зевали, пили чай, слонялись из угла в угол.

Появилась взволнованная мадам Жозефина - элегантная француженка лет сорока.

- Мадемуазель! Большой радость!.. Темпераментный гусар вошел в город... Каникулы кончатся. Будет много работи... Требь ян! Требь ян!

Барышни вяло отреагировали.

- Тебе-то «требь ян», - проворчала одна из барышень, - а нам отдувайся...

- В деревню хотела отпроситься, - сказала девица по имени Жужу, - теперь, стерва, не пустит...

Барышни выползли на балкон.

- Все радуется, - потребовала Жозефина. - Общий виват!

- Виват! - вразнобой заорали барышни.

Гусары при виде жриц любви все как один повернули головы и сделали равнение на балкон. Галантный полковник отдал честь. Один из гусаров, Алексей Плетнев, пришел в радостное возбуждение, конь под ним совершил подлинный цирковой трюк: переступая ногами, почти танцуя, он вынес всадника к балкону, а потом, шаркнув копытом, сделал поклон.

Девушки взвизгнули от радости и зааплодировали.

Во дворе городского театра шла погрузка на подводы и фуры театральных декораций: передвижная драматическая труппа покидала Губернск в унылом состоянии. Выносили и складывали в ящики костюмы, реквизит, личные вещи.

Трагик Бубенцов влез на повозку и простер руки в направлении города.

- О Губернск непросвещенный! - заорал он. - О кладбище талантов! О скопище малограмотных плебеев... О... О... - Трагик на секунду задумался и затем спокойно закончил проклятие: - Чтоб вы все сдохли... Трогай, дочка, - добавил он, обращаясь к молодой девушке, сидящей на козлах. - Федор, открывай ворота!

Караван тронулся. Федор, один из артистов труппы, распахнул ворота, и сразу во двор ворвался грохот военного марша. В проеме ворот показались гусары.

Бубенцов замер.

- Стой, дочка! - заорал он через секунду. - Остаемся! Что у нас в репертуаре из жизни офицеров?

- Отелло, что ли, - неуверенно сказал один из актеров.

- Годится, - одобрил Бубенцов. - Злободневная вещица: красотка вышла за генерала. Роли расходятся? - Он деловито оглядел труппу. - Отелло - я,

Кассио – Марк, так... Яго – Федор. Вылитый Яго! Анна, ты сыграешь Эмилию, а ты, дочка, – Дездемону.

– Что вы, папенька! – побледнела Настенька. – Я же роли не знаю...

– Суфлер знает, – успокоил Бубенцов.

– Но ведь страшно... Господа офицеры... Как перед ними играть?

– Громко! – подытожил Бубенцов.

На центральной площади, возле здания городского театра, цвет Губернска готовился к встрече доблестного воинства. Держа в руках поднос с хлебом-солью, впереди всех стоял породистый губернатор с еще более породистой губернаторшей. Позади них толпилось менее породистое дворянство, духовенство и чиновничество...

Полк, продолжая свое победное вступление в город, появился на центральной площади, и вдруг случилось непредвиденное: прямо перед носом колонны через улицу, усыпанную цветами, пробежала отвратительная черная кошка.

Оркестр встал как вкопанный. Музыка сбилась и смолкла. Полк замер. Толпа затаила дыхание.

Торжественная процессия, во главе с губернатором и хлебом-солью, тоже остановилась.

Возникла неловкая пауза. Хозяева города и гости стояли друг против друга, не смея сделать рокового шага.

На мужественном, покрытом боевыми шрамами лице полковника Покровского мелькнуло секундное колебание. Но затем он трижды плюнул через левое плечо, вздыбил коня, выхватил клинок и скомандовал:

– За мной, ребята!

И на полном скаку первым пересек воображаемую опасную черту.

Полк ответил громогласным «ур-ра!» и поскакал за бесстрашным командиром. Оркестр вновь грянул марш.

Счастливая толпа завопила «виват!», в воздух полетели чепчики и другие части туалета...

Вечером театр города Губернска был и впрямь переполнен: офицеры пришли посмотреть на местных барышень и дам, а дамы и барышни пришли показать себя офицерам. В этой напряженной обстановке актерам было довольно трудно привлечь внимание к себе, поэтому они играли громче, чем обычно. За ходом спектакля следили лишь обреченные мужья города Губернска, тем более что на сцене бушевали страсти ревнивого венецианского мавра, заподозрившего свою жену в любовной связи с офицером, что делало трагедию как никогда актуальной...

Трагик Афанасий Бубенцов, вымазанный сажей, сверкая белками глаз, с помощью суфлера обвинял в неверности Дездемону, которую изображала его родная дочь Настенька.

- Сегодня я схватил ужасный насморк! - подавал текст суфлер, и Бубенцов, как громогласное эхо, оповещал об этом весь зал. - Как надоел! Подай мне твой платок!

- Вот он, - нежно сказала Настенька, услышав шепот суфлера.

- Нет! Тот, что подарил тебе я, - попугайствовал Бубенцов.

- Он не при мне.

- Нет?! - саркастически усмехнулся мавр.

- Нет, - простодушно ответила Дездемона.

- Нехорошо!

В этот драматический диалог неожиданно ворвался звук хлопнувшей двери - в зал вошел корнет Алексей Плетнев. (Поскольку он является героем нашего повествования, опишем его подробнее, тем более что

часть публики оглянулась и смотрит на него... Он молод, высок, строен. На его румяном лице, как два кинжала, торчат задиристые усы. Неправильные черты лица, нос картошкой, растопыренные уши не давали повода считать его красавцем, но он был хорош собой, черт бы его побрал!)

Ничуть не смутившись, корнет окинул хозяйским взглядом весь женский личный состав, пришел в восторг, послал несколько воздушных поцелуев в разных направлениях и стал пробираться к своему креслу, наступая на чьи-то ноги, ежесекундно громко выкрикивая «пардон!».

- Кто этот невежа? - спросил губернатор у сидевшего рядом командира полка. - Всего лишь корнет, а позволяет себе...

- Плетнев! Лешка! - В грубоватом голосе полковника послышалась гордая отцовская нотка. - Стервец!.. Герой! А в корнеты разжалован за дуэль.

- Дуэль была из-за женщины? - игриво спросила губернаторша.

- Разумеется, сударыня, - ответил полковник. - Из-за двух!

Жена губернатора посмотрела на Плетнева, потом перевела взгляд на мужа, вздохнула и грустно стала смотреть на сцену, где шла своя трагедия.

Дездемона секретничала с Эмилией. Суфлер подсказывал тему для беседы и той и другой...

«Д е з д е м о н а. Неужели в самом деле есть женщины, способные мужей обманывать так низко?

Э м и л и я. Без сомненья, немало их...

Д е з д е м о н а. А ты так поступить решилась бы? Когда б тебе давали хоть целый мир?

Э м и л и я. А вы бы разве нет?

Д е з д е м о н а. Нет! Никогда! Клянусь небесным светом!»

В голосе Настеньки Бубенцовой прозвучал пафос добродетели. Губернские мужья бешено заплодировали, одобряя эту целомудренную программу. Один из мужей даже вскочил и закричал: «Браво! Молодец, Дездемона!» В ту же секунду молодой гусар (в полку его прозвали Симпомпончик) привычным жестом сует записку его жене, та таким же привычным жестом сунула записку за корсаж... Муж уселся и высокомерно покосился на Симпомпончика – тот с подчеркнутым равнодушием смотрел на сцену.

Плетнев восхищенно уставился на Дездемону.

– Экий розанчик! – громко воскликнул он и ткнул локтем своего соседа, которым оказался штабс-капитан Мерзляев, одетый во фрак. – И давно она здесь?

– С начала пьесы, – пожав плечами, ответил тот.

– А я, дурак, опоздал! Хороша! Верно?

– Обворожительно! – согласился Мерзляев. – Шарман! Очень пикантна. В ней есть что-то такое... – И Мерзляев, наклонившись к уху корнета, шепнул: – Думаю после спектакля рискнуть...

– Тут либо думать, либо рисковать! – решительно сказал Плетнев, поднялся и пошел по ряду, вновь наступая на чьи-то ноги и прося прощенья...

Когда через несколько минут Настя Бубенцова временно покинула сцену, она наткнулась в кулисах на усатого верзилу с букетом цветов.

– Сударыня, разрешите представиться: корнет Плетнев! Очарован вами и, чувствуя прилив в душе...

– Извините, мне некогда! – сухо сказала Настенька и прошмыгнула в костюмерную комнату. Тут же без стука туда вошел корнет.

– ...и, чувствуя прилив в душе, – продолжал он начатую фразу, – почту за честь пригласить вас сегодня на ужин...

– Мне надо переодеться! – взмолилась Настенька.

- Ни в коем случае! Вы в этом платье... ну просто нимфа, - сказал Плетнев и уселся на стул.

- Пошел вон! - разгневалась Настенька и, увидев, что корнет не трогается с места, схватила рубашку и выбежала из костюмерной.

Через секунду, в одной ночной сорочке, она сидела на сцене в спальней комнате венецианского дворца, где по сюжету должна была состояться знаменитая сцена удушения...

- Кто здесь? Отелло, ты? - подсказал суфлер. И Настенька повторила этот вопрос, вложив в него всю необходимую гамму чувств.

- Я, Дездемона, - не стал отпираться появившийся Отелло.

- Что ж не идешь ложиться ты, мой друг? - Настенька протянула мавру зовущие трепетные руки... и обомлела. В суфлерской будке вместо старичка суфлера появилась усатая румяная рожа.

- Молилась ли ты на ночь, Дездемона? - поинтересовался мавр.

Настенька молчала, не в силах оторвать изумленного взгляда от суфлерской будки.

- Сударыня! - страстно сказал Плетнев. - Если вы верите в любовь с первого взгляда, она - перед вами!

- Вы с ума сошли! - прошептала Настенька.

- Не спорю, - согласился Плетнев. - И счастлив этим!

- Молилась ли ты на ночь, Дездемона? - повысил голос Отелло.

- Уйдите! - свирепо зашипела Настя корнету. - Я текста не знаю...

- Слушай, Дездемона, в конце концов: молилась или нет? - перешел на прозу Отелло и, перехватив полный ужаса взгляд партнерши, глянул в суфлерскую будку.

Плетнев приветливо помахал оторопевшему мавру рукой: «Миль пардон, господин арап, буквально

несколько слов, антр ну!» – И снова обратился к даме сердца:

– Сударыня, один ваш взгляд – и карета ждет у театра.

Зал, почувствовав некоторую заминку на сцене, впервые заинтересовался представлением. Воцарилась зловещая пауза. Актеры не знали, что делать.

– Дездемона! – вдруг закричал находчивый Бубенцов и, к изумлению всего зала, снял с ноги туфлю и запустил ее в суфлерскую будку. – Там – мышь! Там – мышь! – объяснил он свой странный поступок партнерше.

Туфля в ту же секунду, подобно бумерангу, вылетела обратно и угодила мавру в физиономию.

– Ах так! – взбесился мавр. – Ну, скотина, я тебе покажу! – Он подскочил к суфлерской будке и стал пинать невидимого залу Плетнева.

Публика зашумела, почувствовав, что трагедия развивается по новому, не предвиденному сюжету.

– Кого это он там? – простодушно поинтересовался Симпомпончик у мужа.

– Это гипербола, – снисходительно пояснил муж. – Неужели неясно?!

– Я понял, что гипербола, но ногами-то зачем?

Защищаясь от ударов, Плетнев дернул разъяренного мавра за ногу, отчего тот грохнулся на пол.

– Папочка! Ты ушибся! – закричала Дездемона своему чернокожему мужу, тем самым совершенно сбив с толку зал.

– То есть как «папочка»? – изумился губернатор. – Она – его жена!

– Это безобразие! Что вытворяют эти комедианты! – воскликнула жена губернатора, поднялась и демонстративно направилась к выходу.

- Терпенью моему пришел конец! Сейчас за все получишь ты, подлец! - неожиданно в рифму продекламировал трагик и, схватив со стены, висевший среди прочего оружия, лук, выпустил стрелу в направлении суфлерской будки.

Тут же раздался истошный женский визг: стрела угодила губернаторше в место, которое она только что оторвала от стула...

Коридор тюрьмы города Губернска. По коридорам хозяйским шагом двигался штабс-капитан Мерзляев. Конвоиры при виде офицера из Петербурга вытягивались во фронт.

Г о л о с з а к а д р о м:

«Разные профессии встречаются на свете. Профессией господина Мерзляева было наблюдать, надзирать, присматривать - одним словом, блюсти. Этому трудному, благородному делу он посвятил себя без остатка. Он служил не за страх и не за совесть, поскольку он не имел ни того, ни другого. Просто он любил это дело... Вот и сейчас, несмотря на раннее время, он исполнял свой патриотический долг. Исполнял его он в помещении тюрьмы, а именно в кабинете начальника этого общедоступного заведения».

Мерзляев открыл дверь кабинета. В кабинете на письменном столе стояли четыре клетки с попугаями, а в двух шагах от стола дрожал бледный от страха хозяин зоологической лавки.

- Извините, господин Перцовский, - сказал Мерзляев, усаживаясь за стол. - Все время отвлекают...

- Понятно, - подобострастно засуетился хозяин лавки. - Такой начальник из... столицы. Столько дел... Ни минуты покоя.

- Я рад, господин Перцовский, что вы меня пожалели, - усмехнулся Мерзляев. - Однако вернемся к

нашим баранам... - Он повернулся к клетке с попугаями. - Послушаем еще разок. Фью-ить... Фью-ить! - присвистнул Мерзляев.

Первый попугай немедленно захлопал крыльями и отозвался: «Царь-дурак!»

Второй подхватил: «Царь-дурак!»

Тут же включился третий: «Царь-дурак!»

Четвертый попугай пришел от этих криков в дикое возбуждение, заметался по клетке и заорал громче остальных: «Дурак! Дурак!» - и неожиданно добавил: «Долой царя!»

- Не виноват! - взмолился хозяин лавки. - Господин офицер, не учил я их этому... Ей-богу!

- Сами, что ль, додумались? - иронизировал Мерзляев.

- Я ж объяснял, ваша милость, я купил одну птицу на рынке...

- У кого?

- У мужика какого-то. С большой бородой. А этот попугай и научил всех остальных.

- Где ж зачинщик? - поинтересовался Мерзляев.

- Мужик, что ль?

- Попугай...

- Улетел, как назло.

- Бежал, значит, - усмехнулся Мерзляев. - Ну хорошо. Допустим: первый научил второго, второй - третьего... Я еще могу понять. Но вот этот-то мерзавец - он ткнул пальцем в клетку с четвертым попугаем, - он же не просто повторяет, он выводы делает!

- Не губите! - Хозяин лавки рухнул на колени. - Я старый, больной человек. У меня - астма. Господин штабс-капитан, я с этими попугаями не согласен! Хотите, я вам их на ужин зажарю?..

Бесшумно открылась дверь, в помещение на костылях вошел Артюхов, волоча забинтованную ногу.

- Ваше благородие, - сказал он, обращаясь к своему шефу, - к вам - господин полковник Покровский.

- Подождет, - небрежно бросил Мерзляев. - Я занят.

- Я доложил, что заняты, а он буйствует. Как бы тюрьму не разнес!

- Ничего, - усмехнулся Мерзляев. - У нас, слава Богу, тюрьмы крепкие. Не только полковников, генералов успокаивали. Ну, а вы, голубчик, - обратился он к несчастному хозяину лавки, - ступайте домой... Даю два дня, чтобы найти зачинщика...

- Где ж я его найду? - побледнел хозяин лавки. - Это ж попугай. Он, может, уже в Африке...

- Я не о попугае. Я о мужике, который его продал... А птички ваши покуда посидят у нас...

Хозяин лавки печально встал с колен, поплелся к двери, обернулся:

- Господин начальник, а ежели их кормить - они молчат.

- Это что ж? Намек? - тихо спросил Мерзляев.

Хозяин лавки понял, что усугубил свое горестное положение, и, схватившись за голову, выбежал из кабинета.

Как только за ним закрылась дверь, Артюхов жалобно произнес:

- Ваше благородие, завтра работать не смогу... Нога распухла. Болит, сил нет...

- Ты что? - Мерзляев встал из-за стола. - Срывать секретное предписание?! А кого я завтра к стенке поставлю?

- Поставить-то меня можно, - вздохнул Артюхов. - Упасть не смогу...

Мерзляев не успел ответить, как с грохотом распахнулась дверь и в кабинет кубарем влетел жандарм, выронив ружье, а следом, потирая ушибленную о физиономию жандарма руку, ворвался полковник Покровский.

- Я понимаю, когда из тюрьмы не выпускают! - прорычал он. - Но когда не выпускают, это - хамство!

- Дорогой полковник! - Мерзляев с радостной улыбкой поспешил навстречу Покровскому. - А вы двое - брысь отсюда! - турнул он Артюхова и жандарма. Те поспешно удалились. - Как я рад видеть вас в нашем доме.

Мерзляев сердечно протянул руку командиру полка, тот секунду поразмышлял, все-таки ответил на рукопожатие, после чего демонстративно и тщательно вытер собственную руку о собственные штаны.

Мерзляев заметил этот жест, но сделал вид, что не заметил, и продолжал любезно улыбаться.

- Ну вот что, господин Мерзляев. - Армия решительно пошла в атаку на жандармерию. - Я получил предписание оказывать всяческое содействие вашей тайной миссии. И как солдат обязан повиноваться! Но как благородный человек и дворянин не позволю из своих гусар делать палачей. У вас для этого жандармов предостаточно.

- Дорогой мой... - Мерзляев незаметно скосил глаза в бумаги. - Дорогой Иван Антонович, это не я изобрел...

- Надо ж додуматься! - продолжал кипеть Покровский. - Боевых офицеров на расстрелах проверять...

- А на чем же, дорогой? Не на танцах же...

- Это гадко! - крикнул полковник.

- Не спорю, - согласился Мерзляев.

- Отвратительно!

- Вы совершенно правы...

- Это подло!

- И я такого же мнения, - вздохнул Мерзляев. - Более того, его превосходительство, шеф нашего третьего отделения, тоже возмущен. По секрету добавлю: сам государь император пришел в негодование и порвал бумагу, но потом велел склеить и

подписал... Надо! Понимаете, Иван Антонович, надо! Все мы так: мучаемся, но дело делаем.

- А я как благородный человек и дворянин заявляю: поцелуйте меня в одно место!

- А я вам как благородный человек и дворянин заявляю, - повысил голос Мерзляев, - если отечество потребует, - поцелую!

Тут жандармерия перешла в атаку на армию:

- Дорогой Иван Антонович! Время-то сейчас трудное... В Европе - смуты, волнения, - Мерзляев перешел на шепот, - кое-где баррикады. Вредные идеи - они в воздухе носятся. Там выдохнули, здесь вдохнули... На кого государю опереться? Кому доверять? Только армии... Но, как говорится, доверяй, но проверяй...

- Ну, вы мой полк не марайте! Мои орлы не дураки! Газет не читают, книг в глаза не видели, идей никаких не имеют!

- Не надо перехваливать, Иван Антонович... Вот, например, получен сигнал: некий корнет Плетнев в одной компании вольнодумно высказывался.

- Да мало ли что спьяну сморозил?! Все болтают.

- Болтают все, - глубокомысленно заметил Мерзляев. - Не на всех пишут... А вот поставим его лицом к лицу с бунтовщиками - и сразу будет ясно, что за человек. Спьяну болтал или нет.

- Я за Плетнева ручаюсь как за себя!

- Дорогой Иван Антонович, - грустно сказал Мерзляев, - такое время - ни за кого ручаться невозможно... Вот, послушайте... Вроде бы птички Божии, а что позволяют. - Он свистнул, и попугаи немедленно отозвались: «Царь-дурак...», «Царь-дурак...», «Дурак!», «Долой самодержавие!»

Лицо полковника перекопилось. Мерзляев тоже несколько изумился новой формулировке попугая.

- Вот такие настроения витают не только в обществе, но и в природе! - подытожил Мерзляев, радуясь тому, что жандармерия в который раз одержала победу над армией.

На улице перед зданием городской тюрьмы Настенька Бубенцова пыталась уговорить караульного пропустить ее внутрь. Караульный, однако, был непреклонен.

Настенька пыталась сунуть караульному кредитку, тот оглядел кредитку и презрительно вернул ее...

Г о л о с з а к а д р о м :

«Тюрьма Губернска не входила в число достопримечательностей этого славного города: примитивное, безвкусное здание с решетками на окнах. Одним словом, тюрьма как тюрьма. Внутренняя отделка казематов тоже не радовала глаз. Но, в конце концов, не в этом дело. Как говорится, не место красит человека, а наоборот...»

Узник Бубенцов являл собой яркое пятно на фоне унылых тюремных сцен - ведь его привезли прямо со спектакля в мундире генерала Венецианской республики. Бубенцов старательно пытался стереть с лица сажу, заменявшую в те далекие времена грим.

- Ну как? - спросил он наблюдавшего за его стараниями тюремщика. - Очистился?

- Арапом быть перестал, - подумав, сказал тюремщик, - но и до русского тебе еще мыться и мыться... Сдавай!

Бубенцов взял колоду карт.

- Значит, так, - говорил мулат Бубенцов, мастерски тасуя колоду. - Мои сапоги против твоей табакерки.

- Табакерка бронзовая, - набивая цену, сказал тюремщик.

- Сапоги генеральские, - парировал Бубенцов.

— Сапоги-то поношенные, - скривился тюремщик.

- А табакерка занюханная, - отбрил Бубенцов.

- Сдавай! - вздохнул тюремщик.

Играли, естественно, в «двадцать одно», или попросту - в очко.

- Двадцать! - Тюремщик радостно открыл свои карты.

- Два туза! - ласково произнес Бубенцов и взял табакерку. - Хорош табачок, - добавил он, нюхая. - Теперь предлагаю так: моя табакерка против твоей сабли.

- Заключенному сабля не положена! - заупрямился тюремщик.

- Отдашь, когда выйду на свободу, - нашел выход Бубенцов.

- Если проиграю тебе саблю, меня ж посадят, - справедливо рассудил тюремщик.

- А ежели посадят, зачем тебе сабля? Заключенному сабля не положена.

- Тогда сдавай! - махнул рукой тюремщик, сраженный безупречной логикой партнера.

Карты были розданы, тюремщик попросил еще одну и с отвращением швырнул их на скамью:

- Перебор, чтоб ты сдох! - Рука тюремщика рванулась к сабле.

- Не торопись, - испуганно остановил его Бубенцов, - я ж сказал: потом отдашь, потом.

Заскрипела тюремная дверь. В камеру вошел здоровый детина с рожей, не предвещавшей ничего доброго. Это был тюремный экзекутор.

- Бубенцов! - пробасил он. - На экзекуцию!..

Тюремщик сладострастно захихикал:

- Ну, везунчик! Сейчас наш Степа за меня отыграется... Он из тебя краснокожего сделает.

- Позор! - завопил Бубенцов. - Пороть артиста! Дикость! Куда мы только идем?

- В подвал! - коротко ответил на этот риторический вопрос громила и поволок извивающегося Бубенцова из камеры...

Через несколько минут хромавший по тюремному двору Артюхов услышал нечеловеческие вопли, доносящиеся из подвала:

- Ой!.. Мама, мамочка! Больно!.. Сатрапы! Палачи!

Услышав знакомые слова, Артюхов остановился.

- Над кем это Степка работает? - спросил он у караульного.

- Актеришка какой-то, - равнодушно ответил тот.

- Славно кричит! - тоном знатока отметил Артюхов. - И сколько ему прописали?

- Полсотни...

В голове Артюхова неожиданно промелькнула мысль, что само по себе было событием довольно редким. Он вдруг заволновался и, сказав загадочную фразу: «Неэкономно кричит! Охрипнет!» - быстро заковылял к подвалу.

А в этот момент в подвале жертва и палач мирно сидели друг против друга. Бубенцов раскидывал карты.

- Значит, так, - шепотом говорил Бубенцов, - снимаешь еще десять ударов, а я ставлю камзол... - И внезапно во весь голос заорал: - Ой, мамочка моя! Убьешь, мерзавец! - И снова перешел на шепот: - Согласен?

- Сдавай! - прохрипел экзекутор.

Он жадно схватил две карты и потребовал:

- Еще!

- Убийцы! - заорал Бубенцов.

- Не ори в ухо, - рявкнул экзекутор и понизил голос:

- Карту давай, сука!

Бубенцов протянул карту.

- Девятнадцать!

- Мало! У меня - очко! - И Бубенцов открыл десятку с тузом...

- Убью, сволочь! - с искренней ненавистью сказал экзекутор, схватил розгу и, со свистом рассекая воздух, стал колотить ею по пустой лежанке: - Р-раз! Д-ва!.. Т-три!

- Сатрап! Живодер! Негодяй! - поставленным голосом вопил Бубенцов. - Мясник! Инквизитор!

На «инквизитора» Степан неожиданно обиделся:

- Ты ори, да знай меру!

- Извини! - шепотом сказал Бубенцов. - А «кровопийца» можно?

- Можно... Это многие кричат.

- Кровопийца! Изверг! - заревел Бубенцов и... осекся. Он увидел в дверях подвала Артюхова, который с нескрываемым восхищением наблюдал эту сцену. Степа обомлел.

- Ну брат, - завистливо сказал Артюхов артисту, - ты - большой талант. Тебя, милый, к стенке поставить - лучше не придумаешь!..

Поздний вечер. Перед особняком мадам Жозефины, освещенным интимным светом красного фонаря, толпились на привязи десятка два гусарских лошадей, ожидавших, пока отдохнут их лихие хозяева.

Г о л о с з а к а д р о м :

«Согласно статистике, в Губернске было изобилие магазинов, много церквей, видимо-невидимо трактиров, полно питейных заведений и одно заведение просто. Оно так и называлось: «Заведение мадам Жозефины». О заведении в городе шла дурная слава, и поэтому там не было отбоя от посетителей»...

Артистка Настенька Бубенцова не без робости приблизилась к этому злачному месту и, преодолев волнение, дернула шнурок звонка. Дверь заведения гостеприимно распахнулась, и на пороге возникла фигура швейцара. Увидев девушку, швейцар сделал строгое лицо:

- Мадемуазель, наше заведение только для мужчин!
- Мне надо войти! У меня срочное дело, - с нервной настойчивостью сказала Настенька.

- Жен, сестер, матерей пускать не велено! Дебоширят! - Швейцар попытался захлопнуть перед Настенькой дверь, но та выпалила:

- Подожди! Я наниматься пришла!

- Так бы сразу и говорила. - Швейцар взглядом специалиста окинул фигуру девушки. - Пожалуй, подойдешь... Мадам в зале. Ступай!

Преодолевая страх, Настенька вступила в притон разврата.

То, что она увидела, превзошло все ее ожидания, ибо она не увидела ничего особенного. В зале были обычные провинциальные «посиделки». За роялем сидел полковник Покровский, а несколько усталых барышень и не менее утомленных гусаров трогательно пели на два голоса протяжную песню. Возможно, эту:

Зима пронеслась, и весна началась,
И птицы, на дереве каждом звеня,
Поют о весне, но невесело мне,
С тех пор как любовь разлюбила меня.

Настенька дождалась конца куплета и попыталась тихо спросить у одной из барышень: «Извините, не могли бы вы сказать...»

Но последняя строчка, которую подхватили все, заглушила ее голос. Зазвучал второй куплет. Гусары и барышни голосили самозабвенно:

Шиповник расцвел для проснувшихся пчел,
Поют коноплянки в честь вешнего дня,
Их в гнездышке - двое, сердца их в покое,

Моя же любовь разлюбила меня!^[1]

- Извините, - прорвалась с вопросом Настенька, - где я могу найти корнета Плетнева?

- Лешку-то? - задумалась барышня. - Сегодня в двенадцатом номере. У Жужу. - И включилась в хор:

Зима пронеслась, и весна началась...

Настенька пошла по коридору, разглядывая номера комнат. Неожиданно Настеньку облапил неизвестно откуда взявшийся Симпомпончик.

- В наших войсках - новобранец! - с восторгом завопил он. - Симпомпончик, слушай мою команду: в комнату номер три шагом марш!

Настенька с размаху влепила ему пощечину. Офицер опешил, но боевая выучка взяла верх.

- Сабли наголо! - молодецкато гаркнул прапорщик. - В атаку на очаровательного противника галопом - м-арш!

Настенька в панике бросилась от него. С криком «ура!» прапорщик гнался за ней. Увидев дверь с номером «12», Настенька без стука влетела в комнату, заперла дверь на задвижку.

- Симпомпончик, сдавайся! - колотил в дверь прапорщик.

- Помогите, там пьяный! - взмолилась Настенька.

- А где ж тут трезвого найдешь? - невозмутимо ответила хозяйка комнаты Жужу. Она сидела перед свечой у маленького столика и мирно, по-домашнему вязала чулок. А в разгромленной кровати смачно храпел корнет Алексей Плетнев.

Увидев ненавистную усатую рожу, Настенька вспыхнула от гнева:

- Это он! Я узнала его. Его фамилия Плетнев?

- А кто его знает, - флегматично ответила Жужу. - У нас не полиция, фамилий не спрашиваем...

- Вставайте, негодяй! - Настенька решительно подошла к койке, начала трясти безжизненное тело. - Вставайте! Сумели напакостить - извольте отвечать за свои поступки!

- Жениться, что ль, обещал? - вяло полюбопытствовала Жужу. - Ты мужским вракам не верь...

- Вставайте, скотина! - трясла Настенька корнета. Ей наконец с огромным трудом удалось усадить его на постели.

- Откройте глаза!

Плетнев с трудом открыл один глаз.

- Симпомпончик, я жду! - слышался вновь страстный голос прапорщика из-за двери.

- Вы меня узнаете? - с отчаянием спросила Настенька Плетнева.

- Разумеется, сударь, - промычал тот. - Как сейчас помню, Дороховский редут...

- Я - актриса! - закричала Настенька. - Дездемона я. Вы нам вчера спектакль сорвали! Из-за вас папенька - в тюрьме...

- Симпомпончик! - настырно врывался в разговор из-за двери голос прапорщика. - Дездемона! Я - твой Ромео...

- Да замолчите вы! - крикнула Настенька прапорщику.

- С наслаждением! - согласился Плетнев и сделал попытку лечь.

Но Настя успела перехватить накренившееся туловище.

- Нет, негодяй, вам придется пойти в жандармерию и все рассказать!

- В жандармерию - никогда! - уперся полусонный Плетнев. - С жандармами - ничего общего! Гусь свиньям не товарищ! Они - свиньи, я - гусь!

- Тогда и я - гусь! - откликнулся из-за двери прапорщик.

- Ну и молодец! - сказал Плетнев невидимому собеседнику.

- И ты молодец! - не остался в долгу прапорщик. И снова вернулся к любимой теме: - Симпомпончик, иди сюда!

- Сейчас приду. - Плетнев рухнул на ложе и захрапел.

Настенька в отчаянии повернулась к Жужу:

- Как разбудить это животное?.. Из-за него отец страдает... Помогите, девушка!

Тронутая этим неожиданным обращением, Жужу ответила:

- Попробую!

Она полезла под кровать и достала запыленную боевую трубу.

- От улан осталась, - пояснила она Настеньке. - Меня ихний оркестр очень любил... Не знаю, получится ли. Давно не пробовала.

Жужу поднесла трубу к губам...

«Трум-турум-тум-тум-тум-тум!!!» - По заведению пронеслись призывные звуки боевой тревоги.

Тут случилось невообразимое. Плетнев в мгновение ока вскочил с постели и с непостижимой ловкостью впрыгнул в стоящие рядом с кроватью сапоги. Затем он просунул руку в рукав ментика и, издав гортанный крик, сиганул в окно. Настенька бросилась вслед за Плетневым, свесилась с подоконника и увидела леденящую душу картину: из всех окон выпрыгивали

гусары, попадая прямо в седла и стремяна. Барышни не успели опомниться, как заведение опустело.

- За мной, ребята! - провозгласил полковник Покровский, который был первым не только в бою.

Цокот копыт, ржание коней, пыль столбом... И выбежавшая Настенька услышала только удаляющиеся звуки залихватской гусарской песни:

Не плачь, сударыня, пройдут дожди,
Гусар вернется, ты только жди...

Утром следующего дня по живописным окрестностям Губернска медленно ехала открытая карета, запряженная парой гнедых. На козлах сидел жандарм, рядом, придерживая забинтованную ногу, примостился Артюхов. В карете на сиденьях расположились господин Мерзляев и артист Бубенцов.

- Может, там? - спросил Мерзляев у Бубенцова, указывая на опушку леса.

- Нет, - вздохнул Бубенцов. - Тут нужного настроения не создашь. Береза - дерево легкомысленное... Может, вы меня в дубовой роще шлепнете? Дать дуба хорошо у дуба! - Артист засмеялся собственному каламбуру.

- Капризничаете, господин артист, - поморщился Мерзляев.

- Ты, правда, кончай привередничать, - вмешался Артюхов. - Третье место меняем. В ельнике ему слишком мрачно, в березняке - весело. Ты, братец, не за грибами собрался. Один черт где!

- С кем вам приходится работать, господин штабс-капитан! - посочувствовал Бубенцов. - Дилетанты... Дурновкусица! Я - артист, милейший! - строго добавил он, обращаясь к Артюхову. - И смею сказать, хороший!

Меня декорации вдохновлять должны! Воспламенять фантазию!

- Так куда ехать? - встрял в разговор жандарм.

- Вон тот бугор с тремя соснами может подойти. В нем что-то есть. Как вы считаете, господин штабс-капитан?

Жандарм повернулся к Мерзляеву, тот кивнул головой, не сводя пронизательных глаз с артиста.

Карета свернула с наезженной дороги и покатила по полю.

(Как уже, наверное, догадался читатель, дело, которым были заняты наши персонажи, в современном кинематографе называется выбором натуры, то есть поиском места, где будет происходить действие.)

Карета въехала на бугор и остановилась у трех сосен. Бубенцов спрыгнул на землю, деловито стал осматривать «площадку».

- По-моему, местечко подходящее. Значит, здесь стою я, а где будут партнеры?.. Кстати, сколько их?

- Пятеро гусаров и офицер, - подсказал Артюхов.

- Ага... Значит, партнеров ставим там... Извините, штабс-капитан, я просто хочу понять мизансцену... Так... Они стоят там, я выхожу, гордо оборачиваюсь, кричу... Кстати, если рублик накинете, я могу и стихами. «Прощай, немытая Россия, страна рабов, страна господ, и вы, мундиры голубые, и ты, послушный им народ...»

- Стихами не надо, - жестко пресек декламацию Мерзляев. - Ваши выкрики мы уже оговорили!

- Как прикажете, господин начальник, - охотно согласился Бубенцов. - Значит, они целятся, я кричу, они дают залп... Кстати, извините за бестактность: а ежели они откажутся стрелять, что им будет?

- Офицера - в Сибирь, на каторгу, - пояснил Артюхов, - а рядовых - в шпицрутены, а если выживут - под пули, на Кавказ.

- А! Значит, дело серьезное, - задумчиво протянул Бубенцов. - Стало быть, играть придется с надрывом, в полную силу... - Он вдруг сжал кулаки, побледнел и, с ненавистью глядя на стоявших у кареты служителей порядка, крикнул: - Палачи! Сатрапы! Душителы свободы! Гниды жандармские, мать вашу так! - И неожиданно спрыгнув с бугра, побежал через кустарник.

Мерзляевцы оторопели. Первым пришел в себя Артюхов:

- Афанасий, куда?! Стой! Стрелять буду!

Бубенцов, не оборачиваясь, стремительно продирался сквозь кустарник.

- Если уйдет - заперю обоих! - пообещал Мерзляев.

Жандарм и Артюхов сделали несколько выстрелов по убежавшему. Одна из пуль, очевидно, достигла цели: Бубенцов схватился за плечо, повернулся к убийцам, лицо его исказилось, он хотел что-то произнести, но не смог и рухнул лицом в траву. Жандарм и Мерзляев поспешили к упавшему, за ними, на костылях, тяжело дыша, припрыгивал Артюхов. Когда они приблизились к телу артиста, оно неожиданно село и, улыбаясь, спросило:

- Натурально получилось? А? Я подумал: может, во время спектакля еще и побег устроим? Для убедительности!

- Ну... Ну, ты даешь... - Артюхов даже задохнулся. - Паршивец эдакий! Я ведь вправду поверил... Ну талант! Просто дар Божий. Не зря я тебя привлек к нашему делу...

- Значит, так, господин комендант, - сухо сказал Мерзляев. - Запомните: здесь вы не в театре, а на службе. И прошу таких фортелей больше не выкидывать.

- Я как лучше хотел, - оправдывался артист.

- Не надо «как лучше», - перебил Мерзляев. - Надо - как положено. Все! Место выбрано! Завтра крикнете, упадете, получите деньги... и вон из города.

- Договаривались - деньги вперед, - вставил Бубенцов.

- Хорошо, вперед, - согласился Мерзляев. - Но запомните: поскольку мы вам доверились, то если хоть одно слово кому-нибудь...

- О чем разговор! - Бубенцов был человеком смекалистым. - Я понимаю, с кем имею дело. Могила - в прямом и переносном смысле.

- Не фиглярствуйте, Бубенцов! - крикнул Мерзляев. - И потом - откуда появилась эта реплика про «жандармскую гниду»?

- Увлекся... - извиняющимся тоном сказал Бубенцов. - Я вообще люблю импровизацию. Не хотите, как хотите. В каждой труппе свои порядки.

- Марш в карету! - приказал Мерзляев.

- Слушаюсь! - радостно ответил Бубенцов и, напевая романс, небрежной походкой направился к карете.

- Ваше благородие, - робко сказал Артюхов, глядя вслед актеру, - хоть я его и рекомендовал, а теперь сомневаюсь... Ненадежный он какой-то... Не проболтался бы.

- Не проболтается, - заверил Мерзляев.

- Гарантии никакой...

- Дочка у него есть, - улыбнулся Мерзляев. - Вот тебе и гарантия. Приведи-ка ты ее сегодня ко мне.

Средь шумного бала случайно,
В тревоге мирской суеты
Тебя я увидел, но тайна
Твои покрывала черты... —

пел Бубенцов и восхищенным взглядом окидывал прекрасный, безмятежный пейзаж.

В то же славное утро на плацу перед казармами гусары проводили кавалерийские занятия: скакали через препятствия, рубили лозу, отрабатывали приемы джигитовки. Полковник Покровский, сидя на белом скакуне, с благодушной улыбкой наблюдал за питомцами. К командиру подскакал адъютант, круто осадил коня:

- Господин полковник, вам пакет от штабс-капитана Мерзляева.

Улыбка слетела с лица полковника, он сломал сургучную печать, прочитал послание и в сердцах выругался:

- Шпик поганый! Ребята-то все отменные, что он к ним прицепился? - И уже строгим голосом отдал приказ адъютанту. - Свиридова, Баташова... - заглянул в бумагу, - Лыткина... Симпомпончика... и корнета Плетнева - ко мне. Срочно!

Через секунду все пятеро гусаров остановили своих разгоряченных лошадей перед Покровским.

- Гусары... Значит, так... - нерешительно начал полковник. - Получено важное задание... В общем, завтра, в шесть утра... Как бы это лучше выразиться... - Полковник путался и от этого мрачнел еще больше. - А ну-ка, раз-зой-дись!

Гусары, недоуменно переглянувшись, отъехали.

- Ко мне! - гаркнул вновь Покровский, и гусары покорно вернулись. - Ну вот что, ребята. Мы с вами не на танцах, а вы - не кисейные барышни. Завтра на рассвете поступите в распоряжение жандармского штабс-офицера Мерзляева, а он вам скажет, что надо будет делать... Разойдись!

Никто из гусаров не тронулся с места. Пять пар глаз вопросительно уставились на полковника.

- Дело, значит, такое... - Полковника бесила роль, которую он вынужден был играть. - Завтра на рассвете по приговору... ну, в общем, шлепнете опасного бунтовщика... Или, может, и не бунтовщика, а наоборот... - И неожиданно рассвирепел: - В общем, кого скажут, того и шлепнете! Раз-зойдись!

Гусары не тронулись с места.

- Значит, на палаческое дело? - тихо спросил Плетнев.

- Нас почему выбрали? - спросил Симпомпончик.

- Что? Это они вас выбрали! - Полковник помахал бумагой с предписанием. - Вот тут... ваши фамилии. Болтать меньше надо. Распустили языки, шуточки разные крамольные... В общем, приказы не обсуждать! Разойдись!

Гусары повернули коней. Плетнев посмотрел исподлобья на командира и вдруг спросил:

- Разрешите продолжать учения, господин полковник?

- Продолжай! - ответил командир.

И в ту же секунду Плетнев, хлестнув коня, стремительно повел его на препятствие. Разгон. Прыжок. И на полном скаку Плетнев вылетел из седла, его тело описало замысловатую параболу и с размаху шлепнулось на крышу курятника. Крыша рухнула, в образовавшуюся дыру с громким кудахтаньем вылетели куры...

Над лежащим Плетневым склонились гусары. Сюда же подбежал взволнованный полковник Покровский.

- Лешка, ты живой? - испуганно спросил Симпомпончик.

- Живой, - довольно бодро ответил Плетнев, - но весь переломанный... - И поспешно добавил, обращаясь к полковнику: - Иван Антонович! Завтра в дело употреблен быть не могу!

- Понятно! - Полковник оглядел Плетнева. - А ну, все отсюда! Я его сейчас быстро вылечу!

- Иван Антонович, - испуганно предупредил Плетнев, - я весь переломанный.

- Пока еще нет! - угрожающе произнес полковник. - Ты что ж, симулировать?! Приказ не выполнять?!

- Приказ-то больно подлый, - заметил Плетнев.

- Что?! - побагровел полковник. - Или ты на самом деле вольнодумцем заделался, якобинцам продался?! Собственные мысли заимел?

- Откуда, Иван Антонович! Я бы этих бунтовщиков всех порешил бы, но в честном бою!

- Кретин! Тебе скоро должны эполеты поручика вернуть! У тебя вся жизнь впереди, а ты ее мараешь... Я за тебя поручился, слово дал... Потому что сыном считаю. Я память отца твоего, друга незабвенного, чту!. Он на руках у меня умирал, просил: Ваня! Лешку моего не бросай! Человека из него сделай!» А ты...а ты... - И по мужественному лицу полковника, как и положено его званию, скатилась скупая слеза.

- Иван Антонович... - Плетнев был потрясен, впервые в жизни увидев слезы на лице командира. - Да вы что? Да я ради вас... Ну простите, ради бога, дурака. Не домыслил! Действительно, зачем мне жизнь молодую ломать? Да я его завтра как комара хлопну!

Полковник сокрушенно покачал головой и задумался.

По сравнению с заведением мадам Жозефины тюремное заведение выглядело более пристойным, но здешняя тишина, деловитость и строгая пустота пугали Настеньку куда больше.

Бледная от страха, она шла по унылому тюремному коридору, а сзади нее хромал на костылях Артюхов, подсказывая путь:

- Налево, сударыня. А сейчас соблаговолите направо. А вот и дверь заветная. Тут вас господин штабс-капитан и примет. Кстати, барышня, если уж хотите помочь папаше, то постарайтесь понравиться господину Мерзляеву...

- Я постараюсь, - робко ответила Настенька.

- Если он на чем настаивать будет, не кочевряжьтесь.

- Вы что это - в дурном смысле? - вспыхнула Настенька.

— В нем! - как отрезал Артюхов.

- Да вы что? Я - порядочная девушка...

- Поэтому и говорю - не кочевряжьтесь! Прощу! - Артюхов распахнул дверь и впустил запуганную Настеньку в кабинет начальника тюрьмы.

За время хозяйничанья в нем Мерзляева кабинет несколько похорошел: на окнах появились занавески, в вазах стояли цветы, клетки с говорящими попугаями были заменены на аквариум с молчащими рыбками. А в центре комнаты стоял стол, накрытый на две персоны. Горлышко бутылки с шампанским зеленело в ведерке со льдом. В кабинете никого не было, и Настенька робко присела на краешек стоявшего в углу стула. Неожиданно послышалась нежная музыка. Распахнулась дверь, и два жандарма, пыхтя, втащили широкий диван.

Настеньку передернуло.

- Тут, что ль, ставить? - спросил один жандарм у другого.

- А кто его знает, где он предпочитает... Давай тут! - Жандармы прислонили диван к стене и, не обращая никакого внимания на просительницу, удалились.

(Настала пора появиться хозяину кабинета, и он появился. До сих пор нам было недосуг описать внешность господина Мерзляева, а она того стоила:

правильные черты лица, красивые серые глаза, гордый орлиный нос, волнистые волосы, стройная фигура – одним словом, он был весьма недурен собой, разрази его гром. Общеизвестная поговорка «Бог шельму метит» в данном случае не годилась, что свидетельствовало о том, что Бог и третье отделение смотрели на подбор кадров по-разному.)

– Сударыня, извините, что заставил вас ждать! – Мерзляев склонил свою красивую голову и поцеловал Настеньке руку. – Дел невпроворот! Не покладаю рук. Здесь ем, здесь сплю... Кстати, Настасья Афанасьевна, окажите любезность, разделите со мной скромный ужин старого холостяка. – Он жестом указал на накрытый стол.

– Господин Мерзляев, спасибо, что вы меня приняли.

– Какие пустяки! Это вы оказали мне честь! Богиня! Служительница Мельпомены снизошла до незаметного чиновника... Как сказано у Пушкина: «Я помню чудное мгновенье, передо мной явилась ты...» Это Александр Сергеевич, кажется, в ссылке написал, – разливая шампанское по бокалам, ворковал Мерзляев.

– Я по поводу папеньки, – начала излагать свою просьбу Настенька. – Была у судьи, в канцелярии градоначальника, все говорят, что это дело не в их компетенции... Что папенька якобы не случайно попал в госпожу градоначальницу, а... покушался!

– «Покушался»? – засмеялся Мерзляев. – Так прямо и сказали? Ха-ха... Ох и любят же у нас перегнуть палку!

– Чистое недоразумение! – радостно поддакнула Настенька.

– Ну, это как посмотреть! – Мерзляев неожиданно посерьезнел. – Он ведь не в студентишку какого-нибудь выстрелил, он попал в важную особу, да еще... в такое место, что дело приобретает эдакий, я бы сказал, сатирический характер.

- Он вообще не в нее целил! Он хотел попасть в офицера!

- Сударыня, - помрачнел Мерзляев, - думайте, что говорите! Значит, ваш папенька хотел убить защитника отечества!

- Я вам сейчас все объясню, - взмолилась Настенька. - В суфлерской будке во время представления появился пьяный офицер... В смысле - лицо... защитника отечества... и стало говорить...

- Что?

- Ну... Просто ерунду... В любви мне объяснялся.

- Это не по нашей части, - улыбнулся Мерзляев. - Любовь - дело полиции! А кто-нибудь еще видел этого офицера?

- Я и папенька!

- Больше никто? Плохо! Очень плохо, сударыня. Вряд ли вашему отцу удастся избежать наказания. Поверьте, я душой на вашей стороне, но как помочь? Прямо не знаю, с чего начать... Как подступиться к этому деликатному делу?

Мерзляев отхлебнул шампанское и зашагал по комнате, погрузившись в раздумья. Настенька поняла, что час расплаты пробил. Будучи любящей дочерью, она всхлипнула и начала боязливо расстегивать пуговицы на своем платье. Мерзляев заметил это движение и удивленно вскинул бровь:

- Вам жарко, сударыня?

- Нет, то есть да... - забормотала покрасневшая Настенька. - Душно... Скорее, холодно... В общем, я подумала... Вы же сами сказали: как подступиться...

- Что? Как вы могли такое подумать? - с искренним негодованием воскликнул Мерзляев. - Хорошего же вы мнения о нашем департаменте!

- Извините, я не хотела вас обидеть. - Настенька лихорадочно начала застегивать пуговицы.

- Неужели вы решили, что я - злодей, который воспользуется своим служебным положением? Если вам жарко, можете и расстегнуться!

Пальцы Настеньки остановились на полпути и после секундного колебания поползли вниз.

- Вы меня ранили в самое сердце! - с благородным пафосом продолжал Мерзляев. - Я знаю, нас не любят, не уважают, но зачем же так унижать?!

Пальцы Настеньки быстро поползли вверх, застегивая пуговики одну за другой.

- Девочка моя! - Мерзляев подсел к Настеньке. - Я ценю ваши дочерние чувства, это благородно, но, если вдуматься, до чего мы докатились! Вы бледны, вся дрожите... А меня вы пожалели? Ведь жертва здесь не вы, а я! У меня тоже, как ни странно, душа имеется. И я хочу, чтобы меня любили ради меня самого, а не за то, что я могу казнить или миловать... Ах, как я одинок, Настенька! Помните, у Лермонтова: «И скучно, и грустно, и некому руку подать в минуту душевной невзгоды...» Это Мишель просто про меня написал... Я вижу вокруг себя льстивые улыбки, низкие поклоны, дамские авансы, но это все не мне, а мундиру. Когда я увидел вас в театре, у меня закружилась голова... Она и сейчас кружится! Такого со мной не бывало! По-моему, это любовь!

Растерянная Настенька покорно потянулась к пуговкам.

- Нет! - закричал Мерзляев. - Не оскверняйте святого! Не здесь! И не сейчас!.. Завтра, после ужина! Я хочу дать вам время, чтобы вы успели меня хоть чуточку полюбить. Обещайте мне! Успеете?

- Попробую, - обреченно сказала Настенька. - А как же все-таки насчет папеньки?!

- Боже, как вы все меркантильны! Выпущу я завтра вашего родителя! Целым и невредимым! Но любить-то меня прошу не за это!.. Помните, как у нашего

незабвенного классика сказано: «А ты, невинная, ты рождена для счастья. Беспечно верь ему, летучий миг лови: душа твоя жива для дружбы, для любви, для поцелуев сладострастья!» – Мерзляев побледнел и неожиданно перешел на прозу: – Покиньте меня немедленно! Я могу с собой не совладать!

Он заскрежетал зубами и отвернулся. Настенька поспешно выбежала из кабинета. Оставшись один, Мерзляев еще несколько секунд задумчиво слушал музыку, доносящуюся из-за стены, потом вздохнул, взглянул на часы и, подойдя к двери в соседнюю комнату, приоткрыл ее.

В комнате музицировали двое: жандарм играл на скрипке, за роялем сидел человек в штатской одежде.

– Концерт окончен!

– Слушаюсь! – гаркнул жандарм. Он убрал скрипку в футляр и, обратившись к аккомпаниатору, скомандовал: – Встать! Руки назад! Шагом марш!

Пианист выполнил приказ и, позвякивая кандалами, тихо пошел впереди жандарма...

О бедном гусаре замолвите слово,
Ваш муж не пускает меня на постой.
Но женское сердце нежнее мужского
И сжалится, может, оно надо мной.
Я в доме у вас не нарушу покоя,
Скромнее меня не найти из полка,
И если свободен ваш дом от постоя,
То нет ли хоть в сердце у вас уголка? —

тихо напевал Плетнев старинный романс.

В зале офицерского клуба гусары коротали время. За ломберным столом играли в бридж, стучали бильярдные шары, дым от трубок плавал по комнате.

Около Плетнева за большим круглым столом сидели несколько гусаров с мрачными лицами. Несмотря на то что стол явно предназначался для трапезы, на нем не было ни тарелок, ни рюмок, ни бутылок, ни кушаний.

В залу вошел полковник Покровский, поздоровался с подчиненными, приблизился к столу.

- По какому поводу пирушка намечается?

Офицеры переглянулись.

- День рождения у Лыткина! - сказал наконец Симпомпончик.

- Поздравляю! - Полковник сердечно протянул руку.

- Благодарю, господин полковник! - Прапорщик встал, ответил на рукопожатие. - Только он у меня завтра...

- Чего ж сегодня собрались?

- Завтра не до того будет! - подавленно ответил прапорщик. - Завтра не день рождения - день смерти. Спасибо вам за подарок, господин полковник!

- Завтра поминки справлять, - вставил один из гусаров. - Утром шлепнем - вечером выпьем... Весело живем!

- Интересные учения придумали, - съехидничал третий гусар. - Стрельба по живой мишени...

- Так, понятно! - посерьезнел полковник. - Вы свои подковырки бросьте. Шутки для девочек поберегите, а то так подковырну... А ну, слушай команду: отдыхать, веселиться, дурь из головы выбросить! Плетнев, ну-ка, пошли, я тебя на бильярде обставлю.

Плетнев послушно отложил гитару.

- Даю десять очков форы! - сказал Покровский, намеливая кий.

- И без форы обойдусь! - Плетнев был настроен недружелюбно. - Почему играем?

- По три рубля! Разбивай...

Плетнев разбил пирамиду.

- Да... Чтоб не забыть, - как бы мимоходом сказал Покровский, целясь в шар. - Завтра на рассвете поедешь в тюрьму... Три очка в угол. Будешь конвоировать преступника к месту казни...

- Это еще почему? - взвился Плетнев.

- Играй! - прервал полковник. - Видишь, десятка на удар выкатилась...

- Я в охранники не нанимался! Хватит с меня и остального.

- Во-первых, не ори! Бей!

- Десять очков в середину! - пробурчал Плетнев. - Увольте, Иван Антонович...

- Этот якобинец, как я слышал, - понизил голос полковник, - очень опасный элемент... Играю дуплет в середину! Может инцидент случиться - вдруг налетят его сподвижники и отобьют. Потому и посылаю тебя на подмогу. Понял?

- Чего тут не понимать?

- И если ты его упустишь...

- Это я-то? - возмутился Плетнев.

- Не перебивай... Я говорю: если упустишь, понимаешь, что тебе будет?

- Да что вы заладили: «упустишь», «упустишь»!

- Ну, представь, что случилась такая невероятная штукавина - отбили его. Вникаешь?!

- Вникаю, - сказал Плетнев и тут же радостно воскликнул: - Пятнадцатого в угол!

- Плевать мне на пятнадцатого! - вскипел полковник. - Слушай, что я тебе вдалбливаю! Если во время схватки бунтовщик убежит, придется тебя наказать!

- Само собой, - согласился сбитый с толку Плетнев. - Только зачем вы мне это разъясняете? Сам понимаю, что мне тогда будет!

- Чего тебе будет-то, дурень? Ну, гауптвахты неделька. Ну, эполет поручика еще с годик не носить.

Зато своим проступком... некрасивым проступком, прямо скажу, пятно с полка снимешь. Товарищей своих от позора спасешь. Понимаешь, какой парадокс образуется? Ты вроде бы виноват, но молодец! С тебя что за спрос? Убежал бунтовщик - и убежал... Ты-то дрался как лев!

- А-а, - начал наконец мучительно соображать Плетнев. - А-а, в смысле... Стало быть...

- Я все думал, кому это рискованное дело можно поручить. Тебе доверяю!

- Так вы бы, Иван Антонович, так сразу и приказали!

- Я ничего не приказываю, - оборвал полковник. - Это дело совести. Можешь и не ходить.

- Как «не ходить»? - покачал головой Плетнев. - Вы мне доверились, а я в кусты? Не сомневайтесь. Не подведу! Как налетят эти вольтерьянцы, басурманы, французы поганые, так стоять насмерть буду... Пока тот не убежит!

- Темный ты, Леша, - улыбнулся полковник. - Ну откуда в этой губернии французы? Ты бы хоть книжку какую прочитал, а то прямо беда с тобой... Ты операцию продумай как положено. У тебя ночь впереди... Чтоб все чисто было. Себя не скомпрометируй...

- Комар носа не подточит! - заверил Плетнев. - А пятнадцатого кладу в угол!

- Клади, везунок! На подставках выигрываешь...

К бильярдному столу подошли четыре гусара.

- Господин полковник, разрешите обратиться. - Прапорщик протянул полковнику заготовленную бумагу. - Прошу принять рапорт с просьбой о переводе в другой полк.

- Так! - вздохнул Покровский. - Кто еще грамотный?

Оставшиеся три офицера сделали шаг вперед и протянули конверты.

- Хорошо! - сказал полковник, собирая рапорты. - Молодцы!

- А ты, Плетнев? - спросил прапорщик. - Ты ведь тоже хотел.

- Передумал! - потупившись, сказал корнет. - Уж извините, ребята...

- Тебе видней! - брезгливо сказал прапорщик. - Ты же у нас любимчик командира...

- Молчать! - заорал полковник. - Чистенькими хотите остаться? Знаете ли вы, сукины дети, что третье отделение вам персональную проверку устраивает? Да передай я эти рапорта по начальству, вас не то что в другой полк - вас сразу в роты арестантские... Только я этого делать не стану! - Полковник в сердцах порвал конверты. - Для того я над вами и командир, чтоб на столько дураков хоть один умный был! Отойдите от стола, не мешайте! И запомните, ребята: если в завтрашней мишени хоть одной дырки недосчитаются, вам всем повторную проверку устроят!.. Играю семерку - два борта в середину.

- Господин штабс-капитан, прибыл в ваше распоряжение для конвоирования преступника! - отчеканил Плетнев, стоя перед Мерзляевым.

- Фамилия? - спросил Мерзляев.

- Корнет Плетнев!

- Похвально! - произнес Мерзляев, с интересом изучая гусара. - Это что ж, сами вызвались? Или приказ?

- Приказ полковника! - доложил Плетнев и добавил: - Но и сам в душе готов!

- Одобряю! - сказал Мерзляев. - Подобное рвение у офицера не часто встретишь...

- Рад стараться! - оглушил Мерзляева корнет.

Эта верноподданническая сцена происходила ранним утром на тюремном дворе. Здесь же стояла черная карета с зарешеченными окнами, готовая отвезти узника к месту казни. Узник не заставил себя

ждать: он появился на тюремном дворе в сопровождении Артюхова. На Бубенцове был надет традиционный костюм смертника: белая батистовая рубашка с кружевной оторочкой, распахнутая на груди, черные бархатные штаны и начищенные до блеска сапоги. Наряд явно нравился приговоренному, он кокетливо поправил воротничок, чтобы выглядеть эффектнее, тем более что из окон тюрьмы на него смотрело множество глаз.

- Прощайте, друзья! - надрывно крикнул Бубенцов, обращаясь к заключенным. - Час вашей свободы близок! Позор тиранам!

- Да не ори ты, - тихо сказал Бубенцову ковылявший рядом Артюхов. - Зря стараешься, за это не прибавят.

- Не сбивай, дурак, - так же тихо ответил Бубенцов. - Я в образ вхожу.

- Вот ваш подопечный, господин корнет! - сказал Мерзляев, с едва заметной усмешкой наблюдавший за актером. - Опаснейший элемент. Вы с него глаз не спускайте!

- Будет исполнено! - гаркнул Плетнев.

Увидев знакомую усатую рожу, из-за которой и произошли все его злоключения, Бубенцов пришел в неистовство:

- Ага! И ты здесь, мерзавец! Смотрите все, до чего докатилась наша доблестная армия! Прислужник палачей, я тебя ненавижу!

Плетнев засопел, сжал кулаки и сделал шаг навстречу оскорбителю.

- Корнет, корнет, - остановил Плетнева штабс-капитан. - Наше дело требует выдержки! Уж коли назвались груздем... И прошу - в дороге без рукоприкладства. К месту казни извольте его доставить целым и невредимым.

Плетнев, бормоча что-то нечленораздельное, устремился в карету.

Проходя мимо Мерзляева, Бубенцов подмигнул и тихо спросил:

- Как я ему врезал? Убедительно?

Мерзляев усмехнулся и кивнул головой.

- Разрешите продолжать в том же духе?

- Продолжайте, - тихо сказал Мерзляев.

Получив одобрение начальства, Бубенцов вскочил на ступеньку кареты и истошно завопил, обращаясь к самому Мерзляеву:

- Прощай, жандармская крыса! Когда-нибудь ты нам ответишь за все! - Бубенцов дал такой подзатыльник Мерзляеву, что у того слетела фуражка.

Взобравшийся на козлы кареты Артюхов побледнел от страха. В окнах тюрьмы раздались аплодисменты. Бубенцов ответил тюрьме привычным актерским поклоном.

- Что стоишь? - взвизгнул взбешенный Мерзляев, обращаясь к Артюхову. - Пошел!

Плетнев схватил говорливого смертника за пояс и швырнул на сиденье.

Сопровождаемая аплодисментами карета выкатилась из тюремных ворот...

Вскоре тюремный экипаж ехал по живописным окрестностям Губернска. Утро было упоительным.

Узник находился явно в приподнятом настроении, и его можно было понять - не каждому выпадает счастье отдавать концы в такую дивную погоду и на таком шикарном ландшафте.

- Прощай, солнце! Прощайте, тучки! - изредка выкрикивал возбужденный артист и простирал руки сквозь решетки. - Прощай, речка! Никогда больше твои голубые воды не обнимут меня!

У Артюхова тоже было недурное расположение духа, он посмеивался над неумемной энергией

заключенного и мурлыкал песенку: «Солдатушки, бравы ребятушки, где же ва-аши жены?»

Лишь один Плетнев своим мрачным, подавленным видом нарушал этот идиллический вояж.

- Прощай, травушка росистая! - кликушествовал Бубенцов. - Не ступать мне больше по тебе босыми ножками!

Эта жалоба пронзила Плетнева до самого сердца. Он угрюмо посмотрел на пленника и протянул ему трубку и кисет:

- Закурить не желаете? Напоследок?

- От убийц не принимаем! - отрезал Бубенцов. - Табачком откупиться хочешь? Не выйдет!.. И запомни мое лицо, душегуб! Я к тебе по ночам являться буду! - Он сделал страшное лицо и взвыл, простирая руки к небу.

- Что вы на меня так взъелись, господин карбонарий? - побледнел Плетнев. - Я солдат, мне приказали... При чем тут я?

- При всем! - обличающе крикнул Бубенцов. - На ваших штыках держится трон тирана! Кругом взяточничество, воровство, беззаконие. Вельможи утопают в роскоши и пьянстве, а народ бедствует, голодает...

- Не все офицеры такие, - понизил голос корнет. - Есть и честные.

- Не смеди меня! - с пафосом воскликнул Бубенцов и сардонически засмеялся. - Ни стыда ни совести! Для таких, как ты, нет ничего святого: что человека убить, что спектакль сорвать...

- Какой спектакль? - с изумлением воззрился Плетнев на Бубенцова.

- Такой, - спохватился актер, поняв, что проговорился. - Вся жизнь - театр, а люди в нем - актеры...

- Это вы верно подметили, - восхитился Плетнев.

- Это не я, обалдуй! - схватился за голову Бубенцов. - Это - Шекспир! О безграмотность российская!..

Внезапно в ближнем лесу слышались выстрелы, выкрики, звуки трубы.

- Что это? - встрепенулся Плетнев и обратился к Артюхову: - Слышал выстрелы?

- Охота сегодня у господина губернатора, - безмятежно пояснил Артюхов. - Медведя егеря подняли.

- Вот иллюстрация к моим словам! - встрял Бубенцов. - Аристократы из прихоти... губят все живое! Что ему, есть нечего?

- Погодите! - оборвал Бубенцова корнет и с тревогой крикнул Артюхову: - Слушай, а вдруг это сподвижники карбонария... Нашего? Освободить хотят?

- Испугался? - злорадно воскликнул Бубенцов. - Да, голубчик, это они, мои сподвижники. Они отомстят! На обломках самовластья напишут наши... понял, палач? - наши, а не ваши, имена!

- Ты ври, да знай меру! - осадил распоясавшегося мятежника Артюхов. - Мы твоих сподвижников давно пересажали.

- Всех не посадишь! - упорствовал Бубенцов.

Неожиданно Артюхов выругался. Карета встала. Плетнев выскочил из экипажа. Поперек дороги лежало могучее дерево, преграждая путь.

- Это еще откуда? - удивился Артюхов. - Вчера здесь ездили...

- Вчера оно тут не лежало, - некстати подтвердил Бубенцов, выглянув из окна.

- И ветра вроде не было, - рассуждал вслух Артюхов.

- Какой ветер! - с некоторой нарочитостью закричал Плетнев. - Оно спилено! Это с умыслом! Нет ли здесь засады?

Бубенцов рассмеялся и, не в силах удержаться от соблазна сыграть новую сцену, завопил:

- Друзья! На помощь! Я здесь. Час освобождения пробил!

Дальше случилось непредвиденное: Плетнев выхватил пистолет и сделал несколько выстрелов по кустам.

Актер замер от неожиданности, кони шарахнулись, Артюхов оторопело крикнул:

- Вы что? Очумели?

- Ложись! - заорал ему Плетнев. - Прикрывай меня с тыла! - Он выхватил саблю и, провозгласив: «Плетнева голыми руками не возьмешь!» - устремился в кусты.

Через секунду кусты заколыхались, оттуда донеслись яростные вопли и крики: «Врешь, не уйдешь! На! Получай!» Раздался стон...

- Ой, мама! - испугался Бубенцов. - Что это, Егорыч?

- А я почему знаю? - недоуменно пробормотал Артюхов.

В ту же секунду из кустов раздалось два выстрела, пули попали в карету. Бубенцов в страхе плюхнулся на дно экипажа, Артюхов схватил винтовку.

Из кустов выбежал корнет в растерзанном мундире. Продолжая размахивать саблей, он вскочил на козлы рядом с Артюховым и заорал:

- Там их много! Гони!

Артюхов дрожащими руками потянул вожжи.

- Живыми не дадимся! - крикнул Плетнев, обращаясь к кустам, и неожиданно шваркнул рукояткой пистолета по голове Артюхова.

Тот обмяк и свалился с козел на землю. Плетнев спрыгнул и распахнул дверь кареты:

- Господин карбонарий, вы свободны!

Актер выглянул из кареты, осмотрелся, увидел лежащего на земле Артюхова и, поняв, что произошло, ужаснулся:

- Зачем вы это сделали?
- Бегите! - взволнованно сказал Плетнев.
- Куда?
- К сподвижникам!
- Как? Зачем? А как же расстрел?.. Нет, я не могу!
- Не теряйте времени! - прикрикнул Плетнев. - И знайте: в армии есть благородные люди!

Бубенцов некоторое время удивленно смотрел на одухотворенное лицо корнета, потом вылез из кареты и, произнеся загадочную фразу: «Ну и дела! Вот влип...», - пошел обратно по дороге. Однако, сделав всего несколько шагов, он круто повернулся:

- Нет, так не пойдет! Конечно, спасибо вам большое, господин офицер, но я предпочитаю остаться!

- Да вы что?

- Лично я никуда не побегу! - заупрямился приговоренный.

- Почему?

- Из-за вас! Вы - благородный человек, но и мы, карбонарии, тоже, понимаешь, не лыком шиты! Вам за это каторга грозит!

- Не ваша забота! Вас-то смерть ждет!

- А это не ваша забота!.. Одним словом, господин офицер, не станем препираться. Извольте отвезти меня к месту казни! Так для нас обоих спокойней будет.

Бубенцов заложил руки за спину, переступил через лежащее дерево, как через Рубикон, и величественно направился вперед.

Плетнев от изумления разинул рот.

- Стой!

Бубенцов обернулся, увидел наведенный на него пистолет.

- Либо беги, либо стрелять буду! - прохрипел бледный от волнения Плетнев.

Артист понял, что в данном случае коса нашла на камень, а попросту говоря - благородство на

благородство.

- Дурак ты, корнет, - вздохнул Бубенцов. - Парень, видно, хороший, честный... но... Если б ты все знал... Как бы объяснить... Эх! Не могу. Не имею права.

- А я ни о чем не спрашиваю! - твердо произнес Плетнев. - Бегите! Здесь можно оврагами, через лес... Переберетесь в соседнюю губернию, а там и до границы недалеко...

- Какая граница? - завыл актер. - Ох, Господи, как все было просто: расстреляли бы меня и разошлись мирно. А теперь выпутывайся! Ну, черт с тобой! Прощай!

Он свернул в лес, но тут же вновь появился на дороге и подбежал к корнету.

- Давай я тебя к дереву привяжу, что ли? Чтоб натурально было!

- Верно! - согласился Плетнев. - Только быстро, а то наряд должен проехать. Как бы вас не схватили.

- Спасибо за заботу, - сказал Бубенцов, привязывая Плетнева к дереву вожжами.

- Это вам спасибо, господин революционер, - ответил Плетнев. - А что народ плохо живет, я и сам видел, только вот так красиво, как вы, сказать не могу. Я встречу с вами и слова ваши на всю жизнь запомню...

- Как зовут-то тебя? - затягивая узел, ласково спросил Бубенцов.

- Алеша Плетнев. А вас? Если не тайна?

- Какая, к черту, тайна. Афанасием кличут! Ну, счастливо! - Бубенцов похлопал корнета по плечу и нырнул в лес.

- На помощь! - крикнул Плетнев.

Артист тут же вернулся:

- В чем дело?

- Да я так, для маскировки, - улыбнулся Плетнев. - Военная хитрость...

- Правильно! - одобрил Бубенцов. - Ну, бывай!

И он нырнул в чашу.

Плетнев остался один, набрал полную грудь воздуха и заорал:

– Люди! На помощь!

В зарослях послышался шум.

– Ко мне! – крикнул Плетнев.

Словно подчинившись команде, из леса вышел огромный медведь и направился к связанному Плетневу.

Продираясь через лесные дебри, Бубенцов слышал отчаянные вопли своего избавителя:

– Караул! Спасите... Ой! Что делается!

– Какими замечательными ребятами богата мать-Россия! – воскликнул остановившийся на мгновение артист и с удвоенной энергией побежал дальше.

Вторая серия

Г о л о с з а к а д р о м :

«Это произошло лет сто, а может, и двести назад, так что очевидцев, скорее всего, не осталось. Поэтому никто не может упрекнуть нас в недостоверности...»

Пока проходят титры второй серии, зритель видит кадры, напоминающие ему содержание первой:

полк, входящий в город...

мавр Бубенцов, стреляющий излука в
губернаторшу...

Мерзляев, разглядывающий попугаев...

гусары, выпрыгивающие из окон заведения мадам Жозефины в седла...

Настенька, которую Артюхов ведет по длинным тюремным коридорам...

полковник, сражающийся с Плетневым на бильярдном столе...

бегущий через заросли Бубенцов...

Плетнев, ударяющий рукояткой пистолета по голове Артюхова...

выходящий из кустов медведь, направляющийся к привязанному Плетневу...

На фоне всех этих кадров звучит лихая гусарская песня:

По селу бегут мальчишки,

Девки, бабы, ребятишки, —

Словно стая саранчи.

В трубы дуют трубачи!

Туту-рум! Ту-ру-рум! Ту-ру-рум!

Раздаются тары-бары:

«К нам приехали гусары!

Все красавцы усачи!

В трубы дуют трубачи!..»

Туру-рум! Ту-ру-рум! Ту-ру-рум!

- Бред! Чушь!!! - Разгневанный Мерзляев расхаживал по кабинету. Перед ним стоял навтыяжку Артюхов. К перебинтованной ноге прибавилась перебинтованная голова.

- Ты сам-то понимаешь, что ахиняя? - орал Мерзляев. - Какие сподвижники? Откуда? Во что они были одеты?

- Не могу знать, ваше высокоблагородие. Не разглядел!

- Не разглядел, потому что их и не было!

- Так точно - не было!

- А кто ж тебя по голове стукнул?

- Сподвижники!

- Какие сподвижники могут быть у этого актеришки?

- Из театра кто? - предположил Артюхов.

- Брось! Театральные людишки трусливы...

- Ваше благородие, - робко заметил Артюхов, - а вдруг он - настоящий?

- Соображаешь, что говоришь? - побледнел Мерзляев. - Если у нас с тобой сбежал настоящий? Это значит: в губернии тайное общество, а мы главаря держали в руках и упустили... Это ж комиссия из Петербурга!

- Виноват! - испугался Артюхов. - Глупость сморозил... Конечно, актеришку отбили!

- Зачем его отбивать? - стукнул по столу потерявший выдержку Мерзляев. - Мы его и так отпускали... Как себя вел Плетнев?!

- Стоял насмерть!

- С кем стоял?

- Со сподвижниками...

- Как они выглядели?
- Не могу знать! Не разглядел!
- Не было их! Понимаешь - не было!
- Так точно, не было, - согласился Артюхов.
Мерзляев погрузился в размышления.
- А может, все это комедия? Корнет ваньку валял.
- А-а.... - понимающе протянул Артюхов. - Вполне может быть.
- Хотя, с другой стороны, так себя поуродовать?..
- Может, это наш карбонарий его помял?
- Нету никакого карбонария! Актер есть!
- Тогда сподвижники...
- Мне эта сказка про белого бычка надоела. Слушай, Артюхов, ты мне Бубенцова - уж не знаю, кто он, карбонарий, шпион или шулер, - вынь да положь! Установить по городу посты наблюдения... В театре...
- Уже стоит! - отчеканил Артюхов.
- В лазарете у Плетнева...
- Уже лежит!
- Где дочь Бубенцова?
- Уже сидит.
- Как? - вздрогнул Мерзляев.
- Она пришла папеньку встречать к тюрьме, а мы ее тут же и сгрябчили!
- Кретин! - Мерзляев подскочил к Артюхову и замахнулся.
Артюхов покорно подставил под удар голову.
- Скажи спасибо, что тебя бить не во что! А то бы...
Через несколько секунд Мерзляев влетел в камеру, где сидела Настенька.
- Сударыня, ради бога, извините! Произошло недоразумение! Поверьте, я тут ни при чем. - Мерзляев попытался поцеловать руку Настеньки, но та гневно отдернула ее.
- Какая ужасная эпоха! Да как они посмели! Вас, мимолетное виденье, гений чистой красоты, - и в

одиночку!

- Не верю ни одному вашему слову! - оборвала его Настенька. - И вы еще говорили мне о своей любви!

- И сейчас говорю!.. Настенька! Звезда моя! Да знаете ли вы, что сегодня утром я послал вам корзину цветов! И сам ждал под балконом... А в это время, оказывается, вас уже держали в темнице... Как трудно любить, когда вокруг - сплошное дурачье!

- Где папенька? - перебила Настенька.

- Это и я бы хотел знать! Дорогая моя, произошло невероятное событие: ваш папенька бежал!

- Что? - изумилась Настенька. - Как он мог отсюда убежать?

- Не отсюда, - поморщился Мерзляев. - Мы его уже начали освобождать, а он... Вместо того чтобы уйти, как договорились, одним словом, по-человечески... бежал!

- Что вы сделали с папенькой? - напряженно спросила Настя.

- Выйдем из этих отвратительных стен! Здесь невозможно разговаривать! - Мерзляев схватил Настю под руку и повел по тюремному коридору. - Ему оставалась маленькая процедура... чистая формальность... И вот буквально за полчаса до освобождения - убежал. Такая престранность! - Мерзляев покрутил многозначительно пальцем вокруг виска. - Скажите, с ним раньше ничего такого подобного не случалось?

- Не случалось! Он раньше не сидел в тюрьме! - Настенька всплеснула руками. - Я поняла: вы его убили!

- За кого вы нас принимаете? Мы боремся только со смутьянами... Ваш папенька случайно не революционер? - Мерзляев с подчеркнутой наивностью посмотрел Настеньке в глаза.

Теперь пришла пора обидеться Настеньке.

- Опять вы за свое! Мой папа - порядочный человек и на госпожу губернаторшу не покушался! Где он? -

Настенька разрыдалась.

- О, если б я знал, где он! - с притворным сочувствием произнес Мерзляев и перешел на лирику: - Милая моя, я не побоюсь сказать, любимая моя Настасья Афанасьевна, ваш папенька жив и ищет вас. Ступайте домой и ни о чем не беспокойтесь! А когда вы его увидите, передайте ему мою нижайшую просьбу: немедленно явиться к нам.

- Зачем?

- Чтобы мы его тут же отпустили. Потому что, если мы его поймем, ему будет очень скверно. Вы меня поняли?

- Нет, - искренне призналась Настя.

- И слава богу. Ступайте домой! Скорей, скорей, вон из этого ужасного заведения! - Мерзляев распахнул дверь, ведущую на улицу. - О боже, как вы очаровательны! Помните у Тютчева, Федора Ивановича: «Твой милый взор, невинной страсти полный, златой рассвет небесных чувств твоих...» Вы не забыли наш уговор? Вечером я - у ваших ног! - Мерзляев провожал Настеньку взглядом, полным истинной любви.

Растерянная, обескураженная Настенька пошла по улице одна. Едва она сделала несколько шагов по мостовой, как от тюремной стены отделилась невзрачная фигура в гороховом пальто и стала неотступно следовать за девушкой.

Настенька ускорила шаг. Фигура тоже. Взволнованная Настенька побежала. Гороховое пальто припустилось за ней, но вскоре выбилось из сил и, задыхаясь от усталости, взмолилось:

- Сударыня! Остановитесь!

Настенька остановилась, удивленно оглянулась.

- Извините, не могу так бегать... Я - больной человек, у меня - астма! - Преследовавший вынул из кармана пилюлю, проглотил ее.

При ближайшем рассмотрении выяснилось, что внутри горохового пальто находился продавец говорящих попугаев.

- Кто вы такой? - сердито спросила Настя.

- Тайный агент! - с обезоруживающей откровенностью выдохнул астматик. - Фу, как я устал! Весь мокрый...

- Что вам от меня угодно?

- Как «что»? - Агент был искренне удивлен. - Я за вами слежу. Вы - мое первое задание, можно сказать, дебют. В общем, идите куда идете, но не торопясь... Помните, я старый, больной человек!

- Ах вы, дрянь эдакая! - возмутилась Настя. - Занимаетесь грязным делом, да еще и признаетесь. Как не стыдно?!

- Очень стыдно, - вздохнул агент, - поэтому и признаюсь. Еще вчера я был просто торговец. Продавал птичек. Казалось бы, невинное дело, но... Какой-то мерзавец, холера ему в бок, продал мне политическую птичку, она кричала такое, что я не могу вам повторить...

- Убирайтесь отсюда! - крикнула Настя.

- Где я могу поймать этого мужика? - продолжал сетовать бывший лавочник. - Чтоб доказать благонадежность, пришлось пойти к ним на службу. И теперь я - филер, шпик, ищейка. Одним словом, докатился!

- А зачем вы за мной следите?!

- Вот это тайна! Сказать не имею права...

- Ах так! - сказала Настя. - Тогда я побегу. Прощайте!

- И вам не жалко старого, больного человека? - запричитал агент.

- Не жалко! - отрезала Настя.

- По-своему вы где-то правы, - глубокомысленно заметил агент. - Хорошо, я вам откроюсь, но - сугубо

между нами. Вы – наш крючок. На вас должен клюнуть папа...

– Значит, он на свободе? – обрадовалась Настя. – Значит, он действительно убежал... Зачем?

– Точно не знаю, – пожал плечами агент. – Короче, велели поймать живым или мертвым! Ой, что вы побледнели? Я это для красного словца! Только живым!

Но Настенька побледнела не поэтому. В окне здания театра, к которому они приближались, она увидела отца. Пытаясь привлечь внимание дочери, Бубенцов отчаянно жестикулировал. Агент перехватил взгляд Настеньки.

– Кто этот глухонемой? – спросил агент.

– Это... это... – замялась Настенька, – наш импресарио! Он срочно зовет меня... на репетицию.

– Прекрасно! – сказал агент. – Идите репетируйте. Но передайте вашему импресарио, что умные люди так себя не ведут. В какое положение он меня поставил? А если б жандармы у входа его заметили?! Я бы должен был свистеть!

– Вы – великодушный человек! – Глаза Настеньки наполнились слезами.

– А, – отмахнулся агент, – глупости! Я сам отец! Идите! Только будьте осторожны!

Через секунду Настя пробежала через театральный подъезд, который охраняли жандармы.

Отца Настя отыскала в одной из костюмерных комнат, где он лихорадочно снимал и отшвыривал в стороны наряды разных эпох и народов.

– Кого мы только играем! – кипел артист от возмущения. – Короли, герцоги, псы-рыцари... Ни одного современника! Порядочному артисту убежать не в чем!

– Папенька! – воскликнула Настя. – Там, внизу, жандармы!

- Нет у тебя больше папеньки. Сирота ты! - Бубенцов приложил к себе дамское платье. - А может, в этом? Нет! Марию Стюарт мне не потянуть! Провалюсь!

- Скажи, в конце концов, что случилось?! - закричала Настя. - Зачем ты удрал? Я уже договорилась, чтоб тебя отпустили.

- Влип я! Понимаешь, влип! Сейчас расскажу... Где костюм Ивана Сусанина? Хотя и древность, но все-таки наш, русский, человек...

А в это время к подъезду театра подкатил открытый экипаж, в котором сидел забинтованный Артюхов. Дежурившие жандармы подскочили к начальству.

- Не появлялся? - спросил Артюхов.

- Никак нет!

- Театр обыскивали?

- Никак нет!

- Олухи! - крикнул Артюхов. - С этого начинать надо! Обшарить помещение!

- Эх, не пришлось на сцене русского мужика сыграть - в жизни попробую! - Перед Настенькой стоял старик, с седой бородой, в армяке, перепоясанном веревкой, в аккуратных новеньких лаптях - одним словом, вылитый Иван Сусанин.

- Прощевай, чадо любимое, - заговорил Бубенцов, отвесив дочери низкий поклон до земли. - Ухожу я в нети, в скиты, за Волгу! Не найти меня там царским опричникам!

- Еще как найти! - сердито сказала Настя. - Не паясничай, папа. Надо идти к Мерзляеву и признаться во всем!

- А что с корнетом будет?

- Тебе-то что за дело? Что он тебе - сын, кум, сват? Из-за него мы в беду попали.

- И это говоришь ты, которую я взрастил и воспитал! Бубенцовы никогда подлостей не делали! Бубенцовы - такая фамилия...

- Хватит, - устало перебила Настенька. - Я это слышала много раз.

- Дочка, - вдруг нормальным человеческим голосом заговорил Сусанин, - он ради меня собой рисковал. В Сибирь пойдет, на каторгу... Жалко парня! Малый-то хороший, добрый.

- Образина чертова! - с раздражением сказала Настя. - Как вспомню его, балбеса, так в дрожь бросает!

- Как это я в него стрелой не попал? - вздохнул Бубенцов. - Попал бы - и ничего бы не было. Ах, чурбан гусарский!

- Остолоп! - поддакнула Настя.

- Видишь, и тебе он нравится. Как же такого парня предавать? - вздохнул Бубенцов. - Понимаешь, дочка?

- Понимаю! - согласилась Настя.

Обыскав фойе, жандармы вошли в зрительный зал. На сцене шла репетиция трагедии из древнеримской жизни. Патриции, сенаторы, консулы, гетеры и фурии, в тогах, туниках и сандалиях, плавно двигались по сцене...

«О всемогущий Юпитер, милость свою прояви, дерзких плебеев десницей срази повсеместно!» - завывал один из патрициев.

Во главе с хромым Артюховым жандармы прошли через зрительный зал и бесцеремонно вторглись на сцену.

- Господа актеры! - прервал гекзаметр Артюхов. - В театре - обыск. Ищем мещанина Афанасия Бубенцова. Кто его видел?

Римляне безмолвствовали.

- Проведем поименное дознание! - сказал Артюхов, переждав паузу. - Вы кто? - обратился он к толстому

усатому патрицию.

- Марк Тулий Цицерон! - ответил тот.

- Я не в этом смысле! - отмахнулся Артюхов. - По пачпорту отвечать!

- По пачпорту - Анна Петровна Спешнева!

Даже выдавший виды Артюхов опешил.

- Так... А вы, мадам, кто будете? - обратился он к пышноволосой гетере.

- Федор Спиридонович Степанов!

- Так! - свирепел на глазах Артюхов. - Разберемся...

А вы кто есть? - спросил он рогатого козлоногого фавна с веночком на голове.

- Марк Юльевич Мовзон!

- По пачпорту отвечать! - заорал Артюхов.

- Я - Марк Юльевич по паспорту, - испуганно ответил фавн.

- Ну вот что, - принял решение Артюхов, - здесь работа большая. Я вас всех выведу на чистую воду. Слушай мою команду: мужчины по пачпорту - налево, женщины - направо! Становись! Обнажайсь!

- Что делать? - размышлял вслух Бубенцов, расхаживая по костюмерной. - Придется бежать куда глаза глядят.

- А если поймают? - спросила Настя.

- Буду молчать! - с надрывом произнес Бубенцов. - Пусть терзают... Правду открывать нельзя!

- А зачем правду? - вдруг осенило Настю. - Бубенцовы не такая фамилия, чтоб говорить жандармам правду! Для них и сочинить можно.

- Что сочинить? Мол, меня отбили? - усмехнулся Бубенцов. - Да кому я сдался...

- Те, кто отбивал, не знали, кто ты такой, - перебила Настя. - Тебя в закрытой карете везли.

- Ну и что?

- А то! - Настенька начала фантазировать. - Раннее утро, туман..

- Тумана не было!

- Не встревай! Туман... Из-за леса на рысях выскочили пять благородных всадников...

- А дальше что? - заинтересовался Бубенцов.

- Они были... в... черных костюмах и черных полумасках.

- На белых лошадях! - неожиданно подсказал Бубенцов.

- Молодец! - одобрила Настя. - Они напали на карету... схватили тебя и уволокли в поле. А там, разглядев тебя, вдруг крикнули: «О боже! Это не наш предводитель! Мы ошиблись!»

- Зачем же волокли? Раньше не могли понять, кто я?

- Так они на тебя мешок накинули, - быстро нашлась Настя.

- Ага! - оценил Бубенцов. - Так бы сразу и говорила.

- После чего они бросили тебя в густую, высокую рожь... - заключила Настя. - Ну как? Ведь натурально выходит!

- Натурально! - согласился Бубенцов. - Натурально, только вранье! Корнет ведь то же самое сказать на допросе должен, а мы с ним не сговорились... Не до того было...

В это время распахнулась дверь и в костюмерную заглянул один из актеров:

- Афанасий! Жандармы! Сюда идут!

Бубенцов инстинктивно рванулся к выходу. Настя побежала за ним.

- Папа! Надо уходить через пожарный люк!

- Дочка, лети в полк, найди Плетнева... Расскажи про то, что мы придумали. Ну, про тех, кто отбил... пять белых всадников на черных конях...

- Черных всадников на белых конях... - поправила Настя.

- Да, да... Ох, черт, самому бы не перепутать!

Весь этот разговор велся на бегу, пока Бубенцов с дочерью металась по коридорам театра. Но за каждым поворотом их встречали голубые мундиры, сторожившие все входы и выходы.

- Идем через сцену! - крикнула Настя. - Но там репетиция!

- Что репетируют? - озабоченно спросил Бубенцов.

- «Смерть Цезаря»!

- Ах, черт, не в то оделся! - воскликнул Иван Сусанин. - Ну, да где наша не пропадала!

В это время на сцене заканчивался досмотр. Подергав за усы последнего патриция и убедившись, что они настоящие, Артюхов скомандовал:

- Одевайтесь, Цицероны! Можете продолжать! - И заковылял со сцены в партер.

Полураздетые актеры и актрисы стали напяливать на себя тоги и туники, и Цицерон вяло пробубнил:

- «О всемогущий Юпитер, милость свою прояви мне! Дерзких плебеев десницей срази повсеместно...»

- «Я отомщу вам, клянусь златокудрой Венерой, - дала ему отповедь одна из упитанных гетер. - Пусть я навеки останусь бесплодной и чахлой...»

Внезапно за сценой раздался оглушительный звон колоколов. Актеры вздрогнули и оцепенели. Колокольный перезвон был явно неуместен, ибо действие пьесы происходило до возникновения христианства. Из-за кулис послышался могучий бас:

- Братья мои, дорогие плебеи и фавны! Если собрата свого вы предать не хотите, то помогите ему добежать до пожарного люка!

На сцене воцарилась жуткая пауза.

Уходивший Артюхов обернулся и с простодушным любопытством уставился на сцену.

Первым опомнился Марк Юльевич Мовзон.

- Что ж вы молчите, и ты, Цицерон, и другие? Или вам голос божественный этот неведом?

- Будем последними тварями, если ему не поможем! - включилась гетера.

Празднично ударили колокола. Под их перезвон на сцене появился, к великому изумлению римлян, бородатый мужик, в лаптях, с портретом российского императора.

Цицерон - на то он и был Цицерон - принял решение:

- Братья мои, мизансцена такая: все - на колени! Чу! Императора слышу шагов приближенье!

- Славься, сла-а-вься русский наш царь! - запел Бубенцов на известную музыку из оперы Глинки.

- Славься, сла-а-вься ты, наш государь! - дружно подхватили коленопреклоненные римляне.

Далее, что было уже совсем необязательным, мужик перекрестил язычников портретом, как иконой, и скрылся по ту сторону кулис.

- Пусть обойдут стороной его горе, беда и напасти! - велеречиво промолвил Марк Юльевич Мовзон.

- Нам бы, Марк Юльич, за это потом не пришлось отвечать бы, - пробормотал в изнеможении Цицерон, вставая с колен и вытирая холодный пот.

- Антракт!

Актеры со страхом воззрились на Артюхова.

- Патриотическая вещица, - тоном мецената одобрил Артюхов и вдруг спохватился: - А кто этот бородач? Мы ж его не проверили!

- Это не бородач! - вдруг с пафосом воскликнул Цицерон. - Это - Иван Сусанин! Народный герой! Он жизнь за царя и отечество отдал! Двести лет назад! - И погрозил Артюхову пальцем.

Не привыкший к угрозам со стороны штатских, жандарм смущенно забормотал:

- А я чего? Я ничего! Отдал - и отдал... Молодец!
Из-за кулис счастливая Настенька жестами
благодарила своих коллег.

Внезапно распахнулась дверь, ведущая из фойе, и в зал вбежал филер в гороховом пальто. Его лицо светилось торжествующей улыбкой.

- Господин Артюхов, - закричал он, - я его поймал!

- Бубенцова?

- Какого Бубенцова? - отмахнулся филер. - Лучше! Можете меня поздравить. Я поймал того проклятого мужика, который продал мне птичку...

- Какую птичку?

- Неблагонадежную. Помните, она выкрикивала такое, что я не решаюсь повторить... Он побежал, я - засвистел. Вон его ведут!

На этих словах два жандарма ввели в зал упирающегося Ивана Сусанина.

- Ошибка, братцы, ошибка произошла! - напирая на «о», по-вологодски говорил Бубенцов.

- «Ошибка»? - зашелся филер. - Я твою бороду из тысячи узнаю...

Актеры замерли. Настя выбежала на сцену.

- Ты мне жизнь поломал! - продолжал кричать агент. - Я из-за тебя ищейкой стал, не в театре будет сказано. И ты еще за того попугая целковый содрал, глаза твои бесстыжие!

Артюхов злорадно разглядывал бородача.

- Сусанин, говоришь? - Он протянул руку и дернул мужика за бороду.

- Ой! - вздрогнул филер, увидев лицо Бубенцова. - Это не он!

- Это - он! - улыбнулся Артюхов. - Здравствуй, Афанасий, здравствуй, голубчик!

Полковник Покровский в сопровождении господина Мерзляева шел по двору казармы. Гусарский полк жил

своей обыденной жизнью: рядовые чистили коней, цирюльники прямо на улице брили гусарские физиономии, точильщик разбрасывал искры, заостряя вороненые клинки, повар в громадном котле помешивал поварешкой.

- Какой удалец ваш Плетнев! Мне доложили, он отчаянно сражался с заговорщиками! - лебезил Мерзляев. - Примите, Иван Антонович, мои искренние поздравления!

- Благодарю! - ележно ответил полковник. - А вас тоже можно поздравить? Поймали бежавшего бунтовщика?

- Пока нет! Но далеко не убежит... Хотя дело непростое. За всем этим кроется явный заговор...

- Уж конечно, - согласился полковник. - Желаю вам его поскорее раскрыть.

- Не сомневайтесь, раскроем... Хотелось бы потолковать с героем приключения.

- К сожалению, невозможно! - сокрушенно вздохнул полковник. - Корнет в лазарете. Налетчики сильно его повредили.

- По долгу службы я обязан его навестить, - сказал Мерзляев.

- К сожалению, не могу сейчас этого вам позволить, - вежливо заметил полковник.

- К сожалению, придется обойтись без вашего позволения, - так же вежливо ответил штабс-капитан. - Кстати, а как получилось, что Плетнев поехал сопровождать опасного преступника?

- Был бы не опасный - не поехал, - парировал Покровский.

- А вам не кажется странным, что боевой офицер вызвался помогать жандармам?

- Не понимаю вас, господин Мерзляев, - насупил брови полковник. - Странные у вас мысли... Он ведь

помогал нашим жандармам, а не каким-нибудь там японским.

- Нет, порыв я одобряю! - отступил Мерзляев перед демагогическим демаршем. - Я к тому говорю, что это не положено... Не по уставу!

- А не по уставу - зачем же вы позволили? Как же вы маху дали, господин штабс-капитан?

Армия явно одерживала верх над жандармерией. Жандармерии это явно не нравилось.

- Дорогой мой Иван Антонович, - в слащавом голосе Мерзляева послышалась некоторая угроза, - в этой истории немало подозрительного. По вашему приказу корнет конвоирует бунтовщика. Далее... На экипаж нападают невесть откуда взявшиеся головорезы. Далее... Кто-то бьет по голове моего помощника. Далее... Корнет сражается как лев, много стреляет, - а он известен как меткий стрелок, попадает в туза за сто шагов, - а мы не находим ни одного трупа... Согласитесь, дорогой полковник, много неувязок! Я просто вынужден сообщить обо всей этой аванюре в Петербург, и тогда кое-кому может не поздоровиться.

- Совершенно с вами согласен, дорогой господин Мерзляев. - Полковник подошел к походной кухне, сделал знак повару. Тот привычным жестом налил ему миску щей. Полковник стал снимать пробу. - История действительно подозрительная... Не желаете отведать? - Полковник протянул миску жандармскому офицеру, тот жестом отказался. - Так вот... - Покровский начал свою речь и одновременно с аппетитом уплетал за обе щеки солдатский харч. - Жандармское отделение везет опасного бунтовщика и, заметьте, почти без охраны. Хорошо, я догадался послать на помощь храброго офицера. Далее: на экипаж нападают головорезы, про которых представитель третьего отделения изволит говорить, что они «невесть откуда»... Далее: помощника бьют по

голове, а его начальник не знает кто! И далее: мой корнет, известный меткостью стрельбы, кладет на месте нескольких заговорщиков, а наши доблестные жандармы являются так поздно, что трупы успевают увезти и, может, даже закопать. И последнее, о чем вы забыли упомянуть: корнет в этой аванюре пролил кровь, а жандармы – чернила в допросах! Согласитесь, что я не могу не сообщить об этом в Петербург, и тогда кое-кому может не поздоровиться. – Полковник с аппетитом облизнул ложку.

– Господин полковник, – козырнул ему адъютант, – вас тут барышня ожидает...

– Не до барышень мне сейчас! – буркнул полковник.

– Она, собственно, не к вам, а к Плетневу хочет! – пояснил адъютант.

– А тому и подавно... не до того. Передай: у него все забинтовано, – по-солдатски пошутил Покровский.

– Зачем же так строго? – вмешался Мерзляев. – Герой имеет право на награду.

– Проси! – согласился полковник. – Посмотрим, что за птица!

Адъютант вышел.

– Не буду мешать. – Мерзляев встал и направился в соседнюю комнату.

Настенька распахнула дверь.

– Добрый день, сударыня! – Полковник галантно пошел ей навстречу. – Мне доложили вашу просьбу. Вынужден отказать. Плетнев ранен и находится в лазарете.

– Мне нужно срочно с ним увидеться.

– А вы, собственно, кто ему?

Настя замялась:

– Ну... в общем... знакомая...

– К сожалению, не могу, – улыбнулся полковник, – у Алексея знакомых много, а здоровье – одно!

- Оставьте этот тон, полковник! - вспыхнула Настенька. - Я - его невеста!

- Простите старого осла! - смутился Покровский. - Мы тут совсем одичали в казармах... Рад познакомиться! Одобряю вкус и выбор корнета!

- Мне тоже приятно познакомиться с невестой господина Плетнева. - В дверях стоял Мерзляев. - Давайте навестим вашего жениха вместе, дорогая Настасья Афанасьевна.

Мерзляев вел Настеньку под руку. Вел мягко, но настойчиво. Они шли мимо казарм, и гусары с интересом посматривали на хорошенькую девушку.

- Выходит, я получил отставку? - печально сказал Мерзляев.

- Выходит, - вздохнула Настенька.

- И это несмотря на охватившее меня чувство?

- Несмотря...

- И вы его любите?

- Очень.

- А он - вас?

- Без ума!

- Невероятно! - с ехидцей заметил Мерзляев. - Тем более невероятно, что я был свидетель, как три дня назад в театре он впервые увидел вас! Такая пылкая любовь с первого взгляда?!

- Это бывает, - саркастически заметила Настя, - хотя бы судя по нашей вчерашней встрече.

- А как папенька относится к вашему жениху? Одобряет?

Нервы Насти не выдержали, она сорвалась:

- Господин Мерзляев, вы меня ревнуете или подозреваете?

- Я тебя допрашиваю, дура! - с неожиданной злостью процедил Мерзляев и тут же, вернув сладкую

улыбку, произнес: – А впрочем, извините, несравненная Настасья Афанасьевна. Признаюсь честно, ревную...

Палата полкового лазарета. В госпитальной койке сидел, голый по пояс, Плетнев. Его мускулистый торс был перевязан крест-накрест белыми бинтами, а бесчисленные царапины замазаны зеленкой и йодом. В общем, он был колоритен, во всех смыслах этого слова. В руках корнет держал гитару, перебирая струны. Рядом с ним на стуле, в скромном платье, сидела Жужу, на коленях у нее был узелок.

Корнет напевал:

Сердца томная забота,
Безымянная печаль!
Я невольно жду чего-то,
Мне чего-то смутно жаль.
Не хочу и не умею
Я развлечь свою хандру:
Я хандру свою лелею,
Как любви своей сестру...

– Это, Леша, тебе от Зизи, – тихо, не прерывая песни, сказала Жужу и поставила на стол банку с вареньем. – Пряники – от Лулу, а вот пирог с грибами – от самой мадам...

И никто не приголубит, —

продолжал песню корнет, —

И никто не исцелит...
Поглядишь: хандра все любит,

А любовь всегда хандрит.

Тут Плетнев и Жужу почувствовали, что в палате кто-то есть, и обернулись на вошедших.

- Родной мой! Любимый! Что они с тобой сделали! - по-бабьи запричитала Настя и кинулась к раненому.

- Розанчик! - завопил Плетнев. - Какими судьбами! Вы...

Договорить ему не удалось. Настя обхватила руками могучее тело Плетнева и поцелуем заставила его замолчать. Внимательно наблюдавший за этой сценой Мерзляев отметил некое недоумение в глазах корнета, затем корнет зажмурился, что свидетельствовало о чрезвычайном восторге.

- Ну, я, пожалуй, пойду! - спокойно сказала Жужу, поднимаясь со стула. - Твоя мамзель тебя и покормит. Привет от всех наших. Поправляйся, Леша... - И она двинулась к выходу.

- Подождите! - остановил ее Мерзляев. - Кто такая?

- Жужу! Из заведения мадам Жозефины...

- Зачем приходили?

- Гостинцев принесла. Пусть поест домашнее. Что он все на казенных харчах...

- А эту даму знаете? - Он показал на Настю, которая упорно продолжала целовать корнета.

- Она давно за ним ухлестывает... Обесчестил, обещал жениться, а потом раздумал. Она даже к нам в заведение к нему прорвалась. Ну чего? Могу идти, господин жандарм?

- Идите, - разрешил озадаченный Мерзляев. - Подождите, а вы как сюда прошли?

- Так и прошла, - лениво сказала Жужу.

- Посторонних в полк не пускают.

- Это я-то им посторонняя? - засмеялась Жужу. - Ну, господин капитан, вы скажете... - И, не переставая

посмеиваться, Жужу покинула палату.

- Вот уж сюрприз так сюрприз! - освободившись из Настенькиных объятий, произнес корнет, но выразить свои чувства ему не удалось. Настенька с криком: «Молчи! Тебе вредно разговаривать!» - повторила свой поцелуйный маневр.

- Прекратите! - раздраженно рявкнул Мерзляев. - Сцена разыграна блистательно!

- Это бестактно, в конце концов! - Настенька гневно обернулась. - Оставьте нас одних!

- Действительно! - Плетнев тоже возмутился. - Чего уставился?!

- Господин корнет, извольте встать перед старшим по званию! - приказал Мерзляев.

- Вставать мне доктора запретили, - нахально ответил Плетнев. - А перед дамами чинами щеголять неблагородно. Подглядывать - тем более.

- Не читайте мне нотаций! Кстати, здесь, - Мерзляев указал на пустую койку, стоявшую рядом в палате, - здесь должен лежать больной. Где он?

- Ваш соглядатай, что ли? Его унесли...

- Куда?

- В хирургическую!

- Как?!

- На носилках!

- Почему?

- После переломов! - дружелюбно разъяснил Плетнев. - Все ясно или еще есть вопросы?

Мерзляев закусил губу и выскочил из палаты, хлопнув дверью.

Избавившись от опасного свидетеля, Настенька попыталась освободиться из объятий, но не тут-то было. Корнет был охвачен страстью:

- Сударыня, я вас обожаю! Я - на вершине блаженства. Вы - мой идеал! Как вас зовут?

- Подождите! - Насте все же удалось вырваться. - Я - дочь того человека, которого вы спасли сегодня на рассвете. Он меня послал к вам. Его схватили. Теперь его и ваша жизнь зависят от того, что вы скажете... Понимаете? Вы должны говорить одно и то же... Понимаете?

- Вон оно что! - Плетнев посерьезнел. - Сударыня, я восхищен вашим отцом! Разрешите пожать вашу руку! - Он взял Настеньку за руку и, воспользовавшись этим, попытался при влечь девушку к себе.

- То, что я вам скажу, очень важно! - Настя оттолкнула Плетнева. - Запомните: на вас напали всадники на белых лошадях. Они были в черных костюмах и в черных полумасках...

- Красиво! - оценил корнет.

- Запомнили?!

- Чего тут запоминать... Черные - белые...

- Нападающих было пятеро! Поняли?

- Ну уж нет! - неожиданно заартачился Плетнев. - Тридцать как минимум...

- Да вы что? Рехнулись? Говорят вам - их было пятеро!

- Не обижайте, сударыня! Кстати, как вас зовут?.. Какие пятеро! - Корнет искренне засмеялся. - Пятерых я бы уложил одной левой... Нет! Тридцать - и точка!

- Вы что, издеваетесь? - начала злиться Настя.

- Ладно, - сделал уступку корнет, - только ради вас: двадцать, и ни копейки меньше!

- Болван! - вспылила Настя. - Вы погубите отца!

- Хорошо! Поскольку уважаю вашего папашу... Как говорится, ни нашим ни вашим. - И корнет назвал окончательное число: - Двенадцать! Больше уступить, сударыня, не могу - перед ребятами стыдно, засмеют.

- Хотите в беду попасть - несите что угодно. Я вас предупредила! Прощайте! - Настя пошла к двери.

- То есть как «прощайте»? - Корнет был искренне изумлен. - И это все?

- Что «это»? - не поняла Настя.

- Ну, это... Поцелуи... Признания... Это что ж? Спектакль?

- И вы поверили, что правда? - улыбнулась его наивности Настя.

- Как же можно такими святыми вещами играть? - Плетнев был обижен и оскорблен. - Я к вам - со всей душой. А вы... За что?

Настя посмотрела на убитого горем Плетнева, пожалала плечами и устремилась к выходу.

- Ничего не буду говорить! - взъерепенился корнет. - Пусть - тюрьма! Пусть - Сибирь! Сорок их было! - И для усиления добавил: - И без масок!

Настя остановилась.

Негодующий Мерзляев шел к своему экипажу. Навстречу ему выскочила бричка, которую погонял Артюхов. Увидя шефа, подручный резко осадил коня.

- Разрешите доложить, господин штабс-капитан! - радостно крикнул Артюхов. - Поймали! Попытка бежать в переодетом виде...

- Допрашивали?!

- Без вас не посмели. Но по дороге в тюрьму он мне рассказывал: мол, какие-то пятеро... На белых лошадях... Лиц сподвижников не разглядел, потому что были в полумасках...

В уме Мерзляева мгновенно промелькнула догадка.

- С дочерью он виделся перед арестом?

- Так точно! Виделся!

- Ах, черт! - выругался Мерзляев.

- Агент наказан! - поспешил оправдаться Артюхов, но Мерзляев его уже не слушал.

- Актерка! Дездемона! Обвели вокруг пальца! - И с неожиданной резвостью Мерзляев припустил к

лазарету.

В палате шло бурное объяснение.

- И вот из-за вашей бесцеремонности папенька угодил в тюрьму, - заканчивала Настя свой обвинительный монолог. - А дальше он подвергся таким испытаниям, о которых я не имею права вам поведать! Какие же чувства можно к вам испытывать?!

- Простите великодушно! Не знал! Виноват! Но поймите - вспылал... Чистая любовь! Одним словом, ураган души, кстати, как вас зовут?

- Ах, «чистая любовь»? А эта самая... которую я здесь только что видела?

- Жужу, что ль? Это - мой товарищ!

- «Товарищ»? - Настенька зашлась от возмущения. - Впрочем, мне плевать! - опомнилась она. - Меня это не волнует! Ничего, кроме отвращения, я к вам не испытываю... Любимый мой, Лешенька, желанный... Счастье мое ненаглядное! - И Настя повисла на Плетневе, покрывая его жаркими поцелуями, поскольку увидела в дверях вошедшего штабс-капитана.

- Я на седьмом небе, любовь моя! - воскликнул корнет, прижав девушку к груди.

- Извините, господа, я прерву вашу семейную идиллию, - сухо сказал Мерзляев.

- Да что ж это такое, в конце концов? - возмутился Плетнев. - Выйдите вон!

- Сначала ответьте на вопрос: кто на вас напал?

- Сначала меня арестуйте, а потом допрашивайте!

- Думаю, придется удовлетворить вашу просьбу, - резко ответил жандармский офицер. - И все-таки - кто напал?

- Чтоб он от нас отвязался, ответь ему, Леша! - посоветовала Настя.

- Пять всадников! На белых конях! В черных костюмах и черных полумасках, - заученно отбарабанил

корнет и не удержался: – Остальных, не помню сколько, положил на месте!

– Я так и думал! – протянул Мерзляев. – Теперь мне ваша неблагоприятная роль, сударыня, ясна до конца. Думаю, мы продолжим разговор с вами в другом месте.

– Леша, солнышко мое! – Настя испуганно прижалась к корнету. – Этот тип меня преследует! Он сделал мне гнусное предложение...

– Что? – взревел корнет. – Стреляться! Здесь! Сейчас! Немедленно!

– Попрошу не выходить из помещения, – холодно приказал Мерзляев. – Через пятнадцать минут здесь будут жандармы...

– Трус! Ничтожество! Подлец! – продолжал выкрикивать оскорбления корнет. – Будешь стреляться или нет, сукин сын?

– Милостивый государь, – хладнокровно произнес Мерзляев. – При исполнении служебных обязанностей я не стреляюсь, а стреляю! – И, круто повернувшись, покинул лазарет.

Наступила пауза.

– Ну, все! – вздохнула Настя. – Он нам этого не простит.

– Не сердитесь на меня, – удрученно пробормотал Алексей. – Не сдержался... Все испортил!

– Лешенька, – нежно произнесла Настя и подошла к корнету. – Горе мое... ненаглядное! – Она ласково погладила его по лицу.

– Он что, подглядывает опять? – недоверчиво спросил Плетнев и отстранился.

– Нет... Я не поэтому! – Настя прильнула к корнету.

– Родная моя! Желанная! Я вам раб навеки! – И вдруг Плетнев снова запнулся. – Кстати, сударыня, как вас зовут?..

В уютном тюремном кабинете господин Мерзляев кормил рыбок.

Не прерывая этого важного занятия, он вел беседу с актером Бубенцовым. Впрочем, вряд ли допрос можно считать беседой... Ссадины и синяки на лице актера свидетельствовали об этом.

- Любезнейший Афанасий Петрович! Ну зачем вы меня обманываете? Я сам ценю шутку, но всему же есть предел. Мы с вами - два просвещенных, уже не молодых человека, неужели мы не найдем общий язык?!

- Да что ж вы мне не верите? - канючил Бубенцов. - Зачем мне вам врать? Налетели, уволокли, отвезли в поле, закричали: «Ах, это не предводитель, мы ошиблись!» - и бросили в густую рожь...

Тюремный писарь старательно фиксировал на бумаге каждое слово.

- В густую, высокую рожь! - Мерзляев сделал ударение на слове «высокую». - Плохо помните текст роли, господин артист. Все эти романтические бредни мы уже занесли в протокол, но меня интересует правда... А правда проста: сопляк корнет не подозревал, что наш расстрел - маскарад, сыграл в благородство и отпустил вас...

- Ну, а мне-то на кой убежать?!

- Очевидно, тоже... из благородства!

- Это во мне-то благородство? - засмеялся Бубенцов. - Обижаете, господин начальник! Благородство - это по вашей части... по дворянской!

- Почему вы сразу не явились ко мне после того, как вас бросили в густую, высокую рожь? Зачем-то переоделись и пустились в бега.

- Честно признаюсь, ваше высокоблагородие. Боялся - не поверите!

- Правильно боялись. Не верю!

- Значит, правильно делал, что бежал, - логично подвел итог Бубенцов.

- Корнета подвести боитесь! - размышлял вслух Мерзляев. - Нашли кого жалеть. Этого солдафона?

- Опять обижаете! - с пафосом воскликнул актер. - Уж кого я ненавижу, так его. Я ж в него целил, а не в госпожу губернаторшу. Это он нам спектакль сорвал. Он меня до тюрьмы довел. Он меня на расстрел повез...

- И дочку вашу обесчестил, - как бы невзначай закончил перечень Мерзляев.

- Что? - Актер осекся. - Как? Что вы имеете в виду?

- То и имею! - развел руками штабс-капитан. - Есть свидетели...

- Врешь! - сорвался Бубенцов.

- Разделяю ваше отцовское горе, - сокрушенно сказал Мерзляев. - Поэтому подумайте, стоит ли его выгораживать... Артюхов! - позвал он своего подручного, стоявшего у двери. - Пригласи-ка сюда господина Плетнева! А вы, - добавил он, обращаясь к артисту, - посидите тут, в уголочке, поразмыслите, послушайте...

С шумом распахнулась дверь, и в кабинет начальника тюрьмы ворвался корнет.

- Выражаю свой протест, господин штабс-капитан, - отчеканил Алексей. - Почему меня не поместили в одной камере с невестой? Это бесчеловечно!

- У нас тюрьма, а не будуар! - жестко сказал Мерзляев. - И прошу, оставьте казарменные замашки. Вы - на допросе.

- А после допроса - дуэль! - продолжал буйствовать Плетнев. - Стреляемся с десяти шагов!

- Устал я от вас, дорогой мой Алексей Васильич, - вздохнул Мерзляев. - Ну, будет ребячиться. Оба были не правы, погорячились. Давайте-ка перейдем к делу.

Плетнев с полуслова понял, чего от него хотят, и привычно зарпортовал:

- Налетела банда! Белые лошади, черные костюмы, черные полумаски...

- Хватит, хватит! - остановил Мерзляев. - Полумасками, полусказками сыт по горло. Посмотрите-ка на этого человека, - указал он на сидящего в углу Бубенцова. - Как вы думаете, кто это?

- Что ж тут думать? Бунтовщик, которого отбили сподвижники...

- Да кому он сдался-то? Вы действительно поверили, что это ничтожество - якобинец? Перед вами - актеришка, которого мы наняли за тридцать сребреников, чтоб он разыграл перед вами сцену расстрела. Патроны-то были холостыми! И он согласился! Человек без стыда и совести... Мелкий жулик, шулер... И вы из-за этой мрази готовы в Сибирь?

Плетнев от удивления разинул рот и уставился на Бубенцова.

- Он - наш агент! Помните: когда вы его отпускали, он, поди, и бежать не хотел?

Плетнев вспомнил и насупился.

- А то, что он слова красивые кричал, - добивал корнета Мерзляев, - так это все актерство было. Притом низкого пошиба.

- Вот уж нет, господин опричник! - Бубенцов в ярости вскочил. - Ложь! Не судите о людях по себе! Господин корнет, все - клевета!

Мерзляев, не ожидавший такого поворота, с изумлением посмотрел на Бубенцова.

- Ты что? Уж не хочешь ли сказать, Афанасий, что ты - заговорщик?

- Попрошу не тыкать! Бубенцовы не жулики и не шулеры! Бубенцовы - такая фамилия... Да, черт возьми, я - заговорщик! И горжусь этим! И наше тайное общество еще спасет несчастную Россию от ига тиранства!

Мерзляев закрыл лицо руками и тихо произнес:

- Понимаешь, что сейчас этими словами ты сам себе смертный приговор подписал?

Наступила тишина. Плетнев с восхищением смотрел на Бубенцова.

- Настю приведи, - приказал Мерзляев Артюхову...

Артюхов вышел.

Корнет приблизился к Бубенцову, щелкнул каблуками:

- Господин карбонарий, хочу сделать признание!

Испуг промелькнул в глазах Бубенцова. Мерзляев насторожился. Писарь обмакнул перо в чернильницу.

- Милостивый государь, прошу руки вашей несравненной дочери. Потому что не мыслю жизнь без нее! Потому что обожаю!

Бубенцов онемел.

Писарь спросил у Мерзляева:

- Записывать?

- Пиши, - махнул рукой Мерзляев. - Бумага все стерпит...

Писарь поскрипел пером и повернулся к Бубенцову, ожидая ответа.

- Спасибо, господин корнет, - растроганно сказал Бубенцов. - Если Настя согласна, разве я могу быть против? Благословляю!

Артюхов ввел Настю.

- Сударыня, - обратился к ней Мерзляев, - помогите. Дело в том, что эти два близких вам человека просто сбрендили. Ваш отец добровольно признался, что он крупный деятель тайного антиправительственного общества. Корнет подтверждает, что вашего отца отбили его так называемые сподвижники. Так вот, я вас спрашиваю, кто ваш отец - актер или бунтовщик?

- Конечно, актер, - поспешила ответить Настя.

- Фу, - с облегчением вздохнул Мерзляев. - Наконец-то нашелся один разумный человек. - Что вы на это скажете, господин отец?

- По-вашему, актер не может быть бунтовщиком? - Бубенцов упрямо стоял на своем. - Театр - это ремесло,

а бунт – призывание!

Настя обомлела.

– Видите, с какой настойчивостью Афанасий Петрович хочет сделать вас сиротой? Я-то считаю, что вашего отца отпустил Плетнев. Умоляю, скажите правду.

Настя перевела взгляд с отца на жениха.

– Хорошо! Скажу правду! – Голос Насти дрогнул. – Во всем виновата я.

Писарь уронил перо. Мерзляев, Бубенцов и Плетнев уставились на Настю.

– Да я! И нечего на меня пялить глаза! – Настю охватило вдохновение, она была достойной дочерью и не менее достойной невестой. – Я наняла пятерых разбойников. Они налетели и освободили отца, которого безвинно везли на расстрел! И я была в отряде... в мужском костюме... в черной полумаске...

– Неправда! – закричал Бубенцов.

– Не было ее там! – подтвердил Плетнев.

– Не слушайте их! – упорствовала Настя. – Я, Настасья Бубенцова, организовала нападение. Пишите!

– Заносить в дело? – спросил писарь.

– Ты что? – остановил его Мерзляев. – Над нами весь департамент хохотать будет...

– Пишите, я требую! – крикнула Настя.

– Сударыня, умоляю, только не утверждайте, что это вы так отдубасили своего жениха! – отмахнулся Мерзляев. – И вообще... Хватит... Мне эта игра в благородство осточертела. Нет благородных людей в России. Не доросли. Рылом не вышли... Черт с вами! Доведем наш спектакль до конца. Вы, молодые люди, свободны. Вам можно позавидовать, впереди у вас медовый месяц... А ты, Афанасий, приготовься к большой ложке дегтя! Руководитель тайного антиправительственного заговора – это, брат, дело серьезное...

- Да какой он руководитель! - вмешалась Настя, но Мерзляев резко прервал ее:

- Слово не воробей, сударыня! Что сказано, то сказано! А что сказано, то записано. - Мерзляев подошел к окну и задумчиво посмотрел на улицу.

За окном шумела улица, мчались экипажи, скакали верховые, гуляла публика, торговцы предлагали свой товар - одним словом, Губернск жил обычной жизнью.

- Эх, дурь наша российская! - вздохнул Мерзляев. - Понимаю, когда самозванец - на трон, но самозванец на плаху? Получилось, как у Александра Сергеевича: «Прибежали в избу дети, второпях зовут отца: тятя, тятя, наши сети притащили мертвеца»!

Артюхов подошел к столу, взял у писаря допросные листы, стал их сшивать.

- Какого мертвеца?! - первой опомнилась Настя. - Не имеете права!

- Беззаконие! - крикнул Плетнев. - Я не позволю!

- Как это? За что? Как же так, не разобравшись... - До Бубенцова только сейчас дошло, что его ожидает. - Произвол! Артюхов... Егорыч, погоди, что ты делаешь? Дело-то белыми нитками шито!

- Суровыми, братец, - сладострастно сказал Артюхов, перекусывая нитку, - суровыми...

В парке губернаторского дворца были накрыты праздничные столы. Нарядная публика - весь цвет Губернска - собралась для торжественных проводов гусарского полка. На специально сооруженном помосте играл военный оркестр. Лакеи разносили вина.

За ломберными столиками шли карточные баталии. Парочки танцевали модный для того времени падеграс.

Светило солнце. Погода и вино способствовали хорошему настроению собравшихся, хотя скорая разлука с любимцами города накладывала на весь этот красочный пикник некий налет грусти.

- Господа! Друзья мои! - Губернатор поднялся из-за стола с бокалом шампанского. Рядом сидела его супруга, за которой галантно ухаживал полковник. - Господа! Сегодня у нас у всех радостный день...

- Печальный, - тихо поправила его губернаторша.

- Да... Радостный и даже печальный, - привычно подхватил губернатор. - Мы прощаемся с нашими доблестными воинами. Они заняли наш город и наши сердца без единого выстрела. Они разбудили нашу сонную провинциальную жизнь... Они... Они... - Он беспомощно посмотрел на губернаторшу, ожидая подсказки.

- Оставили неизгладимый след, - подсказала губернаторша и нежно улыбнулась полковнику.

- Оставили неизгладимый след! - обрадованно подхватил губернатор. - И мы все, и наши жены, и наши дети...

- Будущие! - озорно подсказал сидевший неподалеку, рядом с привлекательной молодой помещицей, Симпомпончик.

- Разумеется, будущие! - подхватил губернатор, но тут же был остановлен негодующим возгласом супруги: «Же ман си па, Алексис!» (Что означало в переводе с французского: «Не пори ерунду, Алексей!») - Одним словом, вы поняли чувства, переполняющие меня!.. Поэтому позвольте от имени всех - ур-ра!

За столами грянули «ура!», зазвенели бокалы.

Оркестр заиграл нечто бравурное.

Среди гостей сновал Артюхов с подносом, уставленным бокалами, и внимательно прислушивался к разговорам. Подойдя к одетому в элегантный фрак Мерзляеву, Артюхов протянул и ему поднос с напитками.

- Что нового? - тихо процедил сквозь зубы Мерзляев.

- Майор Румянцев просадил в вист две тысячи.

- Еще!
- Некоторые о вас, извините, неблагоприятно высказываются...

- Кто? Что?

- Минуточку, у меня тут помечено... - Артюхов достал из кармана шпиргалку. - Господин полковник обозвал вас... - Артюхов шепнул на ухо Мерзляеву. - Прапорщик... ну, который прозван Симпомпончиком... он назвал вас... - Артюхов шепнул. - А потом еще и так... - Артюхов шепнул снова. - Ну и рядовые оскорбления, вроде «жандармская крыса», «кровопивец», «душегуб», «сукин сын»...

- Хватит! - прервал Мерзляев. - Чем занимается поднадзорный Плетнев?

- Ничего предосудительного - милуется с невестой. В беседе.

Мерзляев помрачнел.

- Актеры Настасье Афанасьевне приданое собрали...
Всю выручку от представления...

- И день свадьбы назначен? - зло спросил Мерзляев.

- Думаю, так! - сказал Артюхов.

- Знать должен! - вдруг сорвался Мерзляев. - Думать он мне еще будет. Мыслитель! - Мерзляев выхватил у Артюхова бумажку со списком оскорблений. - «Жандармская крыса»... «Кровопивец»!

Раздались возгласы: «Просим! Просим!»

- Иван Антонович, ну ради меня! - умоляла губернаторша полковника.

Полковник поцеловал ей руку, пожал плечами, мол, нельзя же отказать даме, крикнул: «Яшка!» Подбежали два цыгана с гитарами.

- Вашу коронную? - услужливо спросил Яшка. - «Я пережил»?

Глаза полковника погрустнели.

- Это я пережил, брат Яша! - вздохнул он и запел:

Я пережил и многое и многих,
И многому изведаль цену я.
Теперь влачусь один в пределах строгих
Известного размера бытия.

Мой горизонт и сумрачен, и близок,
И с каждым днем все ближе и темней.
Усталых дум моих полет стал низок,
И мир души безлюдней и бедней.

По бороздам серпом пожатой пашни
Найдешь еще, быть может, жизни след —
Во мне найдешь, быть может, след вчерашний,
Но ничего уж завтрашнего нет.

Жизнь разочлась со мной: она не в силах
Мне то отдать, что у меня взяла,
И что земля в глухих своих могилах
Безжалостно навеки погребла. ^[2]

Романс слушали внимательно и печально. Во время пения полковника к столу приблизился Артюхов и незаметно передал Насте записку. Настя прочитала и поспешила за Артюховым.

За длинным пустым столом сидел господин Мерзляев. Увидев Настю, он вскочил, предупредительно пододвинул ей стул. Настя демонстративно продолжала стоять.

– Слушаю вас, господин Мерзляев!

– На правах старшего и по долгу человека, который вас безответно любит, умоляю: не торопитесь замуж за Алексея Васильича.

– Это вас не касается! – вспыхнула Настя. – Или вы передали мне приказ третьего отделения?

- Сколько бы вы ни оскорбляли меня, я все приму... Стерплю! Чувств ваших мне пока не завоевать, но я обращаюсь к рассудку. Не спорю: Алексей Васильич для вас - завидная партия. Он молод, дворянин, хорош собой, храбр, щедр... но, простите, мягко говоря, не умен... и, к сожалению, не благороден!

- Кому как не вам рассуждать о благородстве! - иронично прервала его Настя.

- Настасья Афанасьевна, - с печальной улыбкой произнес Мерзляев. - Я скажу вам сейчас нечто важное: я прошу вашей руки. Прошу стать моей женой. Я хочу разделить с вами оставшиеся дни... Ради вас я отказываюсь от блестящей карьеры, от эполет полковника, я попаду в немилость... Подумайте, жандармский офицер женится на дочери государственного преступника!.. Вы понимаете всю величину подобной жертвы? Нет, я имею право говорить о благородстве!

- Безусловно! - усмехнулась Настя. - Вы умны, вам присуща тонкость чувств, вы благородны... вы отважны, а главное - что вы все это сами о себе сообщили. Верно! Мой Алеша не так умен! Ему вовек не догадаться, что благородством можно торговать...

- Ну что ж, - вздохнул Мерзляев, - очень жаль, что вы оказались глухи к моим призывам. Забудем про этот разговор! Видно, моя участь - быть одиноким странником... Это страшно, Настасья Афанасьевна! Ладно! Доиграем нашу комедию до конца. Ваш избранник завтра же утром покажет, на что он способен! А вы, сударыня, после этого будьте счастливы, если... сможете!

Распорядитель бала провозгласил:

- Внимание, господа! Сейчас наша несравненная госпожа Бубенцова одарит нас своим талантом!

На эстраду вышла Настенька.

Раздались громкие аплодисменты. Алеша Плетнев охотно принимал их на свой счет и раскланивался.

- Я спою песню, которая посвящается мужественным героям двенадцатого года! - объявила Настя.

- Прелестная девушка! - Губернатор обернулся к стоящему рядом Мерзляеву. - Этому Плетневу крупно повезло.

Мерзляев усмехнулся.

- Кстати, - продолжал губернатор, - она подала мне прошение о своем несчастном отце...

- Потом, ваше превосходительство! - вежливо остановил его Мерзляев, ибо Настенька начала петь:

Вы, чьи широкие шинели
Напоминали паруса,
Чьи шпоры весело звенели
И голоса.

И чьи глаза, как бриллианты,
На сердце оставляли след —
Очаровательные франты
Минувших лет.

Одним ожесточеньем воли
Вы брали сердце и скалу —
Цари на каждом бранном поле
И на балу.

Вам все вершины были малы
И мягок самый черствый хлеб,
О, молодые генералы
Своих судеб!

О, как мне кажется, могли б вы
Рукою, полною перстней,

И кудри дев ласкать, и гривы —
Своих коней.

В одной невероятной скачке
Вы прожили свой краткий век...
И ваши кудри, ваши бачки
Засыпал снег.

Вы побеждали и любили
Любовь и сабли острие...
И весело переходили
В небытие... [3]

Аплодисменты. На сцену полетели цветы...

- Прелесть! - сказала губернаторша.

- Так вот, - губернатор вновь обратился к Мерзляеву, - насчет ее папаши. Этого актера... Будем гуманны... Надо бы его выпустить. Сделаем этой девочке свадебный подарок!

- Я его прощаю, - поддакнула губернаторша.

- К сожалению, все оказалось значительно сложнее, - сказал Мерзляев. - Этот Бубенцов замешан в антигосударственном заговоре, в чем и сам сознался... Завтра утром молодцы нашего дорогого полковника, - Мерзляев улыбнулся Покровскому, - отправят мятежника на тот свет!

- Что? - побледнел Покровский. - Опять?.. Да как же можно... Подозреваемого человека...

- Подозреваемые - вот, - Мерзляев показал широким жестом на танцующую публику, - веселятся. А он - приговоренный!

...Ах, какое славное, чудесное утро выдалось в тот роковой день! Щебетали птички, роса блестела под ранними лучами солнца, и снова по живописным

окрестностям Губернска ехал черный тюремный экипаж. Но на сей раз за каретой скакал конвой – шесть вооруженных жандармов. На козлах вновь сидел Артюхов, а внутри кареты господин Мерзляев личным присутствием скрашивал последние минуты смертника.

– Красотища какая! – сказал Мерзляев, глядя в окно кареты. – Не жаль прощаться-то со всем этим?

– Очень жаль...

– Не бродить тебе больше по траве. Не видеть восхода. В речке не искупаться! – сочувственно вздохнул Мерзляев. – Заигрался ты, Афанасий. Ох, заигрался! Но сейчас – публики нет, протокол не ведется – скажи мне-то... по-человечески: как все было на самом деле?

– А было так, – задумался актер. – Жил я себе жил, никого не трогал. Выступал на подмостках, людей забавлял. Дочь растил. Одним словом, благонамеренный мещанин... А встретился с вами, познакомился, пригляделся и понял, что от настоящей-то жизни я прятался. Настоящая жизнь у меня, можно сказать, только начинается.

– И скоро кончится, – заметил Мерзляев. – Через несколько минут...

– Настоящая жизнь долгой не бывает, – философски сказал Бубенцов. – Мне хоть два дня выпало. А вот вас, господин штабс-капитан, пожалеть можно...

– М-да... – протянул Мерзляев. – Неумно мы порой работаем. Грубо... Парадокс получается: из простых обывателей врагов отечества делаем...

– А вы от имени отечества не выступайте: оно само разберется, кто ему враг, а кто друг!

Тюремная карета в сопровождении эскорта въехала на холм, где росли три сосны. К деревьям были привязаны гусарские кони. Назначенные в наряд гусары, среди которых был и Плетнев, угрюмо наблюдали, как приговоренного выводили из кареты.

Чуть поодаль расхаживал взад и вперед мрачный полковник Покровский.

- С добрым утром, господа гусары! - приветливо поздоровался Мерзляев.

Гусары демонстративно промолчали.

- Иван Антонович, рад вас видеть, - как ни в чем не бывало приветствовал полковника штабс-капитан.

Полковник отвернулся и не ответил.

- Ну вот и поговорили! - Стараясь замять неловкость, Мерзляев улыбнулся. - Действительно, к чему терять время? Перейдем к делу! Господин Бубенцов, будьте добры, займите-ка свое место. Вы знаете какое. Сами выбирали.

Бубенцов молча поднялся на пригорок. Одет он был в тот же мужицкий армяк, грубые портки, лапти... Он занял позицию и повернулся лицом к гусарам.

- Наряд, стройся! - скомандовал Мерзляев.

Пять гусаров нехотя выстроились в ряд.

- Раздать ружья! - последовал новый приказ.

Артюхов вместе с жандармом обошел строй и вручил каждому гусару по ружью.

Наблюдавший за этой процедурой полковник неожиданно крикнул:

- Корнет Плетнев! Выйти из строя!

Плетнев повиновался команде. Полковник подошел к нему, не говоря ни слова взял ружье и занял в строю место корнета.

- Продолжайте, господин штабс-капитан!

- Иван Антонович, - нахмурился Мерзляев. - Зачем же так? Прошу вас, не вмешивайтесь!

- Командуйте! - процедил сквозь зубы Покровский.

- Я не могу отдавать приказы полковнику.

- Совесть-то у тебя есть, Мерзляев? - Полковник был в ярости. - Ты же, небось, в Бога веруешь? Да как же можно заставлять парня стрелять в отца своей невесты?!

- Прекратите балаган, полковник! - побагровел Мерзляев. - Ведите себя достойно при подчиненных! Интересы государства выше родственных! Корнет, встать в строй!

- Корнет, не вставать в строй! - крикнул полковник.

- Слушаюсь, господин полковник! - отчеканил Плетнев.

- Я подам рапорт. И на вас, и на корнета!

- Эк удивил! - усмехнулся полковник.

- Конвой! - спокойно сказал Мерзляев. - Отобрать ружье и вывести полковника из строя.

- Посмотрим, как у них это получится? - Гусары окружили своего командира.

Расстрел зашел в тупик.

- Господа, - неожиданно вмешался в конфликт приговоренный, - не портите себе жизнь из-за моей смерти! Господин полковник, я ценю ваше мужество. Потому что в таких делах быть смелым труднее, чем в бою. И вы, ребята, - добавил он, глядя на гусаров, - не вздумайте бросать ружья. Этот жандарм только того и ждет. Не жалейте меня! Моя песня все равно спета. А тебе, сынок, - обратился он к Плетневу, - уж придется нести свой крест до конца. Я тебе этот грех прощаю. Живи, не мучайся. Господин штабс-капитан, - повернулся он к Мерзляеву, - исполните последнюю просьбу: разрешите обнять Алексея?

- Разрешаю! - буркнул Мерзляев. - Но только побыстрее, а то процедура слишком затянулась.

Бубенцов и Плетнев пошли навстречу друг другу.

- Ты чего нос повесил? - Бубенцов приблизился к корнету. - Настю люби, не бросай, она девушка хорошая. Чего ревешь-то? Не стыдно? Когда целить будешь, думай, что в него стреляешь, - кивнул в сторону Мерзляева, - оно полегче будет... Ну, давай обнимемся на прощание!

Бубенцов и Плетнев крепко обнялись. Во время объятий Бубенцов неожиданно выхватил из-за пояса корнета пистолет и отскочил в сторону.

- Нет, говоришь, благородных людей в России? - крикнул Бубенцов Мерзляеву. - Врешь! Полно! Жаль, сейчас одним меньше станет...

Он приставил пистолет к сердцу, выстрелил, упал на землю.

Наступила тишина. Все замерли.

- Ну, хватит, Афоня... Будет дурака-то валять. Вставай! - неуверенно пробормотал Артюхов. - Ваше благородие, он что?.. Взаправду?!

Мерзляев кинулся к Бубенцову, склонился над ним.

- Эх, дурак ты, дурак несчастный! - Мерзляев тряс безжизненное тело. - Что ты наделал?! Как же это получилось?

Внезапно Плетнев выхватил из рук полковника ружье, прицелился в Мерзляева и спустил курок. Грохнул выстрел, но Мерзляев остался невредим. Плетнев рванул ружье у стоявшего рядом гусара и пальнул еще раз.

- Стреляй! Стреляй, дубина! - заорал в отчаянии Мерзляев. - Все стреляйте, олухи! Патроны-то холостые... А вы поверили... Да разве я имею право - без суда и следствия? Это ж не казнь была, а так... Я думал поугагать!

- Ах, зверь! Холостые? - Лицо Плетнева исказила гримаса ненависти. - Да я тебя... сейчас.

Он побежал на Мерзляева со штыком наперевес. Жандармы набросились на корнета, началась свалка.

Мерзляев не обращал на это никакого внимания. Он положил мертвое тело на траву, поднялся с колен и пошел прочь...

- Боже! Какая жуть! Темные люди! В какое время я живу?.. За что, Господи?.. Как же я Насте объясню?.. Нет, нет! К черту! Все бессмыслица! Да будет ли когда-

нибудь на этой земле порядок? Что же у нас все кровью-то кончается?

Штабс-капитан шел полем, не разбирая дороги, и размазывал по лицу слезы...

А когда зарю сыграли,
Бабы слезы утирали,
И, в котомки взяв харчи,
Уходили трубачи!
Туру-рум! Ту-ру-рум! Ту-ру-рум!

Так оно и было на самом деле. Гусарский полк покидал гостеприимный Губернск. Перед полком шагал военный оркестр, наявивая залихватский марш. Впереди полка на лихом коне гарцевал бравый старый полковник. За ним, под звонкий цокот, прошли ослепительные майоры, волшебные штабс-капитаны, неотразимые поручики, восхитительные корнеты.

Город провожал своих любимцев. На балконах, в распахнутых окнах домов, в оживленной толпе были видны печальные лица женщин и повеселевшие физиономии их мужей.

Несмотря на бравурную музыку, было грустно, как и положено при разлуке. Гусары посылали воздушные поцелуи своим избранницам, избранницы украдкой утирали слезы, навеки запоминая «виновников милых проказ». Шум, возгласы, прощальные крики, цокот копыт – полк продолжал свой победный уход из покоренного города. Вдруг случилось непредвиденное: прямо перед носом колонны через улицу, усыпанную цветами, перебежала отвратительная, драная черная кошка...

Оркестр встал как вкопанный. Музыка сбилась и смолкла. Полк замер. Толпа затаила дыхание.

На мужественном лице полковника мелькнуло сомнение, но, вместо того чтобы привычно скомандовать: «За мной, ребята!» – он опустил голову, повернул коня и повел полк в боковую улицу.

Г о л о с з а к а д р о м :

«На этом, собственно говоря, и закончилось наше повествование, но было бы просто бесчеловечно перед зрителем не рассказать о том, что случилось с героями в дальнейшем...

Поскольку создатели фильма не знают, что с ними стало, а очевидцев, как вы понимаете, не сохранилось, у нас нет иного выхода, как предоставить слово самим героям».

Лица героев появляются перед нами, сменяя друг друга, а сзади, за ними, видится полк, покидающий город, полевая дорога, по которой рысью скачут всадники.

Н а с т я (*говорит в микрофон*). Я вышла замуж за Плетнева, оставила сцену. Когда муж подал в отставку, мы поселились в Плетневке, маленьком имении, доставшемся Алексею по наследству. У нас – трое детей. Девочка и два мальчика. Старшего назвали Афанасием в честь папеньки...

П о л к о в н и к П о к р о в с к и й (*в микрофон*). Служил честно. Пулям не кланялся. Начальству тоже. Поэтому в генералы не вышел. Зато сделал истинную карьеру для военного: в Крымскую кампанию пал в бою за Отечество...

П л е т н е в. За нападение на жандармов был сослан на Кавказ. Воевал. Дважды ранен. В деревне с тоски начал читать. Оказалось – увлекательное занятие. Путешествовал по заграницам... В Италии попал в заваруху. Примкнул к гарибальдийцам... В схватке погиб. Итальянцы меня уважали, похоронили около Рима с большими почестями.

М е р з л я е в. Вся эта малоприятная история получила в Петербурге огласку. Было высказано даже высочайшее недовольство... А дальше... как-то сама собой из моей старинной дворянской фамилии Мерзляев вдруг исчезла буква «л»... Так что я сам и потомки мои стали именоваться в народе «Мерзя... я...» (*Всплакнул.*) Увольте, не могу произнести!

А р т ю х о в (*глядя в объектив*). После того как уволился из агентов, кем я только не был... Приказчиком, лакеем... Купил игорный дом, разбогател. Но как-то в стужу... и выпил-то немного... а вот уснул возле дверей собственного дома и замерз... Нет, ребята, народ верно говорит: пить вредно...

Ч е р н а я к о ш к а. После того как я перебежала дорогу полку, за мной в городе организовали форменную охоту. В меня даже стреляли! Можно подумать, что все неприятности в жизни происходят из-за нас... Какое суеверие! Темнота!!!

В клубах дорожной пыли уже была едва различима колонна всадников, а за нею на автомобиле уезжала киногруппа, снимающая

конец фильма

notes

Примечания

1

Стихи Р. Бернса.

2

Стихи П. Вяземского.

3

Стихи М. Цветаевой.